

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ноябрь 2016

ГОРОД ДЕТСТВА

Геннадий Бурков. «Дорога в лес».

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Издается при поддержке
администрации Барнаула

НОЯБРЬ 2016

/город детства/

**Евгений Платунов. «Сказка
о царе Салтане» и Алтай..... 3**

Об иллюстраторе Пушкина, связанной с нашим краем

**Евгений Платунов.
Памятник на улице Пионеров 5**

О книгах, посвященных пионеру-герою Кире Баеву

**Евгений Чикирка.
Военное детство в Барнауле 8**

О том, как отразились в книгах детские воспоминания их авторов.

Анна Никольская. Друг мой Эдька 15

Отрывки из повести о послевоенном детстве

Поэты Барнаула — детям 19

Стихи Валентины Новичихиной, Ирины Цхай, Ольги Кан,
Александра Зуева.

**Юстасия Тарасова.
Моя мама — Золушка 21**

Отрывок из сказки.

Ирина Цхай. Новогодняя сказка 32

Алевтина Дегтярёва. Лепота! 33

Интервью с автором и иллюстратором детских книг Ольгой
Московкой

**Евгений Платунов. Три забытые
детские писательницы 36**

Очерк о детских авторах середины прошлого века, связанных с
Алтаем

**Светлана Носырь.
Как комплектуются библиотеки
Барнаула? 38**

Статья о том, какие детские книги закупают наши библиотеки и
почему

Юрий Иванов. «Матрешка»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
А.В. Артёмов — председатель,
С.А. Боженко,
М.К. Зимогор,
А.Г. Истомина,
С.А. Мансков,
В.Г. Паршков,
Ю.А. Нифонтова.

Главный редактор
Михаил Гундарин.

Заместитель главного
редактора
Елена Клишина.

Наш адрес:
7storon@rambler.ru.

Тираж 500 экземпляров.

10 лучших детских книг 41
Библиографический обзор

/поэзия/

**Владимир Токмаков.
Охотник и волки..... 44**

Подборка новых стихотворений

/проза/

Ирина Боброва. Аделька 46

Рассказ.

**Вячеслав Чиликин.
Когда прилетают скворцы 53**

Соборная площадь 58

Порт-Артур над Обью 62

Рассказы

/поэзия/

**Надежда Гикал. Любуясь
совершенством мира 66**

Подборка стихотворений с предисловием Сергей Манскова

/дебют/

**Владимир Коровников.
Берегитесь странных личностей 68**

Рассказ.

/Сибирь литературная/

**Иван Клиновой. Красноярск:
фестивали и стипендии 74**

Озон и озверин 75

Статья красноярского поэта о литературной жизни в этом городе и подборка его стихотворений

/театр/

**Вадим Климов. Ползуновское
иносказание 78**

Рецензия на премьеру спектакля «Ползунов» в Краевом театре музыкальной комедии

/итоги года/

**Сергей Боженко.
Бурков и Каминский 83**

Мемуарные очерки-эссе об ушедших от нас в 2016 году мастерах.

**Иван Акаев.
Книги, премии, проекты..... 85**

Итоги литературной жизни-2016.

**Наталья Катренко. Зал
неограниченных возможностей 87**

О переменах в музее «Город»

РАЗМЕЩЕННУЮ В ПРЕДЫДУЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА ТЕМАТИЧЕСКУЮ ПОДБОРКУ «ПУШКИН И АЛТАЙ» СТОИТ ДОПОЛНИТЬ ЕЩЕ ОДНИМ СЮЖЕТОМ, ИМЕЮЩИМ ПРЯМОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТСКОЙ ТЕМАТИКЕ.

«Сказка о царе Салтане» и Алтай

Евгений Платунов

Многие маленькие читатели давних советских детских изданий «Сказки о царе Салтане» запомнили те свои первые книги по ярким рисункам художника Татьяны Алексеевны Мавриной. Искусствоведы, представляя ее биографию, упоминают в том числе и про ее жизнь на Алтае. Чаще пишут о жизни Татьяны Алексеевны в Бийске во время

эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Но в биографической справке в издании Государственного Русского музея «Рисунок и акварель в России: XX век» (СПб, 2008) можно прочесть и такую датировку: «С 1929 года преподавала рисование в школах Ленинграда и Бийска».

В 1970 году художница выпускает книгу «Лукоморье» – итог более чем двадцатилетней работы. Не всем нравилась книжная графика Мавриной, в том числе

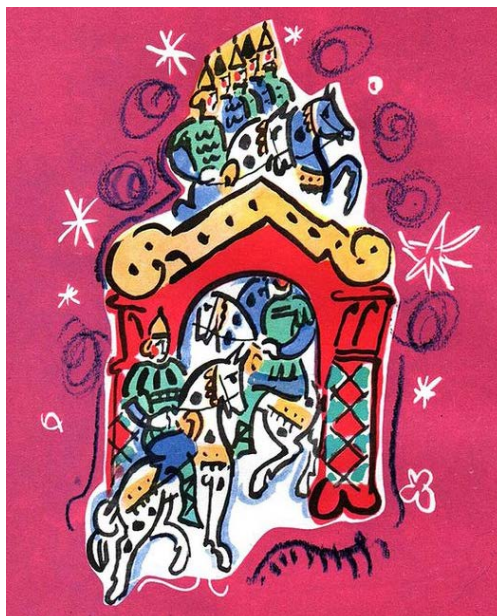
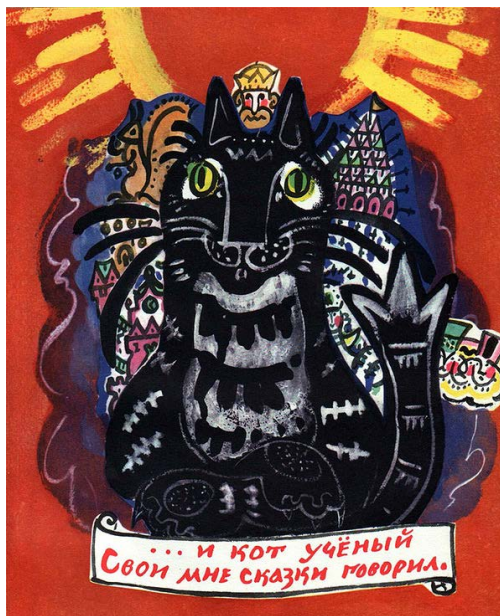

и в Бийске. Были, например, критические замечания библиотекарей: «Естественно, что их раздражение вызывают художники, чье творчество не укладывается в рамки простого и умильного зрительного правдоподобия. Поэтому «Лукоморье» Т. Мавриной вызывает ожесточенные нападки одного из библиотекарей города Бийска, и в ответ на них Виталий Горяев публикует свой аргументированный анализ книги Мавриной, объясняет происхождение стиля ее иллюстраций...». (Э. Ганкина «Художник в современной детской книге: Очерки», Советский художник, 1977. С. 91).

Спустя годы художница тоже была строга к себе: «23.1.93. Вечером перечитала «Золотого петушка» — не понравилось, «Царь Салтан» тоже не по душе. Куда все делось? В рисунке «33 богатыря» нарисован только 31 — позор! Глядя на рисунок, удивилась — как я могла столько нарисовать и хорошо нарисовать красками?».

Давайте посмотрим на некоторые иллюстрации Татьяны Мавриной и вспомним свое собственное знакомство со сказками Пушкина.

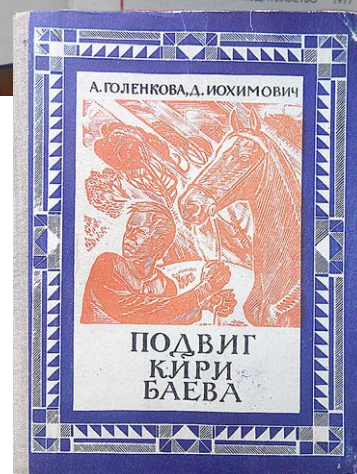
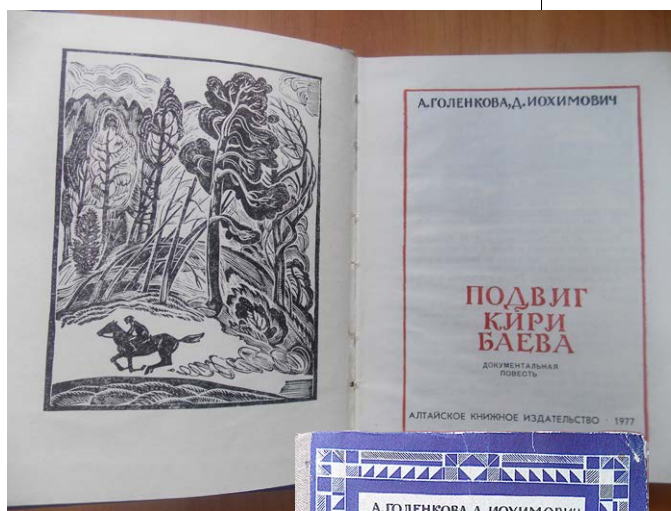
ДЕТСКИХ НАЗВАНИЙ УЛИЦ БАРНАУЛА СЕЙЧАС НЕМНОГО. МОЖНО ОТМЕТИТЬ ОДНО ИЗ НИХ – В ПАМЯТЬ О ЮНОМ ЗЕМЛЯКЕ, КОТОРЫЙ СТАЛ И ПЕРСОНАЖЕМ НЕСКОЛЬКИХ КНИГ. А ФИЛЬМ О НЕМ В СВОЕ ВРЕМЯ ПРИВЛЕК ВНИМАНИЕ ДАЖЕ ЦЕНИТЕЛЕЙ ИТАЛЬЯНСКОГО НЕОРЕАЛИСТИЧЕСКОГО КИНО!

Памятник на улице Пионеров

Евгений Платунов

Сравнительно новый торговый центр «Пионер» у Нового рынка обязан своим названием улице Пионеров. Улица, в свою очередь, получила название от некогда расположенного ближе к Жилплощадке городского Дворца пионеров и школьников. Первоначально в здании стили постройки неоклассицизм находился Клуб НКВД. 8 октября 1963 года в этом здании начал работать городской Дворец пионеров и школьников. Многие барнаульцы более молодого возраста здание Дворца пионеров воспринимают больше как театральное место – долгие годы в здании работал Театр юного зрителя. Рядом со зданием прохожие могут видеть и один из немногих барнаульских памятников, имеющих отношение к популярному жанру детской литературы в советское время, – бюст юному участнику Гражданской войны Кириллу (Кире) Баеву.

Погибшему в 1919 году 15-летнему жителю Алтая в разное время было посвящено несколько книг. Еще в 1958 году в журнале «Сибирские огни» отмечали одну из первых книг о Кире Баеве: «Из доброй сотни произведений, написанных для детей в Сибири за последние два года, можно назвать лишь два произведения, насыщенных романтикой революционной борьбы, если не считать третьего издания прекрасной повести Н. Осинина «Через все преграды» да № 6 новосибирского альманаха «Золотые искорки». Два новых произведения – это повесть алтайской писательницы А. Голенковой и новосибирского журналиста Д. Иохимовича «Подвиг Кири Баева» и стихотворение иркутянина М. Сергеева «Баллада о тополях»...

В селе Поперечном Каменского района Алтайского края около школы стоит памятник 14-летнему партизану Кириллу Баеву. В городе Камне его именем названа одна из улиц и пионерская дружина 11-й семилетней школы».

В 1959 году в методических рекомендациях Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина было отмечено: «Широкую популярность в детских библиотеках города Новосибирска и области получила недавно вышедшая в областном издательстве книга

А. Голенковой и Д. Иохимовича «Подвиг Кири Баева». Вот что говорит об этой книге и работе с ней библиотекарь центральной детской библиотеки им. Н.К. Крупской: «Несмотря на некоторые недостатки в художественном отношении, повесть Иохимовича и Голенковой «Подвиг Кири Баева» очень быстро стала популярной среди читателей. Книга рассказывает о революционном прошлом Сибири, о непосредственном, смелом, честном, принципиальном мальчике, сверстнике наших читателей. Это книга о их земляке. Работа в библиотеке и в пионерском лагере убедительно доказала, что книгу читают, читают с большой охотой. В ответ на предложение почитать книгу, получаешь в большинстве случаев ответ: «Уже читал, очень понравилась» (см. в сборнике «Детские библиотеки – в помощь коммунистическому воспитанию», с. 80 ук. изд.).

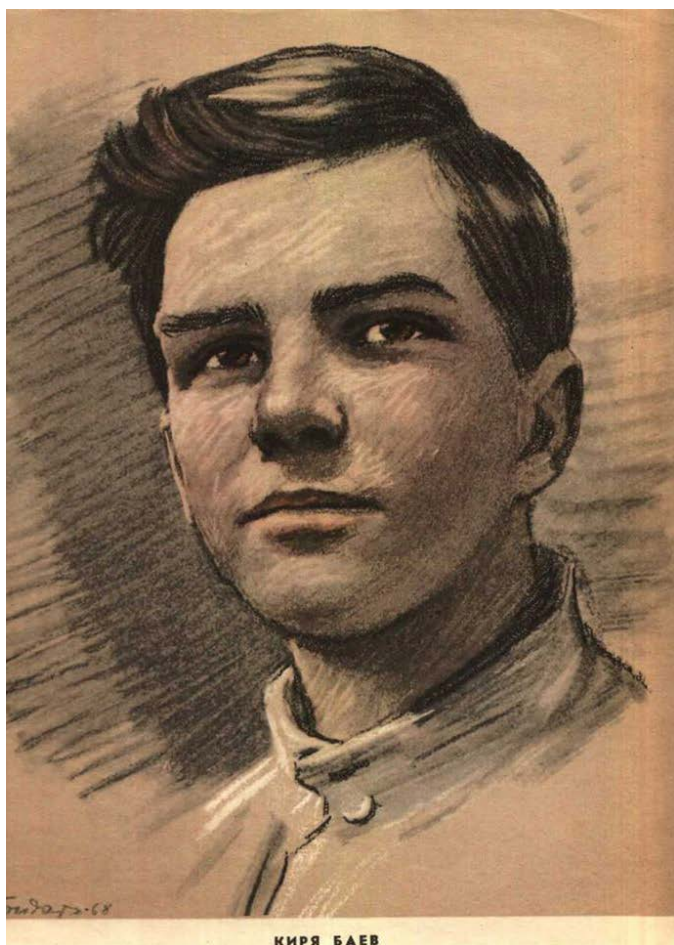
Александр Ивановну Голенкову с самого начала называли алтайской писательницей. Для 1950-х годов это было верное утверждение, так как ее первая книга для детей «Маленькие тайны» (рассказы о насекомых-вредителях плодовых деревьев с послесловием Афанасия Коптелова «Берегите сады и леса») издана в Барнауле в 1953 году. Но позже писательница, видимо, покинула Алтай. Иначе вряд ли бы так поздно

вышел в Алтайском книжном издательстве «Подвиг Кири Баева» – через двадцать лет после первого новосибирского издания: повесть выпустили в Барнауле только в 1977 году. Другие книги Александры Ивановны тоже выходили вдали от Алтая. Книгу «Пик Яна Черского» выпустило Восточно-Сибирское издательство в 1980 году. В 1986 году в Иркутске, в Восточно-Сибирском издательстве, вышла ее книга «Следопыты Байкала», которая в 1975 году была выпущена московским издательством «Мысль».

Стоит отметить, что в Алтайском книжном издательстве в 1955 и в 1966 годах была издана небольшой книжечкой (уменьшенный формат) поэма Валентина Григорьевича Мартыненко «Кирия Баев». Оба издания поэмы редактировал Марк Иосифович Юдалевич, а иллюстрации выполнил сначала Виталий Казимирович Заборский, а в 1966 году – Юрий Борисович Кабанов. Так что психологически понятна определенная «ревность» наших издателей к повести Иохимовича и Голенковой. Ведь получается, что первое литературное произведение о Кирилле Баеве сначала было издано все-таки в Барнауле (1955) и только потом в Новосибирске (1957).

В 1975 году появился фильм режиссера Ирмы Тарковской «Крестьянский сын» о юном партизанском разведчике на Алтае в 1919 году Косте Байкове, в нем без труда угадывается Кирилл Баев. Фильм создавался по книге Раисы Григорьевой – жены драматурга Афанасия Сальинского, у которого в 1960 году тоже вышел фильм о партизанах Алтая («Хлеб и розы»). Часто из-за сокращения имени писательницы до короткой Р. (и участия в фильме Георгия Буркова?) сценаристку путают с другом Шукшина Ренитой Григорьевой.

Книга Раисы Григорьевой «Крестьянский сын» начинается со слов: «Посвящаю светлой памяти Кирию Баева, героически погибшего в борьбе за свободу народа, за Советскую власть». Впервые повесть была напечатана в журнале «Юность» в 1969 году. Книга выходила в издательстве «Детская литература» (1970, 1975). В фильме с участием таких известных актеров, как Леонид Марков, Георгий Бурков и Лев Дуров звучит музыка Эдуарда Артемьева. «Крестьянский сын» отмечен специальным дипломом жюри на Всесоюзном кинофестивале в Риге в 1977 году. Режиссер Ирма Тарковская получила в 1978 году золотую медаль XIX кинофестиваля неореалистических фильмов в Авелино.

Наряду с книгой «Подвиг Кири Баева» и книгой Раисы Григорьевой «Крестьянский сын» есть и третье произведение о Кирилле Баеве. Это «Повесть о партизане Громе» Сергея Осиповича Омбыш-Кузнецова. По хронологии появления она третья, вторая – «Подвиг Кири Баева» (1957), а первой книгой, как отмечено, стала поэма «Кирия Баев». Повесть Омбыш-Кузнецова называется «В Кулундинской степи». Издана она в 1962 году в сборнике «Путь отважных» (серии «Знай и умей», «Детгиз»). Примечательно, что при сравнении с книгой Александры Голенковой и Давида Иохимовича в повести Омбыш-Кузнецова можно найти определенные подробности о действиях партизан. Например, в описании бегства арестованного подпольщика Степана Галактионовича Светлова (Топтыгина) из больницы Камня-на-Оби Омбыш-Кузнецов отмечает, что содействие в его побеге оказал дежурный фельдшер – «военнопленный чех». Фамилию беглеца-подпольщика два автора расчленили в издании 1957 года несущественной подробностью. А в повести Омбыш-Кузнецова, наоборот, были названы по именам и два партизана, посланные командиром отряда Игнатом Громым для освобождения Светлова (Топтыгина) вместе с Кирием Баевым: Илья Чеукин и Егор Корнеев. В книге Голенковой и Иохимовича Чеукин представлен лишь по фамилии и как единственный наставник Кири Баева при подготовке побега подпольщика из больницы.

Примечательно, что Давид Иохимович и Сергей Омбыш-Кузнецов к 1959 году написали совместную пьесу о партизанах Алтая «Дороже жизни», поставленную в Новосибирском театре юного зрителя.

Позднее вариант повести о Кире Баеве Голенковой и Иохимовича дважды был издан под прежним своим названием и в Москве – в книжных сериях «Юные герои» и «Пионеры-герои» (издательство «Молодая гвардия», 1969 и 1984), укрепив своим солидным общим тиражом в 200 000 экземпляров давно сложившийся вокруг этой

биографии нашего земляка анахронизм, выраженный определением «партизан – пионер Кирия Баев». Конечно, ни одного пионера в 1919 году на Алтае еще не было, как не было их тогда и во всей стране. В Барнауле в 1919 году действовала совсем другая детская организация – скаутская. Есть даже французская фотография отряда девочек-скаутов, участвовавших 15 июня 1919 года в параде на нынешней площади Свободы.

Анахронизм с определением «партизан – пионер Кирилл Баев» был допущен уже по сложившейся за десятилетие традиции, так как «имя юного героя Гражданской войны Кири Баева навечно занесено в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина». (Есть в Барнауле и переулок Кири Баева – в Железнодорожном районе.)

История создания памятника Кириллу Баеву в Барнауле началась в 1964 году. Журнал «Народное образование» отметил тогда: «Крайком и Барнаульский горком ВЛКСМ приняли правильное решение, когда поставили перед школьниками совершенно ясную цель: собрать металлолом, продать его и вырученные деньги передать в фонд строительства памятника юному герою Гражданской войны на Алтае Кире Баеву. И нужно было видеть, с какой страстью работали школьники!».

Барнаульский историк Алексей Дмитриевич Сергеев напомнил в книге «Барнаул» (1980) дату появления памятника: «6 ноября 1966 года перед Дворцом пионеров и школьников (переулок Пионерский, 2) был открыт памятник юному партизану Кире Баеву», то есть у памятника в этом году 50-летний юбилей.

ОПИСАНИЯ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ В БАРНАУЛЕ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, КАК ПРАВИЛО, СЕЙЧАС БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ ПЕЧАТАЮТ В ВИДЕ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ К 9 МАЯ ИЛИ 22 ИЮНЯ. ИНТЕРЕС К ЭТОЙ ТЕМЕ ВЫЗВАН ВПОЛНЕ ОБЪЕКТИВНЫМИ ПРИЧИНАМИ: ВСЕ МЕНЬШЕ ОСТАЕТСЯ ЖИВЫХ ФРОНТОВИКОВ, ПОЭТОМУ ЧАСТО ИНТЕРВЬЮ К ДАТАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПРИХОДИТСЯ ДАВАТЬ УЖЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ДРУГОГО ПОКОЛЕНИЯ. ЭТО ПОКОЛЕНИЕ ХОТЯ В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ НЕ ВОЕВАЛО, НО ПАМЯТЬ О ДЕТСКИХ ГОДАХ, КОТОРЫЕ ВЫПАЛИ НА ВОЕННОЕ ВРЕМЯ, ДАЕТ ОСОБЕННО ИНТЕРЕСНУЮ ИНФОРМАЦИЮ. КРОМЕ ЖУРНАЛИСТСКИХ ИНТЕРВЬЮ ЕСТЬ И НОВЫЕ, И ДАВНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ, СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ, В КОТОРЫХ МОЖНО НАЙТИ И БАРНАУЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ.

Военное детство в Барнауле

Евгений Чикирка
фото из архива автогра

БАРНАУЛЬСКИЙ ШКОЛЬНИК, СТАВШИЙ КУРСАНТОМ-Артиллеристом

Московский писатель Александр Евсеевич Рекемчук в своем творчестве не раз возвращался к жизни эвакуированных в Барнаул детей. Некоторые его воспоминания не попали в тексты художественных книг, оставшись лишь в журнальных публикациях. Например, в публикации журнала «Юность» в 1982 году Рекемчук так вспоминал о киносеансах для пациентов барнаульских госпиталей, отмечая довоенный фильм «Музыкальная история»: «Помню госпитальные залы Барнаула, куда занесла меня эвакуация: свет проектора, отражаясь от киноэкрана, ложился на сплошную белизну бинтов и гипса раненых воинов, застывших, кто сидя, кто лежа, на койках, замороженно и счастливо внимающих голосу Лемешева, музыке...».

Две экранизации книг бывшего барнаульского школьника и бийского курсанта Александра Рекемчука – «Они не пройдут» (1965) и «Нежный возраст» (1983) – конечно не могли отразить всех подробностей барнаульского быта военной поры.

«А в этом тылу, в Барнауле, на всех тринадцати Алтайских улицах, уже, наверное, не было ни одной

семьи, в которой оставались бы сразу два мужика. Сын дома – отец на войне. Отец в тылу – сын на фронте. Равным образом это касалось отчимов и пасынков. Однако еще верней сказать, что в этих семьях не было на месте ни одного мужика – все там, на фронте: и отцы, и сыновья, и братья, и дядья, и племянники, и отчимы, и пасынки.

...

В 1943 году, окончив в Барнауле 7 классов, я поступил в 4-ю Московскую специальную артиллерийскую школу, находившуюся в эвакуации в Бийске».

ПРОТОТИП ПЕРСОНАЖА ПЬЕСЫ ЛАВРЕНЁВА

В книге-исследовании Сергея Викторовича Смолицкого «На Банковском» (издана Домом-музеем Марины Цветаевой в 2004 году) помещены впечатления о Барнауле военных лет – в семейных воспоминаниях Волохиных-Штих-Смолицких: «В Барнауле жилось трудно – а кому тогда жилось легко? Татьяна Сергеевна пошла работать в артель, которая шила кукол. Оказывается, существовали во время войны и такие. Платили там гроши (а может, и не платили вовсе), но зато артельным швеям полагалась работа, а не иждивенческая карточка. На нее выдавали больше продуктов.

С тех пор сидит у нас на книжной полке боярин Димка, русский, голубоглазый, в желтой поддевке и красном бархатном кафтане. Еще в моем детстве он выглядел очень празднично, а сейчас годы берут свое. Несмотря на то, что играть в него не разрешалось ни мне, ни моим детям, – реликвия! – Димка за свою более

чем пятидесятилетнюю жизнь повиытерся, в ткань въелась пыль – стирать-то его нельзя, полиняет. Но он все же держится молодцом, сидит, щеголяя красными, хотя уже не блестящими сапожками из шелка.

<...>

Мама рассказывала, как, плача, одна пилила дрова двуручной пилой на морозе. Как носила в Торгсин последние семейные ценности – Георгиевский крест и родительские обручальные кольца. Идти было очень страшно: дорога шла через Дунькин лес, получивший свое название в память об изнасилованной и убитой в нем девушке. Чтобы успеть занять очередь, приходилось встать задолго до света, затем простоять на улице целый день, а потом затемно идти обратно. Туда – с ценностями, домой – с деньгами, дрожа от каждого шороха.

И постоянный ужас тех лет – потерять карточки на питание.

Восьмой класс она пропустила.

Летом Наташу отправили на прополку в колхоз под Барнаулом. Там кормили по рабочей норме. Однажды она зашла на кухню в неурочное время и увидела процесс готовки во всей его антисанитарной жути. После этого пища лезла в глотку с трудом, несмотря на постоянный голод. Но самое тяжелое испытание досталось ей потом. За грамотность и хороший почерк Наташу Штих определили на службу в военкомат – выписывать и выдавать похоронки.

Месяцы этой работы так и не научили Наташу относиться к ней спокойно, не впуская чужое горе в душу. Много лет спустя она рассказывала мне, глядя перед собой невидящими глазами, о двух-трех женщинах, которых не могла забыть. Особенно одну – молодую, статную, которая пришла с двумя детьми. Младший был на руках – еще не ходил. Женщина эта открыла дверь, но не вошла, а осталась стоять на пороге, прислонившись к косяку. Наташу поразил ее взгляд – спокойно-отрешенный и очень враждебный. Женщина взяла из рук подошедшей шестнадцатилетней делопроизводительницы страшную бумагу, едва взглянула на нее, запахнула за пазуху, повернулась и ушла. Рассказывая, мама как бы пыталась оправдаться – за что? Люди совестливые часто чувствуют вину просто перед чужим страданием. И нести такую вину в шестнадцать лет ой как трудно».

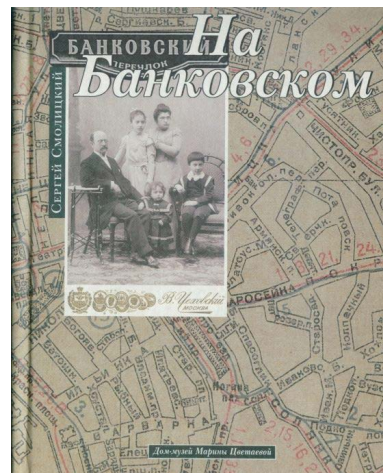
Автор семейной хроники Сергей Викторович Смолицкий окончил Московский авиационный технологический институт (МАТИ) по специальности «Авиационные двигатели», но жизнь выбрала не небо, а море. Хотя стихии долгое время боролись: еще в институте Сергей начал заниматься подводным плаванием, в 1973 году получил квалификацию профессионального водолаза, а через год после окончания института небо снова позвало – Сергей два года отслу-

жил в армии в авиации. После демобилизации Сергея снова потянуло «под воду»: он поступил на работу в Гипрорыбфлот, который тогда занимался проектированием обитаемых подводных аппаратов. Участвовал в разработке различных подводных аппаратов и сам же многие из них испытывал.

С 1993 года по сей день работает в Лаборатории научной эксплуатации глубоководных обитаемых аппаратов Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН. Занимался научной эксплуатацией обитаемых аппаратов «Мир 1» и «Мир 2», участвовал более чем в 20 океанских экспедициях. Погружался у мест гибели «Титаника», японской подводной лодки I-52, на гидротермальных источниках. Участвовал в подводных съемках фильмов «Титаник», «Бисмарк», «Поиски I-52», «Духи бездны» и многих других.

В 2005 году Сергей был руководителем погружения аппаратов «Мир» на «Титаник», в ходе которого Джеймсу Камерону впервые удалось осуществить прямую передачу видеоизображения с глубины 3700 м через спутник по каналу Discovery. В 2007-м участвовал в международной высокоширотной глубоководной арктической экспедиции в составе группы обслуживания аппаратов «Мир», установивших российский флаг на дно Северного Ледовитого океана в географической точке Северного полюса. Максимальная достигнутая глубина, которая покорила Сергея на подводном аппарате до сих пор, – 5300 м (1998, Атлантический океан, работа на японской подводной лодке I-52, потопленной в ходе боевых действий во Второй мировой войне).

Краевед из Херсона Сергей Дяченко отметил находку Сергея Викторовича. «Стоит обратить внимание на маленькое открытие Сергея Смолицкого. В пьесе Бориса Лавренёва «Разлом» среди главных действующих лиц мы встречаем дочерей Берсенёва: «Татьяну – сестру милосердия, 26 лет» и «Ксению – эксцентричную девушку 19 лет». Правда, Татьяне в 1917 году на самом деле было 24 года, а Ксении – больше 19. Характеристики сестер в пьесе очень правдоподобны. Лавренёв, видимо, знал эту семью до революции, знал и о Бестужевских курсах, которые посещала Татьяна, упомянув об этом, а политическая размолвка сестер прошла красной нитью сквозь весь сюжет. Может быть, Лавренёв был в доме Волохина и на квартире Бурлюка. С Бурлюком он

познакомился в 1913 году и не смог не увлечься футуризмом. «Хотелось нарушить живописное благополучие, испортить настроение буржуазии, расстроить ее беспоконное пищеварение», – писал он. Но было нарушено, испорчено и расстроено совсем не то, о чем говорили футуристы. Бурлюк вынужден был уехать за границу, Волохины – забыть о своем прошлом, Херсон – о своей истории. Много интересного об этих людях могли бы рассказать стены дома на Богородицкой, но камень говорить не может».

ОНИ НЕ БЫЛИ ИЗГОЯМИ

«В Барнауле был интернат испанских детей, и однажды они приходили в наш детдом с концертом самодеятельности», – написал Иван Васильевич Овчинников в книге «Исповедь кулацкого сына» (2008).

Темой военного детства испанцев на Алтае заинтересовался в свое время и старейший из рупоров русскоязычной эмиграции – парижская газета «Русская мысль». Но то, как был представлен в этой газете Еленой Висенс Алтайский край и его жители в военное время, требует, конечно, существенной корректировки. Судите сами – как было и как это «переосмыслили» в газете «Русская мысль».

Я выбрал из статьи Елены Висенс лишь те фрагменты, где упомянут Алтай.

Первый фрагмент: «В связи с началом Великой Отечественной войны все детдома из Ленинграда, Москвы и Украины осенью 1941 года были эвакуированы в Среднюю Азию (Коканд, Ташкент, Фергана, Киргизия), Поволжье (Саратов, Саратовская и Сталинградская области), Башкирию (Уфа) и на Алтай. Конечно, в условиях войны нечего было и говорить о благоустроенности, и власти пытались делать для испанских детей все, что могли».

Второй фрагмент об эвакуации на Алтай: «А вот выдержки из письма испанской воспитательницы В. Мартинес, работавшей в детдоме, эвакуированном в Залесский район Алтайского края: «После десятидневного путешествия мы прибыли в Барнаул, и нам сказали, что нас отправят в великолепный санаторий. Но радость наша была непродолжительной... Мы спим просто на полу. Тут нам даже воду не продают. Они хотят одежду или хлеб. Мы терпим большую нужду, но переносим все очень стойко... Через неделю /по прибытии/ несколько детей пришлось отправить в госпиталь, между ними Хулито, о котором через месяц нам сообщили, что он умер. Через несколько дней от гангрены на ноге умерла Луиса Ковшелы Ласкано и еще через несколько дней Росс дель Боске... Мы очень мерзнем, так как печи не греют. По ночам мы плачем от холода и не можем уснуть. У меня коче-

неют руки, и я не могу описать тебе своих страданий».

Вот такая безнадежная картина об эвакуации детей на Алтай и черствости наших земляков была представлена глазами как будто очевидца на страницах парижской газеты «Русская мысль».

А вот как о жизни в Советском Союзе, в том числе и на Алтае во время войны, рассказывает родная сестра умершей Росс дель Боске – Соледад Бойко. Она так и осталась навсегда в нашей стране, вышла здесь замуж, вырастила детей и внуков, живет в Москве:

«Я родилась и жила в Испании, в Стране Басков – «маленькими долинами среди гор» назвал ее писатель Мигель де Унамуно. Нас в семье было пятеро: я, две сестры и два брата. Мой отец, Доминго дель Боске, был из Кастилии. Он работал на фабрике, а когда ему оторвало пальцы, организовал небольшой бар. Началась война, и мужчины из нашего городка Пласенсия-дель-Армас стали солдатами. Папа помогал им чем мог. Мы переезжали с места на место, спасаясь от бомбежек, и родители приняли нелегкое решение отправить нас в эвакуацию. Все думали тогда, что война закончится, и дети вернутся домой. А получилось, что уехали мы навсегда. Дома остался только старший брат, 15-летний Доминго. Мне было 9 лет, Эрнесто – 6, Росите – 12. Старшей из нас, уезжавших, Анне, уже исполнилось 14. Двух моих двоюродных братьев вывезли тогда в Бельгию. Из порта Сантуртси нас морем отправили в Марсель. Мы с испугом и любопытством наблюдали, как наше судно преследует фашистский крейсер (я запомнила его название – «Серверо»), а в небе кружат самолеты. Тех детей, которые эвакуировались во Францию, разместили по каютам, а нас – на палубе. В Марселе каждому из беженцев выдали по белой булочке. Вскоре нас перегрузили на борт китайского грузового корабля, зафрахтованного русскими, и мы отплыли в Ленинград. Спали мы в трюме, на матрацах, брошенных прямо на пол.

Как нас встретили в Советском Союзе? Было ощущение грандиозного праздника. В памяти остался Дом пионеров, набитый игрушками, которые нам разрешили брать. Я взяла машинку для Эрнесто, который в дороге потерялся из виду. К счастью, вскоре его привезли в наш детдом – родственников старались не разлучать. Мы были все вместе, неприветливы и смотрели на мир широко открытыми глазами – мы радовались жизни.

Потом мы попали на Украину, в Херсонский детдом № 7. Нам очень повезло с директором: Анатолий Васильевич Кравченко, бывший капитан дальнего плавания, был настоящим мужчиной – ответственным, мужественным, добрым. Его демобилизовали из-за язвы желудка. Он заботился о подопечных, как о собственных детях, и стал

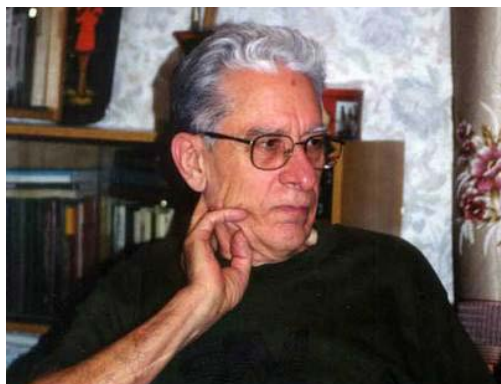

для нас, испанцев, дорогим и близким. Счастье, что именно такой человек оказался рядом в самое страшное военное время, даже не понимаю, как мы смогли тогда выжить.

До войны жизнь в детдоме мне нравилась. Я занималась спортом и балетом. Одна из педагогов, пожилая дама, раньше была балериной и отобрала способных девочек. В их число попала и я. В один день недели нас собирали кличем «Эль депорте!» (спорт), в другой – «Эль байет!» (балет). Помню, мы разучили танец гавот и даже исполняли его в спектакле «Пиковая дама» на сцене Херсонского театра. Нам сшили костюмы: красивые платья, башмачки.

Когда к городу подошли фашисты и начались бомбежки, детский дом эвакуировался. Мы плыли на пароме по Днепру в Запорожье, потом нас везли в открытых грузовых вагонах, а над головами летали фрицы. Мы то и дело высовывались, и воспитатели кричали, чтобы мы прятали головы... Вагоны были переполнены, ведь враг наступал и все рвались на этот поезд, народ обезумел. Какое-то время, пока Анатолий Васильевич хлопотал о нашей дальнейшей судьбе, мы провели в кавказской деревеньке, помогали взрослым собирать арбузы и получали за труд молоко, творог, сметану. Потом нас отправили в Пятигорск, где детдом устроили в санатории на горе Бештау. Целый год мы прожили там не бедствуя.

Однако шел 1942 год, и впереди было много страшного. Немцы продолжали наступать, и однажды нас разбудили среди ночи: срочно эвакуироваться. Анатолий Васильевич стоял на коленях, умоляя выделить транспорт. «У меня испанские дети, помогите их вывезти», – чуть не плача, просил он. Но спастись пришлось самим. Собраться толком не успели. До ближайшей станции Прохладная шли почти бегом три дня и три ночи, умирая от голода и жажды. В Прохладной нам удалось попасть в последний эшелон. До Махачкалы мы ехали без еды и питья. Маленький Эрнесто страдал от голода больше нас всех, у него начались спазмы. Одна семья везла мешок яблок и хлеб, и эти добрые люди поделились с нами.

Война гнала нас все дальше на юг. Чего мы только не насмотрелись! Никогда не забуду, как ели ржавую кильку из бочки на какой-то городской площади, как уплетали кипяток с вареными кусочками теста – «суп с клецками»... У многих детей в то время началась дизентерия.

А потом мы целый месяц поездом добирались до Сибири. В деревне Тундриха нам отвели здание пустующей школы. Мы все поголовно были больны, и человек десять тогда умерли. Я полгода пролежала с тифом и крупозным воспалением легких. Через местную больницу прошли все, а потом нас долечивали в санатории в Бийске. У меня от долгого лежания срослись сухожилия, и пришлось их разрабатывать с помощью массажа и лечебной физкультуры. Я при этом так орала от боли, что скоро уже все знали: это Соледад разминается... Помню, как в больнице мне отчаянно хотелось жареной картошки с белым хлебом, но я была на строгой диете, и навещавшие меня директор детдома и завуч просили повара сварить для меня пару картофелин.

Однажды ко мне в больницу пришла Росита. В долгой дороге (а была зима) она простудилась, и ее положили в нашу палату. Я тогда часто впадала в беспамятство и вот, как-то очнувшись, не увидела ее. Мне сказали, что Роситу перевели в другую палату. Сестра умерла, но от меня это долго скрывали, пока няня не проговорила. В моей памяти сестра осталась веселой певуньей, танцовщицей. Она была лучше всех...

Мы думали, что вернемся домой, как только закончится война. Не получилось. А когда в 1956-м нам официально разрешили уезжать в Испанию, я уже была замужем и ждала ребенка. Потом родился второй сын, муж защищал кандидатскую и докторскую диссертации, возглавил кафедру. Его жизнь, любимая работа, карьера, увлечения – все было здесь. Я всегда очень любила мужа, восхищалась им. Разве я могла его оставить?

Конечно, раньше и ухажеров-испанцев хватало, но я всегда воспринимала их как родню и чувства к ним испытывала исключительно братские. А русские ребята мне нравились. С будущим мужем, Владимиром Григорьевичем Бойко, мы вместе учились в Москве в Институте иностранных языков им. Мориса Тореза, жили в одном общежитии на Маросейке, в Петроверигском переулке.

Сначала Володя ухаживал за другой испанкой, моей знакомой по имени Хосефина. Мне он очень нравился, и я была счастлива, когда однажды он позвонил мне в Ташкент (я уехала туда по распределению) и позвал в Москву. Так я стала Соледад Бойко. У нас была замечательная дружная семья, совсем по русской поговорке: муж – голова, жена – шея.

Володя был исключительным человеком. Ему бы родиться в век Просвещения!

Мы прожили с ним счастливую жизнь, вырастили сыновей, Валерия и Владимира. Старшего назвали в честь знаменитого летчика Валерия Чкалова. В Испании по традиции имя отца получает первенец, а у нас оно досталось младшему. Владимир – владыка, повелитель мира. В Испании есть имя с тем же значением – Реймундо, но я всегда звала мужа только Володей. Он меня звал Соле... Овдовев, я словно осиротела. Теперь я точно Соледад («единственная, одинокая» по-испански)...

Но у меня четверо внуков, правнучка. Одна из внучек, Надежда Владимировна, живет в Испании, поступает в университет Саламанки, один из старейших в Европе. Если внучка наберет достаточное количество баллов, получит стипендию, учрежденную испанской королевской четой специально для потомков «детей гражданской войны». Она живет в семье моей сестры Анны, которая в свое время уехала в качестве советского специалиста (она окончила Тимирязевскую сельскохозяйственную академию и иняз) на Кубу и там вышла замуж за кубинца. Позже они поселились в Испании, в Саламанке.

В конце пятидесятых мой брат Эрнесто тоже с семьей уехал в Испанию, но вскоре они вернулись: там устроиться не смогли. И только в 1992-м его возвращение на родину состоялось. Его уже нет в живых, а жена и дочери Эрнесто и сейчас живут в Витории, столице Страны Басков. Как и мы с Анной, брат получил в СССР хорошее образование, стал, как и мечтал, цирковым артистом. Много гастролировал по стране и в одну из поездок разыскал в Сибири могилу нашей сестры Роситы...».

«В НОВОЙ СТРАНЕ ОНИ ЖИЛИ ЕЕ ЗАБОТАМИ И ПРОБЛЕМАМИ»

Рассказ Соледад Доминговны Бойко дополняет краевед из украинского города Николаева Светлана Васильевна Бойчук:

«Первым директором детского дома для испанских детей стал человек с образовательной средой. Но он работал здесь недолго: сгоряча дал одному из воспитанников подзатыльник, за что был тут же уволен. О нем пока не найдено материалов.

22 сентября 1937 года, когда в новую административно-территориальную единицу – Николаевскую область – вошли города областного подчинения Херсон и Кирово (нынешний Кировоград), на должность нового директора детдома спасенных детей был назначен Антон Васильевич Кравченко из Николаева.

Он не имел специального образования, но был известен своей порядочностью, добротой, особым интеллигентным отношением к людям. Окончил Ленинградское высшее военное училище им. Фрунзе. Опыта работы с детьми он не имел, испанского

не знал. На весь детский дом (а в нем жило и училось более 100 детей) была лишь одна переводчица. Человек, в котором соединились одновременно дисциплина и доброе сердце, искал взаимопонимания с чужими детьми. Принял их как своих – маленьких ребят, которые видели много смертей, пережили боль и страдания, страх и ненависть и которые с трудом привыкали к чужой стране...

Встретив теплое отеческое отношение, дети давали выход своему испанскому темпераменту, баловству, играм и развлечением. Через много лет воспитанница этого детдома Кармен Мартинес напишет: «Наши мальчики были немного трудными, но неплохими...».

В таких отношениях очень быстро выросло взаимное уважение и понимание между директором и ребятами. Вскоре их объединяла прочная дружба, и они были готовы слушаться нового директора во всем.

По рассказам А.В. Кравченко, благодаря налаженным отношениям 9 августа 1941 г., в самых трудных условиях начавшейся войны, удалось очень быстро подготовить весь персонал и самих детей к переезду в тыл.

Решением городского совета и эвакуационной комиссии г. Херсона Николаевской области 112 детей и 10 взрослых испанцев вместе с обслуживающим их персоналом (42 человека) и их семьями (65 человек), всего 229 человек, эвакуировались в Пятигорск (Северный Кавказ).

Но немцы быстро захватывали все новые территории. И вскоре подошли к городу, где остановились беженцы. Вот и самые близкие села у Пятигорска были захвачены. Стала прямой угрозой попасть в немецкий плен. Взрослые понимали, что ожидает детей и взрослых. Транспорта особого никто не мог выделить. Директор А.В. Кравченко, посоветовавшись с коллективом и уже повзрослевшими ребятами, решается на труднейший выход – попробовать уходить дальше пешком – идти на Махачкалу, в глубокий тыл.

Учитывая остроту момента, было разработано несколько вариантов действий с учетом всех неожиданностей, которые могли возникнуть при такой чрезвычайной ситуации. Для этого запланировали разбиться на отдельные группы и самостоятельно выходить из окружения. В каждой группе определили старших – им были выданы деньги, продукты, четко определены маршруты и места встречи. Судя по документам, уже с Пятигорска с директором детдома уходила в тыл более многочисленная группа. Если с Херсона шли 112, то отсюда уже 136 человек (очевидно, что к их группе присоединились дети из других детдомов).

Дорога была очень сложной. Тем более для такого большого детдома и его персонала. И все же они дошли до Каспийского моря. Там их переправили танкером. Далее посадили на поезд и повезли в Алтайский край, в Залесовский район. В само село

Тундриху, где их ждали, прибыли поздней осенью.

Всех эвакуированных расселили в трех двухэтажных деревянных домах. Было очень трудно. Месяцы дорог, тревог и опасностей. Из жаркого лета да в стужу. Ведь в это время на Алтае было уже холодно, а они пришли полуодетыми, полуобутыми. Дети и взрослые начали болеть. На военном самолете к больным ребятам прибыл эвакуированный из Ленинграда профессор-фтизиатр. С ним в детдом доставили лекарства и различный медицинский инструментарий.

От перенапряжений, постоянного холода Антон Васильевич серьезно заболел и лег в больницу. На время болезни первый его помощник, сообразительный и деловой Сантос Гомес, принял на себя все хозяйство детского дома.

Среди учителей, которые вели занятия, была замечательная женщина, эвакуированная в тыл – профессор лингвистики Ленинградского университета Анна Ивановна Иванова. Одинокая 70-летняя женщина-ученый преподавала юным испанцам русский язык и литературу. Сохранились воспоминания, как дети обожали своего чудесного учителя. Однажды на день ее рождения купили ей сервиз. В кофейничек налили редкого тогда молочка, а в масленочку насыпали еще более редкого сахара. Вот с такими подарками да испеченным девочками пирогом они зашли в ее комнату. Каждый воспитанник захватил с собой по хорошему полону – они понимали, как трудно молодой женщине собирать хворост и протапливать комнатку. Увидев необычайные дорогие деликатесы, да еще и готовые дрова в руках детей, их черненькие глаза, светившиеся уважением и любовью, учительница онемела от неожиданности и благодарности и потеряла сознание. И еще долго потом ребята успокаивали своего любимого педагога.

Со временем жизнь на новом месте начала налаживаться. Главные тревоги отошли. Детдом жил и работал, продолжал заниматься учебной и воспитательной работой с детьми и подростками. Купили коров. А Сантос как заведующий хозяйством постоянно советовался через окно с заболевшим от тревог директором. Когда покупал коней, обязательно показывал их Антону Васильевичу: удачной ли будет покупка и их использование для детдома?

Вскоре Москва прислала теплую одежду и обувь. А.В. Кравченко получил премию и благодарность. И самые дорогие для этого времени подарки: пальто, костюм и туфли!

Взяв в 1976 году интервью у бывшего директора детдома (в то время Антон Васильевич уже шесть лет был на пенсии), николаевская журналистка Л. Костюк писала: «Испанские дети не росли пассивными наблюдателями, они стали бойцами великой страны».

Испанские дети воспитывались на лучших традициях Советского Союза. В новой

стране они жили ее заботами и проблемами. Не случайно ежедневно с далекого алтайского детдома на фронт уходили посылки с различными вещами, которые могли помочь солдатам и офицерам выстоять в борьбе с фашистами. Связанные сотни пар рукавичек, носков, шарфы и обязательное послание в конце писем: добрые пожелания и клятва «Но пасаран!» – символ непобедимости и веры своей Испании.

Согласно сохранившимся документам, Москва постоянно контролировала работу детдомов с испанскими детьми. Даже во время войны. Чудом сохранился текст телеграммы-вызова директора А.В. Кравченко в Москву с отчетом о его работе.

Дети выросли. Достигнув совершеннолетия, уходили на фронт. Известно, что уже в 1942 и 1943 годах в боях с фашистами за свою новую родину погибли Асало Гомес, Олехо Бела, Исидро Пельмо. О судьбе других воинов-героев, воспитанников А.В. Кравченко, ничего не известно».

А как же воспитательница Мартинес, записи которой так выборочно использовала в своей статье Елена Висенс? «Из эвакуации из с. Тундрихи Алтайского края в сентябре 1944 г. вместе с детдомом № 7 вернулись в с. Нахабино Истринского района Московской области испанцы: Мартин Леонор, воспитатель, Мартинес Виктория, инструктор по труду, Морено Хосе, учитель, Пьеро Антонио, учитель, с женой и Фернандес Певес, официантка» – напечатано на странице 156 в исследовании А.В. Елпатьевского «Испанская эмиграция в СССР. Историография и источники, попытка интерпретации» (изд. Тверь, изд. ГЕРС, 2002).

В Госархиве Херсонской области хранятся воспоминания воспитательницы детдома А.И. Лохновской, особо отметившей теплые дружеские отношения между испанцами и жителями Тундрихи:

«...поездом прибыли в Барнаул Алтайского края. Из Барнаула детский дом на машинах был вывезен и размещен в Залесовском районе, в с. Тундриха...»

Дети принимали активное участие в общественной и трудовой жизни детского дома. Сотрудники и дети детского дома работали в колхозе, помогали убирать лен, участвовали в прополке и уборке овощей, собирали на поле колоски. За хорошую работу пионерская и комсомольская организации получили благодарность от крайкома ВЛКСМ. Большую переписку вели сотрудники и воспитанники детского дома с фронтовиками. Длинными зимними вечерами, весной и летом воспитатели вместе с детьми вязали теплые носки, варежки, шили и вышивали кисеты и посылали в действующую армию на фронт защитникам Родины. Воспитанники с самодеятельностью выступали в воинских частях и госпиталях Барнаула...

С жителями деревни у нас была тесная связь: старикам и малограмотным писали

письма на фронт, читали газеты, инвалидам помогали в посадке огородов и уборке их...

В 1944 году в сентябре детский дом был переведен в Московскую область, в Истренский район, село Нахабино. Когда мы уезжали, все жители села провожали нас, плакали, приглашали приезжать в гости».

Недавно Алтай и Барнаул в определенной мере попали в новый испанский художественный фильм. Больше заметно, когда в голливудских фильмах очень «шуточно» появляются надписи буквами русского алфавита. Испанский художественный фильм с «русифицированным» названием *Isransi* посвящен долгому путешествию испанских «детей войны» по СССР в 1941 и 1942 годах: из-под Москвы в Сталинград, а потом через Сибирь (и, значит, наш Барнаул) – в Самарканд. Главная героиня – представительница аристократической семьи, в которой не оказа-

лось бы места ее внебрачному ребенку. Воспользовавшись чужими документами, она с трудом находит своего ребенка, которого в 1937 году в числе 30 тысяч маленьких испанцев отправили подальше от фашистских бомбежек в СССР.

«На 1 апреля 1943 года в Западной Сибири насчитывалось 359,9 тыс. эвакуированных детей. Наибольшее их количество – 115,6 тыс. – проживало в Новосибирской области. В Омской области их числилось на это время – 106,9 тыс., в Кемеровской – 80,5, в Алтайском крае – 56,9» (Л.И. Снегирева, Т.А. Сафонова «Резэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны», Томский государственный педагогический университет, 2004).

Весной 1937 года в Советский Союз из Валенсии прибыл первый корабль с 72 испанскими детьми-беженцами на борту. Следующий корабль, *Sontay*, пришвартовавшийся в Кронштадте в июле, привез в СССР 1499 ребят разного возраста: от 3 до 15 лет. Позже, в 1938 и 1939 годах, еще несколько судов из Валенсии, Сантурсе и Хихона с детьми и их воспитателями пришли в Кронштадт и Одессу. Так началась долгая эмиграция более 3 тыс. испанских детей, для многих из которых она так никогда и не закончилась. Елена Висенс при желании могла бы лучше узнать не только точное название Залесовского района Алтайского края: ее отец Мануэль Висенс, став инженером, работал в Сибири до 1960 года. О том, что он жил в Барнауле и Бийске (*Vivió en Barnaul (en el Altái), en Bisk*), напомнила в некрологе газета «Эль Паис».

ШВЕДСКИЙ ВЗГЛЯД НА БАРНАУЛЬСКОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

В Швеции в 2016 году ожидали выхода третьего полнометражного фильма-экранизации из серии романов писателя и журналиста Яна Гийу о Карле Гамильтоне. Фильм и роман называется (как и фильм о другом агенте – Джеймсе Бонде) – «На службе ее величества».

Среди персонажей всех романов Гийу о Карле Гамильтоне, есть русский разведчик, друг и коллега главного героя, фамилия которого звучит очень по-голливудски, а не по-русски: Юрий Чиварцев.

Юрий жил вместе с братом и матерью во время Великой Отечественной войны в Барнауле. Пасторально представленные воспоминания о детстве в Барнауле – с рыбалкой и приготовленным матерью карпом – сопровождают этого персонажа и в следующем романе серии «Гражданин вне подозрений» (1995)

В более ранних по времени телефильмах-экранизациях романов Гийу роль Чиварцева играет не чужой Алтаю актер Евгений Лазарев. Он тоже, как и Чиварцев, жил на Алтае в годы Великой Отечественной войны. «Когда началась война, во время эвакуации, по дороге мать потеряла малолетнего сына, и Женя остался на оккупированной территории. Обычно, облавы, расстрелы, голод – вот его первые жизненные впечатления. Мать лишь после войны смогла отыскать Женю, забрала его на Алтай, в село Благовещенку. Черная Кулундинская степь, волки, завывающие под самыми окнами, бураны, морозы. Село, по крыши потонувшее в сугробах. Долгие вечера, когда вокруг ни зги и лишь в окнах школы горит свет. Кажется, только там жизнь...», – писала об актере «Театральная жизнь» в 1971 году.

Шведская фильмография Лазарева – Чиварцева): *Fiendens fiende* (miniserie) – 1990, *Tribunal* – 1995, *Hamilton* – 1998, *Hamilton* – 2001

Лишь в самой первой экранизации романа Гийу роль русского Чиварцева досталась не Лазареву, а венгру *János Herskó* – в фильме *Täcknamn Coq Rouge* (1989).

Режиссером шведского фильма «Трибунал» (1995) был известный советский и российский кинематографист Владимир Грамматиков. В русском тексте фильма Чиварцева называют Живарцевым.

/для справки/
«Только за сентябрь и октябрь 1942 года Алтайский край принял и разместил 35 ленинградских детских учреждений на 2477 детей. Как родных встречали жители сел Поспелихи, Белоглазово, Новичихи, Косихи ленинградских детей» (Л.И. Снегирева «Во имя победы. Спасенное детство», Томский государственный педагогический университет, 2005).

Друг мой Эдька

Отрывки из повести¹

Как у Робинзона

Я у Эдьки в гостях ни разу не был, только он у меня. Хотя мы друг друга сто лет знаем. Еще с детского сада! Он тоже учится в нашей школе, только в параллельном классе.

А тут Эдька заболел. Его не было, наверное, четыре дня, а то и больше. Я заволновался, а мама говорит:

– Ты сходи к нему, отнеси гостинец.

А я что? Я с радостью! Тем более у Эдьки еще ни разу не был. Я гостинец взял – мама мне варенья налила в банку малинового. Мы летом в лесу собираем малину, и мама потом из нее варит варенье. Обедение получается, особенно если с хлебом.

Я пошел к нему сразу после уроков, мы теперь учимся в первую смену. До Копай-города – топать и топать. Я больше часа шел, это точно. Все полтора. Думаю, вот не повезло же Эдьке!

А когда я его увидел, Копай-город, то подумал: вот это Эдьке повезло! У них тут, почти как у Робинзона.

Заводы Круппа

Копай-город построили, когда к нам Сталинградский тракторный завод эвакуировали. Тогда рабочих много переехало с семьями, разных инженеров и начальников. Они раньше учились за границей – в Америке и в Германии на заводах Круппа, эти инженеры. Делали тракторные двигатели – отлично делали! А когда война началась, стали делать танковые. Руководил ими бывший красный партизан Чудненко, хотя он всего четыре класса окончил, Гальга рассказывала. В общем, у них бронь у всех была – даже рабочих из Копай-города на фронт не забирали.

Ну и вот, приехали к нам сталинградцы, а жить негде. Инженерам и начальству на Свердлова быстренько «еврейские дома» построили – поволжские немцы, они жили тут еще с екатерининских времен. А рабочим комнат не хватило. Вот тогда и расчистили этот пустырь у поселка Западного. Бараки поставили и вырыли землянки.

Про это мне мама рассказывала, сам-то я, говорю, здесь никогда не был.

Крыша со скворечником

Стою я и думаю: где мне Эдьку искать? Не в бараках, это точно. Он в землянке живет, только их вон сколько! А номеров, как на домах, нет. Тут, вижу, идет бабушка. Я у нее спросил, где живут Петровы, а она:

– Какие Петровы? Тут их тьма-тьмущая, Петровых-то!

Я сказал, что мне нужен Эдик Петров, Эдуард.

Бабушка задумалась, потом говорит:

– Белобрысый? Шустрый такой, сын слесаря.

– Да! – обрадовался я.

Ну она мне сразу тогда показала, куда идти. И я пошел. У них тут грязь по колено, дороги нет, сплошные колдобины. Я в лужу наступил – дергаю сапог, а он не вынимается. Застрял, как будто его там в луже кто-то за нос держит. Кое-как я его вытащил и дальше пошел.

Эдькину землянку я еще издали заметил. У них рубероидная крыша со скворечником, бабушка сказала. Приметная. Из трубы, вижу, дымок идет. Я вниз спустился – там у них такие ступеньки вырублены в земле – и стучусь. Дверь у Петровых не как у нас, а из фанеры. А окон я совсем не увидел.

¹ Повесть написана по воспоминаниям отца автора, Олега Никольского, о послевоенном Барнауле – многие герои и обстоятельства реальны. Использованы реальные фотографии того времени, предоставленные автором.

Из пластиглаза

Мне открыла Эдькина мама Тамара Ильинична.

– Олелек! – Она так удивилась, как будто это не я пришел, а медведь из леса.

– Здравствуйте, – говорю, – Тамара Ильинична. Я к Эдьке, он дома?

– Дома, – отвечает. – Пожалуйста, проходи. Ой, не надо, не разувайся!

А мне неловко, у меня к сапогам вот такенные комья грязи пристали! Ну я их маленько обколотил об стенку и захожу. Жарко у них тут, как в бане, и дымит. Но Эдьку я сразу заметил, хоть темно. Сидит на кровати, в подушках, королевич, – книжку читает.

– Вот, – Тамара Ильинична жалуется, – керосину на него не напасешься!

– Привет, Эдька, – говорю. – Как твое самочувствие?

А он даже не удивился, что я пришел. Даже не спросил, как я его тут разыскал и все такое. Говорит:

– Молодец, что пришел. А я с ангиной валяюсь, видишь? – И показывает мне на свое горло. Оно у него было замотано шарфом. – Надоело уже до чертиков!

– Ясно, – говорю.

– Садись, Олелек, на стул, – он мне предлагает.

Я посмотрел – не вижу никакого стула. У них тут буржуйка, стол с лавкой и Эдькина раскладушка. А пол земляной, утопанный, и стенки земляные, только их вроде бы глиной обмазали и побелили. Говорю же, как у Робинзона. Потом я заметил тот ящик и сел.

– Как там в школе? – Эдька спрашивает.

– Ничего, – говорю. – А я тебе варенье принес. Ешь, поправляйся.

Эдька варенью обрадовался. Сразу его начал лопать.

Слопал и говорит:

– Сейчас мать уйдет, я тебе что-то покажу, – а лицо у самого хитрое-хитрое.

Мама у Эдьки куда-то собиралась. Надела пальто, платок накинула и ушла. Сказала, чтобы мы сидели дома, никуда не ходили. Она придет и нас покормит.

А куда мы пойдём? У Эдьки же горло.

Тамара Ильинична как ушла, он сразу шарф размотал и под подушку его спрятал. А потом достает откуда-то из-под тюфяка финку! Я сначала и не понял, что он там достал. А как разглядел, говорю:

– Откуда это у тебя?

А он:

– Отец на день рождения подарил.

Ничего себе, думаю, подарочки!

– Он сам выточил на заводе. Он же слесарь-лекальщик. Смотри, ручка наборная. Из пластиглаза!

Да, отличная вещь! Я даже немного позавидовал Эдьке. Таких финок – раз-два, и обчелся. Я такой ни у кого еще не видел.

Потом Эдька финку у меня забрал и давай одеваться. Ватник, сапоги натянул. Я спрашиваю:

– Ты что, куда-то собрался?

– А ты думал, мы в этом погребе будем сидеть? Спасибо, я насиделся. Мать первый раз ушла – и то, потому что ты тут. Все боится, что я помру.

– Слушай, тебе, наверное, нельзя на улицу, – говорю.

– Можно, – Эдька отвечает. – Я уже даже почти не кашляю. Пошли! – Он меня за руку взял и потащил куда-то.

На улице уже темно, а я все равно как будто ослеп. С непривычки: в землянке что день, что ночь – одинаково.

– Куда мы идем? – спрашиваю.

– Сейчас ты сам это увидишь. Я покажу! – Эдька бежит, торопится. – Давай скорей! Я тебя с одним человеком познакомлю, – говорит. – Он из наших, из сталинградских. Дядя Иван.

Что, думаю, за дядя Иван? Зачем он Эдьке вдруг понадобился? Не понравилось мне все это. Эдька и финку с собой прихватил, в карман сунул, я увидел.

Избушка на курьих ножках

Мы через весь Копай-город пробежали и оказались на пустыре. Там несколько деревьев росло, и стояла какая-то избушка. На курьих ножках – длинных таких, а рядом, я потом заметил, землянка.

– Дядь Иван! – позвал Эдька. – Вы дома?

Он был дома, я это тоже по дыму определил. Он как вышел на улицу, я подумал: вот это человечие!

Дядя Иван – огромного роста. И плечи у него были огромные, и ладони. Про ноги я вообще молчу – я таких ног отродясь не видел. Великанище, а не человек. В руке он держал какую-то длинную палку. Шест – не шест.

– Здорово, хлопцы, – сказал дядя Иван. – Это друг твой, Эдька?

– Олежек, я вам про него рассказывал.

– Понял, – дядя Иван мне улыбнулся, и я увидел, что у него почти нет зубов. – Ты, значит, тоже голубями интересуешься?

Какими, думаю, голубями?

– Он интересуется, – отвечает вместо меня Эдька. – Еще как.

– Ну пошли, – говорит дядя Иван и направляется к той избушке.

Тогда я понял, что это не избушка никакая, а голубятня. Самая настоящая. У нее была круглая остроконечная крыша с отверстиями и четыре ноги. В ней голуби жили, оказывается.

Вообще, я к голубям равнодушен. И к воробьям, и к голубям. У нас в Барнауле их целые тучи летают. Некоторые по ним стреляют из рогаток, а потом перья выдергивают, пекут в углях и едят. Я пробовал – вкусно получается.

Только у дяди Ивана были совсем другие голуби. Они у него были ученые. Ручные!

Он к голубятне подошел и воркует – прямо по-ихнему, по-голубиному совсем! Они головки высунули из оконца, его увидели – и сразу узнали. Вылетели и как давай по красному небу летать! Кувыркаются, как дрессированные. Это они дяде Ивану так обрадовались, я понял.

– Красота? – Эдька у меня спрашивает, и я киваю.

Они правда красивые были – кудрявые, пестрые, чисто белые, всякие. Некоторые в штанишках – у них на лапы как будто такие штанишки мохнатые надеты.

Дядя Иван шест поднял и опять курлычет. Голуби крыльями хлопают – и к нему на шест, там такая жердочка. Говорю же – как в цирке.

– У меня и почтовые есть, – хвастается дядя Иван. – Я их из Сталинграда привез. Не смог бросить, в клетки посадил – и в теплушку. А меня с клетками пускать не желали. Не пустим, говорят, и все. Тут людям мест не хватает! А мне они, ребята, дороже любых людей, ей-богу. Они, знаете, какие? Они верхней собак, а умницы!

Смотрю я на дядю Ивана и думаю: вот повезло человеку! Вон он их как любит. А у меня только коза да кошка. От козы – молоко, а кошка – вообще существо безо всякого смысла. Сидит на полу, мурлычет. Не то что голуби.

Финка

Они еще немного полетали, а потом дядя Иван стал их домой кликать. То есть, в голубятню. Голуби его, конечно, сразу послушались, а мы с Эдькой слезали наверх и насыпали им в кормушки зерна. Я одного голубя даже подержал в руках, дядя Иван разрешил. Он теплый такой, голубь, головой крутит туда-сюда. Я его к груди прижал – не хочу отпускать! Но потом отпустил.

Мы с дядей Иваном попрощались и побежали домой. Вернее, к Эдьке – пока его мать не пришла. Как раз вовремя. Она вернулась, кашу в печке разогрела, и отец Эдькин пришел.

Мы поужинали, и я побежал домой. Уже темно было, но я совсем не боялся. Мне Эдька финку собой дал. Не совсем, конечно, а на пока он не выздоровеет.

В будках

У него что-то было с ногами, он совсем не мог ходить. Бегал на четвереньках, как собачка. Быстро бегал, Мишка был очень сильный и выносливый. Если его обижали, мог накинуться, повалить и душить ногами. Обовьется вокруг горла, как удав, и душит. Задушить мог! Один раз одного блатного из Западного поселка чуть не убил. Тот еле от Мишки ноги унес.

Мне нравился Мишка! Он жил на нашей улице Свердлова. Ну как жил – околачивался. Родители от него сразу отказались, и он рос сиротой. Ночевал, где придется, просил милостыню, по мелочи воровал. Мишка был сильно меня старше, лет на восемь, поэтому я его побаивался. Многие его боялись – ну потому что он такой. Но все равно он мне нравился своим неунывающим характером.

И собакам. Собаки Мишку страсть как любили. Он считали его своим, он в их бездомной сваре, можно сказать, был начальником. Руководил. Часто ночевал в будках, грелся там у них – собаки его без всяких разговоров к себе пускали.

А в школу Мишка не ходил, его туда не брали.

На гармошке

Иду я как-то раз по Свердлова, смотрю – сидит. Около хлебного, прямо на крыльечке, и прохожим улыбается. Думаю, чего это Мишка тут расселся?

- Привет, Мишка! – говорю.
- Привет, Олежек. Как жизнь?
- Нормально!
- Есть чего пожевать?

А у меня как раз было. Мама мне с собой в библиотеку всегда хлеба дает – чтобы в животе не бурчало.

Мишка хлеб проглотил и опять улыбается. Вижу, настроение у него просто отличное.

– Я, – говорит, – Олежек, теперь рабочий человек.

Ничего себе, думаю, какие дела.

– А где ты работаешь, Миш? – спрашиваю.

– Прямо тут, – он мне на крылечко показывает.

Я тогда сначала не понял ничего. Но дальше спрашивать не стал, мне надо было идти. Попрощался я с Мишкой и пошел в библиотеку.

Иду обратно – а он опять сидит! Только Мишка уже не просто сидел – перед ним лежала шляпа. Надо же, шляпу где-то нашел! В общем, Мишка у булочной на гармошке играл, как выяснилось. Причем уже несколько дней. Ему кто-то отдал трофейную гармошку, и он, я потом узнал, сам научился на ней играть. Никто ему не показывал. Вот что значит талант!

Он так здорово играл, что люди около хлебного останавливались. Стояли, слушали и улыбались. Он урод – а они улыбаются до ушей. Потому что музыка красивая. Некоторые доставали из карманов мелочь и хлебные довески и бросали Мишке – прямо в шляпу. Она для этого у него там лежала. Я бы тоже бросил, только у меня с собой ничего не было. Говорю же, он здорово играл! И такие песни веселые – я таких даже и не слышал.

Двухрядка

С тех пор Мишка Павлюк у нашего хлебного все время работал. Он с душой играл, с настроением – и люди это сразу чувствовали. Мишка потом себе даже гармошку-двухрядку и фуфайку новую справил на заработанные деньги.

Один профессор

А потом случилось вот что. Однажды мимо нашего хлебного шел один профессор. Этот профессор был из Харькова, он там до войны работал в консерватории. Преподавал народные инструменты.

Ну и вот. Идет он, значит, и вдруг видит Мишку – а тот как всегда на гармошке играет. Профессор остановился и слушает. Послушал, деньги в Мишкину шляпу бросил и говорит (это нам Мишка рассказывал):

– Голубчик, где вы так виртуозно овладели инструментом?

Мишка его даже не понял: что он спросил?

А профессор опять пристает:

– Кто вас обучал, скажите?

Ну Мишка ему тогда сказал, что никто. Что он сам обучился. И что некогда ему сейчас на разные вопросы отвечать, он занят.

Но профессор оказался настырный. Он еще долго Мишку про все расспрашивал – где он живет, да кто у него родители, да сколько ему лет. Мишка ему все-таки рассказал.

В общем, так потом получилось, что этот профессор Мишку забрал к себе жить.

А однажды Мишка к нам прибегает на четвереньках и говорит:

– Уезжаю я, Олежек!

Мы:

– Как? Куда?

– В Харьков. Меня в музыкальный интернат приняли, я теперь буду на баяне учиться!

Талант

В общем, оказалось, что у Мишки большой талант к музыке. Профессор это проверил и подтвердил.

Мы потом их на поезд все вместе провожали – Эдька, Котька, я и остальные. Даже мама прибежала попрощаться, она к Мишке хорошо всегда относилась. Дала им с профессором в дорогу пирожков.

А с Мишкой мы встретились только через много лет.

Мишка Павлюк окончил десятилетку и Харьковское музыкальное училище по классу баяна. В конце 1950-х он вернулся в Барнаул и стал работать преподавателем в барнаульской музыкальной школе № 2. Всю жизнь Мишка ходил на костылях и ездил на «москвиче» с ручным управлением.

Поэты Барнаула – детям

Валентина Новичихина

СТРАНА ИГРАНИЯ

Здесь все понарошку,
И все тут взаправду.
Здесь хлебные крошки
Дают Леопарду,
Мороженым кормят
Зайчат и Слопенка,
А лечит им горло
Здесь кукла Алёнка.
Здесь рядом с Мартышкой
За партой Сорока,
А плюшевый Мишка
Дает им уроки.
Здесь бьют барабаны,
Гудят самолеты,
И прямо с дивана
Стартуют пилоты.
Летят в поднебесье
Быстрее, чем ракеты, –
Всем детям известны
Такие секреты!
Не надо, друзья,
Ничему удивляться.
Здесь даже машины
Умеют смеяться!

ЛУЖНЫЕ САПОЖКИ

Мне купили в магазине
Из резины сапоги.
В них я бегаю по лужам –
Во все стороны круги!
Я измерил глубину
И длину, и ширину!
Я не просто пешеход,
Я теперь – как вездеход!
Захожу в любую лужу –
Не промокнут ножки.
Потому что у меня
Лужные сапожки!

Я БОЛЬШАЯ

Я уже большая. Вот!
Мне пошел четвертый год.
Всех могу я сосчитать:
Раз, четыре, восемь, пять!
Я умею рисовать
Дом, котенка, стул, кровать.
Вот ценок, а вот петух,
Гусь один. Могу и двух!
Брат смеется: «Ха-ха-ха!»
Три ноги у петуха!»

Я не стану губы дуть.
Ну, ошиблась я чуть-чуть...
Я ошибку вмиг исправлю:
Ногу тут... еще поставлю.

Ольга Кан

ТАЙНЫ

Промычала мне корова
По секрету: «Му-му-му!».
И добавила сурово:
«Ты об этом – никому».

Пчелка села мне на ушко:
«Хочешь, тайну расскажу?
Только ты не будь болтушкой
И об этом ни жу-жу».

А кузнечик – вот проказник! –
Стрекотал и стрекотал.
Сто секретов самых разных
По секрету разболтал.

Я теперь все тайны знаю,
Но запру их на крючок.
Никому не разболтаю.
Тихо, тихо... Тс-с-с... Молчок.

Художник
Тамара
Плотникова

ПРО ГНОМА И КОНФЕТЫ

*В лесу далеко,
За холмом,
Жил толстячок усатый –
Гном.*

*Он был на ухо глуховат,
А в чем причина?*

Шоколад.

*Зефир,
Конфеты,
Мармелад*

*Он кушал целый день.
И стал глухим как пень.*

Не слышит!

Хоть ему кричат

Над ухом

Сорок пять галчат

И тридцать три совы –

Не слышит он,

Увы!

*Мальчи, тебе я дам совет,
Внимательно послушай:
Поменьше лопай ты конфет,
Чтобы не слиплись уши!*

С ДОБРЫМ УТРОМ!

*Добрым утром в воскресенье
Слева вздрогнули соседи,
Справа вздрогнули соседи
И спросили шепотком:*

*– Может быть, в квартире рядом
Ветер воет серенаду?
Или кошке у парадной
Хвост прижали башмаком?*

*Или два больших медведя
Страшно воют за стеной?*

*– С добрым утречком, соседи!
Это вовсе не медведи.
Просто это наша Маша
Спеть решила в выходной.*

Ирина Цхай

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

*Солнечный зайчик
В стаканчик упал,
Нос поцарапал
И лапку сломал.*

*Я положила
Морковку в стаканчик:
«Ешь, поправляйся,
Мой солнечный зайчик!».*

МЕЧТА

*Вот бы стал я шариком –
да, воздушным шариком,
Самым лучшим шариком, радужным шаром!
Украшал бы праздники, радовал проказников,
Улетел бы в небо прямо босиком!
Но поймают мама и заявит прямо:
«Шар, такой хороший, нужен мне самой!».*

ИЗ ЖИЗНИ СВИНОК

*У ребенка-поросенка
Неплохая работенка:
Громко хрюкать, кушать, спать,
Пятачок везде совать.*

*В школу – можно не ходить!
В лужу – всех друзей водить!
Но зато у свинок нету
Телефонов и планшетов!*

ПОМОЩНИЦА

*Стану поварихой!
Я готовлю лихо:
И морковку,
И картошку,
И капусту положу,
Размешаю поварешкой,
Всех на ужин приглашу!*

*Только мама говорит:
«У меня живот болит
От бумажных овощей,
Пластиковых борщей!».*

Александр Зуев

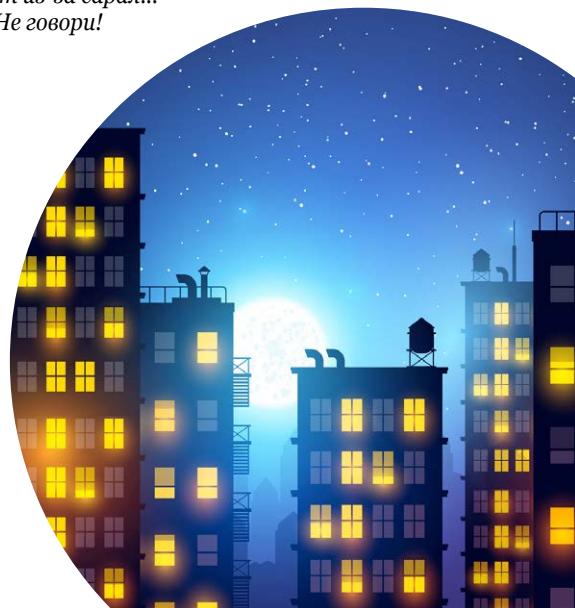
КОЛОБОК

*Колобок – румяный бок –
Кто его испек?
Кто над тестом ворожил,
Кто раскатывал, лепил?
Может, ты, дружок?*

*На сметанке он мешён,
Не смотри, что так смешон,
Пожелай ему родни
Из такой, как он, стряпни.*

НОЧНЫЕ СТРАХИ

*Закипает старый чайник,
Носиком сипит.
Завидующими глазами
Тьма в окно глядит.
Тьма осенняя, сырая...
Дверь приотвори –
Выглянет из-за сарая...
Что? – Не говори!*

СБОРНИК ПРОЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ПРОСЫПАЕМСЯ МЫ» ЮСТАСИИ ТАРАСАВЫ СТАЛ В ЭТОМ ГОДУ ПОБЕДИТЕЛЕМ КРАЕВОГО КОНКУРСА НА ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В НОМИНАЦИИ «ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА» (КАК И ПОВЕСТЬ ЕЛЕНА ОЖИЧ «СТАРЫЙ ГОРОД»). ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСКОГО КОНКУРСА СОСТОИТСЯ В СТЕНАХ КРАЕВОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. В.Я. ШИШКОВА В ФЕВРАЛЕ 2017 ГОДА В РАМКАХ ФЕСТИВАЛЯ «ИЗДАНО НА АЛТАЕ». В КАЧЕСТВЕ АНОНСА ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТРЫВОК ИЗ СКАЗКИ ТАРАСАВЫ «МОЯ МАМА – ЗОЛУШКА», ВОШЕДШЕЙ В СБОРНИК «ПРОСЫПАЕМСЯ МЫ». ХУДОЖНИК КНИГИ — АЛЕКСАНДР ЕРМОЛОВИЧ.

Юстасия Тарасова

Моя мама – Золушка

«Золушка» – старинная сказка, которая родилась много-много веков назад и с тех пор все живет да живет, и каждый рассказывает ее на свой лад.

Евгений Шварц

Моя мама – Золушка. Она много работает и вечером засыпает от усталости в кухне. Но не на золе, а на диванчике. Золы у нас нет, потому что нет печки. У нас плита. Но от этого хлопот у мамы не меньше. Мама ходит на работу, а еще она занимается домашним хозяйством и мной. Мы живем с дедушкой, бабушкой и двумя тетками – Анной и Марьяной. Тетки Анна и Марьяна успешные, не то что мама. Они так говорят. У теток полно денег, потому что обе занимаются своими котлованами. То есть карьерами. В этих карьерах они добывают деньги. Тетки не любят маму. «Дура!» – чуть что взрывается тетка Анна. Ее любимое слово – «дура». Любимое слово тетки Марьяны – «продвинутый». «Какой надо быть душой, чтобы так сломать себе жизнь!» – фыркает тетка Анна. Мамина жизнь кажется ей загипсованной с головы до ног. «Это так непродвинуто!» – поддакивает тетка Марьяна. – «Дети – это сплошные неприятности». В нашем доме одна сплошная неприятность – это я.

Мой дед – лесничий. Не королевский, потому что короля у нас нет. У нас президент. Но дед не президентский лесничий, а обыкновенный. Он работает в управлении лесного хозяйства. У него на работе нет ни деревьев, ни трав, ни зверей, ни птиц. Только много-много бумажных листов, целые горы бумаги.

Дед меня любит. А маму он жалеет. Только заступиться за нее не может. Потому что тогда тетки Анна и Марьяна совсем разозлятся, и будет еще хуже. Мама говорит, что это такая игра на две команды: с одной стороны мама, я и дед, а с другой – тетки и бабушка. Но мне эта игра не нравится. Я в нее никогда не выигрываю. Наверное, это потому что дед всегда молчит. И я еще маленький. А тетки уже большие. И еще бабушка. Бабушка не злая, просто не такой жизни она хотела для своей дочери. Бабушка столько лет пахала, надрывалась, и что?! Она всегда всхлипывает, когда говорит об этом, и мне становится

ее жалко. Однажды я спросил у бабушки, где ее старый плуг. Ну, тот, которым она столько лет пахала. Дед засмеялся, а бабушка кричала, что это уже ни в какие рамки не лезет. Я потом спросил у мамы, что не влезло в рамки. Но мама так и не сказала.

Мама меня понимает. Она даже знает заранее, чего я захочу. Я тоже понимаю маму. Правда, иногда и она говорит, что объяснит что-то, когда я вырасту. Не знаю, останется ли у меня во взрослой жизни время на что-нибудь кроме этих объяснений – мне их столько уже наобещали.

Единственный, кто не откладывает объяснения на потом – это дед. Поэтому я пристаю к нему с расспросами чаще, чем к другим. Но и он иногда ускользает от ответов. Как только я пытаюсь узнать о моем папе, дед сразу прекращает разговор: «Когда ты вырастешь, сам все поймешь». Так всегда. Никто не говорит мне об отце.

Я часто думаю об этом. Кто мой папа? Какой он, как выглядит, где живет? Когда я представляю, какие лица будут у тетки Анны, тетки Марьяны и бабушки в тот момент, когда папа приедет и увезет нас с мамой, мне становится смешно. Иногда, когда тетки ругаются, я подхожу к окну и смотрю во двор. Вдруг папа уже приехал? Но его все нет и нет. Может быть, папа не знает, куда ехать? Я думал об этом и никак не мог найти ответ. И, наконец, все понял. Мой папа – принц. И его заколдовали. Или с ним еще что-то случилось. Как дед и говорил, я сам все понял. Значит, я уже вырос. Теперь я знаю, что делать.

Взрослым легко обзаводиться вещами. Когда им что-то надо, они идут и покупают. А детям все приходится выпрашивать. Или ждать праздников, надеясь, что подарят именно то, что ты хочешь. Но, во-первых, праздников не так уж много. А во-вторых, обычно дарят совсем не то, что ты ждешь. Я проверил свои копилки. Триста восемнадцать рублей.

– Дед, а 318 рублей – это много или мало?

– Смотря для чего, – отвечает дед, не отрываясь от газеты.

Если дед будет продолжать читать, он и не вспомнит потом об этом разговоре. А мне нужен помощник. Взрослый. Я подхожу к деду, загибаю край газеты и заглядываю ему в лицо.

– Мне карту купить надо. На которой все страны мира нарисованы.

Дед удивленно моргает и одобряет мое решение:

– Карта – это хорошо.

– Дед, я накопил уже 318 рублей. Своди меня в магазин. Хочу посмотреть, хватит мне на карту или нет.

Дед снова произносит: «Хорошо!», и ныряет обратно в газету.

Вечером еле дождался маму. По дороге с работы она заходит в магазин за продуктами. А когда мама дотаскивает их до квартиры, то всегда несколько минут сидит в прихожей на банкетке. И в эти минуты она уже не думает о работе и еще не думает об ужине. Самое время поговорить.

– Мам! – я сажусь рядом с ней на корточках.

– А у тебя есть карта?

– Какая? – еле слышно спрашивает мама.

– Карта мира.

Мама внимательно смотрит на меня и начинает смеяться:

– Чебурашка начал издавать: «Солнышко светит, травка зеленеет. А нам позарез нужны гвозди!».

Говорю же, мама меня понимает. Даже больше, чем мне бы хотелось. Поэтому она с подозрением глядит на меня и спрашивает:

– Что ты задумал?

– Ничего, – отвечаю я, скрестив за спиной пальцы.

Мама поднимается и несет сумки на кухню. Все, сейчас она будет готовить ужин, и разговаривать с ней теперь бесполезно. Мама готовит два ужина – один теткам, а другой всем остальным. Тетки Анна и Марьяна сидят на диете и едят только то, от чего можно похудеть. Хотя куда уж хуже? А готовить они не могут – у них маникюр. Это значит когти. Больше мама про карту не заговаривает, а я думаю, как ее убедить.

В субботу мама ведет меня в парк. По субботам всегда парк, потому что мама выходная.

А на обратном пути она заводит меня в книжный магазин и покупает большую красивую карту. Первая часть моего плана удалась.

Дома оказывается, что дед тоже купил карту. У меня целых две карты, географическая и политическая. Бабушка ворчит, что меня балуют. А мама говорит, что лучше география, чем химия. От географии, по крайней мере, ничего не взрывается. Дед возражает, что химия намного безопаснее политики. Все начинают спорить и забывают обо мне.

Теперь нужно узнать, где живут короли и королевы, принцы и принцессы. Вообще-то мне нужен только один принц – мой папа. Но раз о нем мне никто не рассказывает, придется узнавать про всех. Я спрашиваю у деда, где живут короли и рисую на карте короны. Дед доволен – я интересуюсь политикой. Некоторые короны я перечеркиваю карандашом. Я слышал, как тетка Анна говорила, что я копия своего отца. Значит, у папы должны быть русые волосы и голубые глаза. У африканских принцев черные глаза и черные волосы. Я с сожалением зачеркиваю короны по всей Африке. Столько принцев сразу! Но ничего не поделаешь, мне нужно найти папу.

Тетки Анна и Марьяна умиляются – я выпросил у них кучу журналов и ищу картинки с принцами и принцессами.

– Вот принцы Генри и Уильям, а это их отец принц Чарльз.

Странно, а я всегда думал, что отец принца – король.

Тетка Марьяна смеется:

– У них бабушка – королева, мама принца Чарльза.

Бабушка-королева? Прямо как у меня! Если, конечно, у меня есть вторая бабушка, папина мама. Я долго стою перед зеркалом, сравниваю себя со всеми тремя принцами. Волосы подходят. И глаза. Но в остальном как-то не очень. Конечно, у нас разные мамы, но все же...

Датская королева Маргрете тоже подходит. Так, что еще? Швеция – королевство, король Карл Густав. Шведский принц Карл Филипп очень красивый, но совсем на меня не похож. Нидерланды, королева Беатрикс. Норвегия, король Харальд. Ой, сколько же в Европе королей и королей! Прямо как в сказках. Бельгия – королевство, король Альберт. Испания – королевство, король Хуан Карлос. Люксембург – великое герцогство. Наследному Великому Герцогу Гийому 29 лет, наверное, и он мне подходит. Лихтенштейн – княжество... Я рисую короны на Дании, Норвегии, Бельгии и других

королевских странах. А на Монако ставлю точку, потому что невозможно нарисовать корону на этом пятнышке на карте.

Я пишу письма. Обе карты достались мне в подарок, и 318 рублей остались нетронутыми. А еще я разбогател. Тетка Анна спросила, что мне подарить на 1 сентября, а я сказал, что возьму деньгами. Она сама всегда так говорит. Тетка Марьяна смеялась и всем рассказывала, какие продвинутые дети пошли.

Я ходил с мамой на почту и, пока она получала «детские» деньги, купил в соседнем отделе конверты с марками. Письма – это не поход в магазин, с письмами я сам справлюсь. Я пишу всем одинаково вежливо, ведь не известно, кто из них моя родня.

Труднее всего раздобыть адреса. Я расспрашиваю деда и теток, и продвинутая тетка Марьяна учит меня как найти в Интернете то, что ищешь. И я нахожу. Перерисовываю буквы на конверты. Дело сделано. Я сбросил письма в ящик в субботу по дороге в парк, и мама даже ничего не заметила.

В парке случилось Кое-Что! Я влюбился. Не знаю, как Ее зовут, но Она самая красивая девочка на свете! У Нее длинные золотистые волосы и необыкновенные глаза. Голубые как небо. И очень грустные. Мы ехали с Ней по автодрому в одной машине и рулили вместе. У Нее очень мягкие волосы, они щекотали мне шею и локоть. Когда поездка закончилась, Ее сразу увела мама. Я смотрел Ей вслед и понимал, что сейчас Она скроется за поворотом, а я даже не знаю, как Ее зовут. Я стоял и смотрел Ей вслед. И ничего не мог придумать. Она, словно почувствовав мой взгляд, обернулась и помахала мне рукой. И ушла.

Мама обняла меня, и мы сидели молча. А потом мама спросила: «Батут?». Мы пошли на батут, и я прыгал и прыгал, пока мне не стало легче.

Целую неделю ничего не происходило. То есть, конечно, много чего произошло, но на письма ответов не было.

В субботу мы снова ходили в парк, и там снова была Она. Она увидела меня и улыбнулась. И я очень обрадовался, что она меня узнала. Но Ее мама торопилась, и они быстро ушли. Я слышал, что Ее зовут Алей и спросил у мамы: «Аля – это какое имя?». Мама сказала, что, может быть, Альбина или Алевтина, или Александра, или Альмира, или Алиса, или Алина. Но все равно это звучит очень здорово: Ааа-ля!

А потом произошла катастрофа. По телевизору рассказали о моих письмах, о том, как я ишу маминого принца. И кто из принцев мог бы быть моим отцом? И была ли моя мама в других странах? И приезжали ли принцы к нам? И на кого из принцев я похож? Тетка Анна сказала, что это катастрофа. Я знаю, катастрофа – это когда очень плохо. И понял, что будет очень плохо. И что это очень плохо сделал я. И мне сразу стало очень-очень плохо.

А потом все стало еще хуже. Историю с письмами показали по всем каналам. Мою фотографию показывали рядом с фотографиями принцев Иоакима, Амедео, Вильяма, Карла Филиппа, Гийома, Эрнста Августа, Николая, Георга Фридриха и других. Наши с мамой фотки появились во всех газетах. И все над нами смеялись, называли маму принцессой и показывали на нас пальцами. А хуже всех сосед дядя Толя – вечно он во дворе ремонтирует свой старый оранжевый «москвич» и вечно сует свой острый крысиный нос в чужие дела.

Почему, когда твою историю рассказывают по телевизору, она сразу становится глупой?

В парке я снова встретил Алю. Я спросил, как ее зовут, и она ответила: «Аль-Лёша». Я сказал, что у девочек таких имен не бывает. А она сказала – нет, бывает! Потому что ее полное имя – Алексия. У них в семье принято первого ребенка называть Алексеем, и, когда она родилась, Ее назвали Алексией. Странное имя. Никогда не слышал.

Аль-Лёша – единственная, кроме мамы, кто не высмеивал меня после передач по телевизору. Я ей все рассказал, а она сказала, что я все перепутал. «Раз твоя мама – Золушка, – сказала Аль-Лёша, – ей нужно попасть

на бал». Я даже удивился, как это я сам недодумался. Аль-Лёша подумала немного и уточнила: «На президентский. Короля-то у нас нет».

Дома у нас творится бог знает что. Не дом, а почтовое отделение. Так бабушка говорит. Раньше мне никто не присылал писем, а теперь приносят целыми пачками. Это маме женихи пишут. Они ее по телевизору увидели и стали писать письма. Теперь тетки Анна и Марьяна каждый вечер разбирают почту. Они читают письма и смеются. Вообще-то это нечестно. Письма-то мамины! Но маме их читать некогда, она готовит ужины. А бабушка стонет, что теперь над нами весь город потешается.

Однажды я услышал, как тетка Анна сказала: «Все проблемы от того, что он незаконнорожденный». Она так скривилась, когда это говорила, что я испугался. Мама нарушила закон, родив меня? Продвинутая тетка Марьяна стала спорить, что в наше время это не имеет значения. «Дура!» – разозлилась тетка Анна. «Не дура, а статистика!» – тетка Марьяна любит цифры. – «Сейчас каждого третьего ребенка растит мать-одиночка. Если в стране треть детей незаконные, то не имеет значения...». Но что именно не имеет значения, я дослушать не успел – тетки заметили меня и хором заорали: «А ты что здесь делаешь?!».

Я выскользнул из комнаты, в голове у меня что-то шумело, будто в ней стучали маленькие молоточки. Я открыл дверь и побежал по лестнице. Я бежал и бежал, а мне вслед что-то кричали тетки, но я не мог разобрать их слов, потому что в голове у меня барабанили молоточки и выбивали одно слово: «не-за-кон-ный», «не-за-кон-ный». Как человек может быть незаконным? Я что-то сделал не по закону.

Я бежал и никак не мог остановиться, пока не налетел на машину. Я даже не понял, откуда она взялась. Из машины вышел здоровенный дядька и спросил, где у меня болит и проверил, сгибаются ли у меня руки и ноги. «Чего на дорогу-то вылетел?» – допытывался дядька. – «Куда спешил?». «Не знаю», – признался я. – «Наверное, в милицию».

– Чего случилось?

– Я, наверное, преступник, – сам не знаю, зачем я ему это сказал.

– Это как? – удивился дядька. – Украл чего?

– Не! – теперь уже я удивляюсь: как можно воровать? – Я незаконный.

– В смысле? – дядька не понял.

– Я родился незаконно.

Дядька долго смотрел на меня, а потом спросил:

– Это вас в школе такому учат?

– Нет, это тетка Анна сказала.

– Дура твоя тетка!

Я так и сел. Никто не называл тетку Анну душой.

– Вообще-то «дура» – это ее любимое слово, – наконец осмелился я.

– Значит, оно ей подходит, – уверенно сказал дядька. – Ты знаешь, что детей дает Бог? Просто твои родители не сходили и не поставили штамп специальной печатью.

– А кто ставит такие штампы?

– Обычно тетеньки в загсах. Понимаешь, загс – это такое место, где записывают, кто когда родился, женился, развелся или умер, – дядька объяснил мне как взрослому, и сразу стало понятно.

Дядька улыбнулся, и я заметил, что он вовсе не суровый и совсем не старый.

– Никто не умнее Бога. И никто не знает лучше Него. Просто люди немного запутались. Они стали слишком верить в бумажки и печати. Но бумажка ничего не значит, если нарушен главный закон.

У меня даже голос пропал от волнения. Может быть, я незаконный, потому что нарушил как раз этот самый главный закон?

– Какой закон? – просипел я.

– Любви, конечно, – снова улыбнулся дядька. – И ничего законнее детей в мире не бывает. А если кто этого не понимает, – дядька вздохнул и потрещал меня по голове, – значит, совсем убогий.

Он сел передо мной на корточки и повторил:

– Все дети от Бога. Нет никого законнее тебя.

И тут появилась мама. Потом она сказала, что очень испугалась, увидев меня посреди улицы с незнакомым человеком. И вид у этого человека был как у бандита в кино: короткая стрижка, кожаная куртка и здоровенный джип. Ну, мама и вмазала ему. По башке. Сумкой. Мама хоть и девчонка, и невысокая, но сумка-то была из магазина. Дядька сел прямо на асфальт, а мама схватила меня за руку, и мы побежали. Мы остановились, только когда вбежали в наш двор. Присели на скамейку, отдышались, и мама спросила: «Кто это был?». Я представил дядьку на асфальте, стекающее по его щеке яйцо из маминой сумки и принялся хохотать. Дядька был хороший и смеяться над ним было несправедливо, но я хохотал и хохотал и не мог остановиться. Мама молчала, а потом спросила: «Что ты там делал?». И я никак не мог рассказать, потому что получалось запутанно. Когда мама наконец поняла, что произошло, она очень рассердилась. Но я чувствовал, что она злится не на меня, а на теток Анну и Марьяну. А меня мама крепко-крепко обняла и сказала: «Никогда, никогда, слышишь, НИКОГДА больше так не делай! Ты – мое самое главное сокровище. Мало ли кто что наговорит...». Мы долго сидели в обнимку и молчали. Нам и без слов очень хорошо.

Мама больше не готовит ужин для теток. По вечерам она садится читать письма, которые приходят со всего мира. Мама стала знаменитостью. Ей пишут одинокие мужчины и их мамы. Письма хорошие, добрые, и маме жалко отказывать тем, кто их прислал. Но и ответить всем она не может. Поэтому мама раздает письма подругам, знакомым и соседкам, потому что ей кажется, что она знает, кому какое письмо подходит. К нам стали приходиться незнакомые женщины и спрашивать у мамы, нет ли у нее подходящего для них жениха. И для каждой мама находит нужное письмо.

Тетки Анна и Марьяна иногда передразнивают тех, кто написал письмо: «Я не принц, но человек надежный». Но мне кажется, что они просто завидуют маме.

Мне тоже приходит много писем – другие дети пишут, что я молодец, и что они тоже решили найти себе папу или маму, а один – даже дедушку.

По субботам мы встречаемся в парке с Аль-Лёшей. Она лучшая девчонка в мире! В эту субботу Аль-Лёша спросила: «У твоей мамы есть платье для бала?». На такие вопросы никогда не знаешь правильный ответ. У мамы есть платья для работы и для дачи. Аль-Лёша говорит, что эти платья не подходят. Нужно особое, бальное. А где его взять? В сказке нарядное платье Золушке подарила Фея-крестная. А в жизни, наверное, придется покупать в магазине. Но Аль-Лёша говорит, что на такое платье моей копилки даже через год не хватит. Надо искать Фею-крестную.

Я подкараулил маму, когда она сидела в беседке и жмурилась на солнышке. Это ее самое любимое место в парке. Я подождал, пока мама совсем растает. И спросил: – Мам, а у тебя крестная есть?

– Нет.

– Ну вот! В этом все и дело! Мама, тебе нужна крестная!

Наша соседка по даче Эмилия Львовна – вылитая фея. Я слышал, как тетки Анна и Марьяна между собой называют ее Фея Домашнего Очага. Она всегда нарядная. Эмилия Львовна не носит тапочки, а только туфли. И я ни

разу не видел ее в плохом настроении, она всегда улыбается. В общем, из всех наших знакомых на роль Феи больше всего подходит Эмилия Львовна.

Когда мы с бабушкой приехали на дачу, я побежал к Эмилии Львовне. Она сидела на веранде и пила кофе. И везде у нее были цветы, а на столе кружевные салфетки. И вся Эмилия Львовна была такая довольная, будто это был самый лучший день ее жизни. Она всегда такая. Я рассказал ей все с самого начала, с королевств и писем. Эмилия Львовна обрадовалась и сказала, что всегда хотела быть феей, а крестной – тем более.

Я уточнил: – А вы можете сделать волшебство?

– Каждый может.

– А у вас есть паж?

Эмилия Львовна всплеснула руками: – Ну, конечно! Паша!

Она взяла телефон и кому-то позвонила: – Паша, Паш? Здравствуй! Мальчик мой, мне нужна твоя помощь. Из одной Золушки надо сделать настоящую принцессу.

И я сразу понял, что Эмилия Львовна – фея что надо.

К нам домой стали приходить телеграммы, предупреждавшие, что у нас будут гости. А некоторые приезжали без предупреждения. Один дяденька очень меня хвалил: «Молодэц! Ты поступыл как настоящий джигит!». Гостей было много. Тетки Анна и Марьяна и бабушка советовали маме выйти замуж хоть за кого-нибудь. А мама сказала, что если им так хочется, то пусть сами и выходят. А ей тут никто не нравится. То есть не настолько нравится, чтобы всю жизнь с ним прожить.

Сначала я обрадовался, потому что хотел, чтобы мама вышла замуж только за папу. А потом испугался – а что если мама и за него выходить не захочет? Раньше ведь не вышла. Это самая непонятная часть моей жизни. Может, у родителей получилось как у меня с этими письмами? Теперь я знаю, что так бывает – хочешь сделать одно, а получается совсем другое.

Мы крестили маму. Я не понял, что говорил священник, но мне понравилось разглядывать иконы. На одной из них женщина с младенцем. Это Богородица. У нас дома есть похожая фотография, я там маленький и мама держит меня на руках. Я смотрел на эту икону, и Богородица мне улыбнулась.

Еле дождался субботы, чтобы рассказать Аль-Лёше новости. Она обрадовалась, что у мамы теперь есть Фея-крестная. Потому что для бала нужны платье и туфли и еще много чего. А потом Аль-Лёша сказала: – Если бы у меня была мама, я бы попросила туфли у нее.

Я прямо обалдел: – Как это «если бы была»? А это разве не твоя мама? – Я показал на женщину, которая водит ее в парк.

Аль-Лёша отмахнулась: – Это няня. У меня нет родителей.

Сначала я даже не понял: – Как нет? Они что, тебя бросили?

Аль-Лёша сказала: – Мама с папой меня никогда не бросили бы! Просто они погибли. Разбились на машине. Меня на автодром водят, чтобы я машин не боялась.

И от того, как спокойно она это сказала, мне стало холодно. А я-то еще жаловался! Думал, что плохо живу, потому что у меня папы нет. Я никогда и не представлял, что можно жить без мамы.

У теток и бабушки очень много туфель. Я проверил все. Они красивые, но слишком большие для мамы. Прикладываешь подошвами туфли теток и мамы – разница как между коньками и лыжами. Пришлось засунуть всю обувь обратно в шкаф. Когда я вырасту, куплю маме много-много красивых туфель. И Аль-Лёшке.

К нам приехало телевидение, снимали на камеру маму и тысячи писем, которые она получила со всего света. Мама извинялась перед всеми, кто ей написал. Она говорила, что не может выбрать кого-то одного, потому что все они очень хорошие люди. Когда мы потом смотрели эту передачу, там

еще показали, как отданные мамой письма помогли другим женщинам обзавестись семьями. Дед смотрел телевизор, улыбаясь. А бабушка сердилась: «Было у отца три дочки. Двое умных, а третья – ты!».

Тетки Анна и Марьяна обиделись, что мама уже выдала замуж всех соседок, а собственным сестрам до сих пор женихов не нашла. Но они сразу перестали обижаться, когда ведущий сказал, что маму как главную Золушку страны и всю мамину семью приглашают на главный бал страны – на президентский бал.

Тетки Анна и Марьяна выгребли из шкафов все платья и перемеряли их. Они чуть не прибили друг друга из-за туфель – тетка Анна решила, что это тетка Марьяна обувала ее туфли, а тетка Марьяна подумала, что тетка Анна носила ее обувь. Я честно сказал, что туфли брал я. Но мне не поверили.

Дома все разговоры только про бал. А мама почему-то не готовится. Я спросил: «А ты почему не собираешься?». А мама сказала: «Потому что я никуда не поеду». Столько всего сделано, чтобы мама попала на бал, а она ехать не хочет! Мне так обидно было, что я заревел. Мама стала объяснять, что если она купит билеты в Москву, то ей придется потратить на них деньги, отложенные на зимнюю одежду. «Бал, – сказала мама, – это пять часов. А нам с тобой потом пять месяцев ходить не в чем будет». Я пытался объяснить маме, что главное – чтобы она поехала на бал и встретила там принца. А тогда у нее будут не только теплые вещи, но и целое королевство в придачу.

А еще эта осень! На дачу ехать холодно и мокро, а там, между прочим, Эмилия Львовна. И аттракционы в парке закрыли до весны. И теперь я не знаю, где найти Аль-Лёшу. А мне без нее так плохо!

И в школе совсем задразнили. Я устал драться. Ладно, если бы они меня обзывали, я бы стерпел. Но когда начинают смеяться над моей мамой, я сдержаться не могу. Конечно, их больше, поэтому я все время битый.

Все, кроме нас с мамой, уехали на бал. Мама помогла им собраться, подшила платье тетке Анне, подстригла тетку Марьяну, сделала им обеим маникюр и уложила сумки. Они уехали, а мы остались. И тут в дверь позвонили. Это был какой-то особенный звонок, я сразу понял, что сейчас что-то произойдет. Когда мама открыла дверь, там стояли Эмилия Львовна и здоровенный парень, державший кучу пакетов. Мама растерялась: – Крестная! Вы появились так неожиданно!

Эмилия Львовна улыбнулась: – Да, это я люблю. Я не спрашиваю, дорогая, как ты живешь, – она обвела рукой нашу квартиру с раскиданными тетками вещами. – Хочешь поехать на бал?

– Но я не могу, крестная! – отказалась мама.

– А ты хочешь? – спросила Эмилия Львовна меня.

– Да! Очень! – я не мог подобрать слов, как сильно я хочу попасть с мамой на бал.

Эмилия Львовна обрадовалась.

– Сейчас я буду делать чудеса! – сказала она. – Обожаю эту работу!

Она открыла дверь, и в квартиру вошли три девушки в желтых комбинезонах с надписью «Золушка». «Желтые» девушки построились, как на уроке физкультуры, а Эмилия Львовна скомандовала: – Квартиру убрать, пол натереть, окна вымыть, стены освежить, люстры надраить, розы полить, кофе намолоть.

Девушки дружно достали из карманов резиновые перчатки, надели их, и разошлись по квартире. Одна прошла в кухню и стала мыть посуду, другая поставила непонятно откуда взявшуюся лестницу и стала снимать шторы, третья понесла цветы в ванную... Мама растерянно смотрела на них, а Эмилия Львовна была довольна.

– Ну вот! – сказала она. – А теперь ты поедешь на бал.

Мама с сомнением глянула на свои джинсы и водолазку, потрогала хвостик на макушке и вздохнула: – Спасибо, крестная, но я так одета, что...

Эмилия Львовна засмеялась: – Об этом я позабочусь. Ты поедешь на бал в отличном бальном платье. Паш! – позвала она.

Здоровяк положил на диван пакеты, которые держал в руках. Получилась приличная горка. Он развернул самый большой сверток – в нем оказалось

платье. Мама ахнула и, осторожно прикасаясь к расшитой бусинками ткани, взяла его и вышла из комнаты. А когда вернулась, ее было не узнать. Эмилия Львовна сказала: – Идем в коридор, к большому зеркалу. Нравится тебе твое новое платье?

Мама не ответила, только обняла Эмилию Львовну и поцеловала ее в щеку.

– Ну вот и хорошо. Идем. Впрочем, постой! Паша, что ты скажешь о моей крестнице?

Паша пробасил: – Я еще не дизайнер, я только учусь. Но я осмелился сделать эти туфельки. Они принесут вам счастье, потому что я всем сердцем желаю этого! – И он протянул маме туфельки. И вовсе не хрустальные, а какие-то золотые. Хрустальными были только цветы и подвески на них. Эмилия Львовна доставала и доставала из карманов всякие сюрпризы: билеты на самолет, адрес московской гостиницы, приглашения на бал. А Паша вынимал и вынимал из пакетов всякие красивые штучки, украшения, заколки. И когда он все это надел на маму, она стала невозможно красивой.

– Да, чуть не забыла. Это тебе. – Эмилия Львовна подала мне большой сверток. В нем были костюм, туфли, рубашка и галстук.

Паша упаковал мамино платье, помог нам сложить сумки. И мы поехали.

– Но помните! – летел нам вслед голос Эмилии Львовны, когда мы спустились по лестнице. – Вы должны уехать с бала не позднее полуночи! Ровно в полночь вас будет ждать машина!

– Я помню, крестная! – пообещала мама.

У подъезда стояла улетная машина, и она ждала нас! Водитель такой аккуратный, в костюме, выскочил из машины, открыл перед нами дверки, положил сумки в багажник, а потом рванул с места так, что дух захватило. Жалко, дяди Толи с его «москвичом» не было во дворе, они бы оба лопнули от зависти.

Мы домчались до аэропорта, а там началось самое интересное. Мы проходили регистрацию, шли по летному полю, поднимались по трапу, летели. Я почти сразу уснул, а когда проснулся, давали завтрак. А потом мы прилетели в Москву.

Москва – это Москва! Объяснить Москву не получается. Это можно только почувствовать. Мне все понравилось – и аэроэкспресс, и метро, и гостиница. Мама очень растерялась от Москвы. А Паша был здесь как рыба в воде. Мы оставили вещи в гостинице, поели в кафе и пошли на Красную площадь. Вот это красота! Вообще в Москве очень много красоты, и от нее делаешься обалдевшим.

Паша сделал маме прическу. И вещи наши упаковал, потому что нам сразу после бала уезжать. Все, едем на бал. Я себя в зеркале не узнал. Вылитый принц, только маленький. Наверное, каждый похож на принца, если его хорошенько нарядить.

Кремлевский дворец очень красивый. Огромные лестницы, сверкающие люстры, все сияет. Очень много нарядных гостей. Наши бабушка с дедушкой и тетки тоже здесь, но зал огромный, и они нас не увидели. Президент

с женой обходили гостей, с некоторыми разговаривали, некоторым просто кивали. К бабушке и теткам они не подошли. Зато с мамой президент разговаривал, а мне пожал руку. Он сказал, что я все правильно сделал, что у меня прекрасная мама и обязательно будет хороший папа. И он спросил, не устали ли мы в дороге. Мама засмеялась: «Что вы, в дороге я отдохнула». А один дядя, который подошел вместе с президентом, увидел маму и остановился как вкопанный. Он смотрел и смотрел на маму, и, наконец, сказал: «Разрешите пригласить вас на первый танец!». Мама сильно покраснела, и он повел ее танцевать. Мне этот дядечка понравился, что-то в нем было знакомое и сильное.

А потом было очень смешно. Тетки Анна и Марьяна подошли к нам вместе с бабушкой, и, представляете, они нас не узнали! Мама снова танцевала с тем дядей, я стоял рядом с тетками и бабушкой. Дед увидел меня и стал моргать и тереть глаза, а я спрятался за колонну.

Потом мама познакомила меня с дядей, который все время ее приглашал танцевать. Его зовут Сергей Алексеевич. Он пожал мне руку и спросил, хочешь ли мороженого. Мы ели мороженое на балконе. Сергей Алексеевич снял пиджак и накинул на мамины плечи. А потом он снова увел маму танцевать. А сумочка ее осталась у меня и вдруг начала звонить. Я понял, что это телефон, но не знал, брать трубку или нет. Телефон-то мамин. Но он звонил и звонил, и я ответил. Это был Паша. Он сказал, что во дворце сегодня перевели часы на час назад, чтобы гости потанцевали на балу подольше. Нам с мамой надо срочно уйти, иначе мы опоздаем на наш рейс. Я взял сумочку и пошел к маме. «Часы перевели!» – и потянул маму к лестнице. Мы побежали, мама споткнулась, чуть не упала, но мы выскочили из дворца. У крыльца стояла машина, та самая, которая везла нас в аэропорт, и Паша помог нам сесть в нее. «Вы – здесь?! – удивилась мама. – Как вы тут оказались?». Машина резко сорвалась с места, а водитель неторопливо ответил: «На московских таксистов надежда плохая».

И все-таки мы опоздали. Самолеты к нам летают раз в сутки, значит, следующий рейс завтра. «Можно поездом», – предложила мама. «На что вам поезд, – фыркнул водитель. – Вы уже на транспорте». «Вы что же, – не поверила мама, – предлагаете ехать на машине?!». «А что такого? – удивился шофер. – Сюда же я приехал. И обратно поеду». И мы поехали.

Мама только теперь заметила, что потеряла одну туфельку и ужасно расстроилась. «Это был подарок, – сказал Паша, – и вы можете делать с ним все, что угодно – терять, продавать, забивать гвозди».

– Этим? – мама с сомнением оглядела золотую подошву. – Гвозди?

Сначала я смотрел в окошко, но было темно, и я уснул. А когда проснулся, мы проезжали через деревеньки и города, ехали мимо полей и лесов, переезжали реки по мостам. Ели в кафе, а где их не было – покупали продукты в магазинах. Мы ехали и по дороге превращались. Мама из прекрасной принцессы снова стала мамой. Паша из молчуна превратился в поэта и восхищался природой. И даже машина превратилась. Мы ехали вдоль деревни, а дорогу переходило стадо коров. Одной корове почему-то не понравилась наша машина, и она ее боднула. Машина хрустнула, и от нее отвалилась какая-то деталь. Но это было снаружи и нам было не видно, что именно. Водитель вышел, посмотрел и даже подбирать ее не стал, только махнул рукой. Он сел в машину, с досадой хлопнул дверцей, и тут же еще что-то отвалилось. «Ну все. Посыпалось!», – вздохнул он и оказался прав. После этого дорогу от машины что-то отваливалось.

Когда мы въехали в наш город, я был так рад, словно год его не видел. А когда мы остановились в нашем дворе и вышли из машины, нас ждал большой сюрприз – ничто не напоминало тот сверкающий красивый корпус чудо-автомобиля, на котором мы уехали из дворца. Теперь, когда все неродные детали отпали, он снова стал самим собой, стареньким «москвичом», оранжевым как перезрелая тыква. Я пригляделся к водителю. «Дядя Толь, вы?!». Вот бы не подумал. А он как-то съезжился и сказал: «А что дядя Толя? Не человек, что ли? Меня, между прочим, тоже мамка одна растила. После войны знаешь оно как?». Я так и застыл с раскрытым ртом. А дядя Толя добавил: «Ты не сердчай, что я дразнюсь-то. Это ж я тебя закаляю».

Дома все сияло чистотой, на маминой кровати лежала записка: «Еда

в холодильнике, платья в шкафу. Крестная». Я отнес записку маме. Она бродила по квартире, открывая и закрывая шкафчики, выдвигая ящики, удивляясь, как аккуратно все прибрано. И тут приехали тетки и бабушка с дедушкой. Тетки принялись рассказывать, как замечательно было на балу. А дед поглядывал на меня и чесал затылок. Но мама сказала, что пора идти в школу. И мы ушли.

А в школе, понятно, все снова начали дразнить. Я сидел и думал, за что детям такое наказание, как школа, когда дверь распахнулась и в класс вошла... Аль-Лёша. А учительница сказала: «Ребята, у нас в классе новенькая. Теперь Алексия будет учиться с нами». Аль-Лёшка подошла к моей парте и села рядом.

После уроков мама, конечно, пришла встречать меня. А за Аль-Лёшей пришел ее дядя. Я шел с мамой за руку, а он шел навстречу, и Аль-Лёшка с разбегу запрыгнула к нему на руки. Он улыбнулся. И тут я его узнал. И мама узнала тоже. И он нас узнал. И потрогал затылок – там, где мама его на улице сумкой огрела. А потом достал из портфеля мамину бальную туфельку. Я сказал: «Здрассте, Сергей Лексеич!». И мы засмеялись. Мы стояли в школьном дворе и хохотали как сумасшедшие.

Вы, может быть, думаете, что зря я все это затеял. Можно было просто ходить в парк и рано или поздно мама и папа Серёжа познакомились бы. И не надо было мне писать никакие письма. И не надо было маме ехать на бал. Все бы само сложилось. А вдруг не сложилось бы?

Мама и папа Серёжа поженились. И папа сказал: «Ты – мой сын. Прости, что так долго ждал меня!». А я ответил: «Ты – мой папа. И не важно, что ты не принц!». Это, кстати, совсем не важно. Потому что когда нам с мамой пришло приглашение от одной королевской семьи, мы съездили к ним погостить, и я своими глазами видел, как живут принцы. Ну и жизнь у них, скажу я вам. Хуже, чем школа!

А после свадьбы мы ушли на корабле. В путешествие. Тетки Анна и Марьяна махали нам с берега вместе со своими женихами – из тех, кто приезжал знакомиться с мамой. А бабушка плакала. А дед улыбался. А Эмилия Львовна и Паша стояли немного в стороне. А больше всех волновались на причале мои новые дедушка с бабушкой. И хотя моя новая бабушка – не королева, зато королевскую ватрушку она печет лучше всех на свете! У нас с Аль-Лёшей теперь общие родители и общие дедушки с бабушками, и мы все время вместе. И когда мы отплыли и вокруг ничего не было, кроме воды, и смотреть было не на что, мы с Аль-Лёшей пошли в каюту. У нас полно работы. Мы отвечаем на письма других детей и отсылаем им письма, присланные маме. Иногда Аль-Лёшка начинает рыться в чемодане: «А где этот, который марки коллекционирует? Тут для него сын». И мы находим этого отца, потому что на кровати стоит полный чемодан писем. Письма маме продолжают присылать, так что не волнуйтесь – пап на всех хватит.

Ирина Цхай
Художник Елизавета Цхай

Новогодняя сказка

У Ёлочки в новогодний вечер было много хлопот. Надо успеть принарядиться и помочь Деду Морозу развесить подарки: на нижних ветках – для мышек, на средних – для зайчишек, на макушке – для белок и бурундуков. Не забыть лосят и оленят и, конечно, синиц и дятлов.

Ох, нелегкая эта работа – быть красивой и весёлой, когда ветки так и хочется опустить вниз, такие тяжелые они от подарков!

Но Ёлочка держалась молодцом. В этом году она впервые победила в конкурсе красоты среди всех лесных елочек, и ей выпала честь стать Новогодней Ёлочкой. Ее короновали настоящей сияющей Звездой – победительницей конкурса Новогодних Звезд.

Ровно в двенадцать часов важный черный дятел с праздничной алой шапочкой на голове отстукал клювом двенадцать ударов, и все лесные звери и птицы принялись поздравлять друг друга с Новым годом, с новым счастьем! А белки и бурундуки затеяли беготню среди веток Новогодней Ёлочки, помогая зверькам снимать подарки...

Весело и уютно было Ёлочке. Жаль только, не могла она вместе со всеми водить хоровод. Но это не беда, Ёлочка размахивала ветками в такт карнавальной песенке и старалась, чтобы от нее пахло по-праздничному замечательно...

Танцы и песни продолжались до самого утра, а когда небо посветлело, Новогодняя Звезда попрощалась с Ёлочкой и улетела.

...Счастливые зверята уснули. Ёлочка бережно покачивала на своих ветвях белочек, бурундуков, пичужек, нижними ветками укрывала зайчат и пела им колыбельную песенку, в которой был такой припев: «Хорошо на свете жить, когда есть, кого любить!».

НЕДАВНО В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ФЕНИКС» У БАРНАУЛЬСКОГО ИЛЛЮСТРАТОРА ОЛЬГИ МОСКОВКИ ВЫШЛА НОВАЯ КНИЖКА-РАСКРАСКА «ВРЕМЕНА ГОДА». НОВОСТЬ ПРИЯТНАЯ, И СЛУЧАЮТСЯ ОНИ У ОЛЬГИ ДОВОЛЬНО ЧАСТО. ТРУДОЛЮБИВАЯ И ТАЛАНТЛИВАЯ ХУДОЖНИЦА ЗАНИМАЕТСЯ ДЕТСКОЙ КНИЖНОЙ ГРАФИКОЙ ВСЕГО ПЯТЬ ЛЕТ, НО ЗА ЭТО ВРЕМЯ С ЕЕ РИСУНКАМИ БЫЛО ИЗДАНО ОКОЛО ТРЕХ ДЕСЯТКОВ КНИГ.

Лепота!

Алевтина Дегтярёва

Книги с иллюстрациями Ольги Москвки выходят в нескольких издательствах: «Феникс», «Карапуз», «Фламинго», «Мозаика-синтез» и других. Две книги вышли в Эстонии, в издательстве KPD: одна была посвящена работе эстонского президента (книга Айно Первик «Как работать президентом»), вторая – «Просто чудо!» со стихами двух поэтов Михаила Яснова и Леело Тунгал. А дебют Ольги как иллюстратора состоялся и вовсе за океаном – в США, где вышла книга Тейлор Райс «У моей мамы рак». С алтайскими писателями Ольга также плодотворно сотрудничает – например, украсила своими рисунками книгу Василия Нечунаева «Ларочкино море», несколько книжек Елены Ожич, юной писательницы Любы Акимовой, известного детского поэта Валентины Новичихиной.

Ольга окончила Барнаульскую ДШИ № 1 (хотя когда-то хотела ее бросить) и получила высшее образование в АлтГУ по специальности «Связи с общественностью». Самый лю-

бимый художественный материал Ольги – пластилин, о котором мы и поговорили.

– Сейчас ты активно работаешь в жанре пластилиновой иллюстрации. А считала, сколько пластилина (в коробках или килограммах) ты используешь в месяц для своего творчества? Как ты его покупаешь? Приходишь в магазин и говоришь: «Дайте три кило пластилина»?

– Да, пластилин – это моя любовь. Самый приятный материал для работы, я его обожаю. Использую испанский пластилин Jovi, потому что он мягкий, легко смешивается,

податлив и у него самые приятные цвета. Увы, он стоит немало, поэтому пластилин я закупаю перед каждым новым проектом. Обычно на создание книги с восемью пластилиновыми иллюстрациями на всю страницу у меня уходит две-три пачки цветного и до десяти брусков белого пластилина. Больше всего, кстати, расходуется пластилин именно белого и желтого цветов.

– У тебя, наверное, уже накопилось много пластилиновых иллюстраций. Где ты их хранишь? А если не хранишь, что ты с ними делаешь после того, как вышла книга? Даришь, отдаешь в музей, кладешь на шкаф, вешаешь на стену?

– Я их выбрасываю! (Да! О ужас!) Иногда дарю. Но чаще всего после того, как сфотографирую и подготовлю исходник иллюстрации в tiff, оригинал приходится выбросить. Пластилин вообще тяжело хранить. К нему липнет пыль, волосы, шерсть кота. К тому же не выбрасывай я пластилины, у меня дома скопилась бы большущая пластилиновая гора, а это очень неудобно.

– Как ты думаешь, можно ли сделать выставку пластилиновых иллюстраций или пластилин – совершенно не выставочный материал? Поступали к тебе предложения сделать персональную выставку? Мы так думаем, что пора.

– Я бы хотела, но никто пока не предлагал. А еще я мечтаю о том, чтобы меня пригласили в художественную школу вести курс по пластилиновой графике.

– Пожалуйста, раскрой несколько секретов по работе с пластилином для

наших маленьких читателей: чтобы и картинка получилась, и удалось сохранить ее на память. Мы знаем, что ты проводила мастер-классы по работе с пластилином, что ты рассказывала участникам?

– Лепить из пластилина всегда интересно, но часто это может показаться сложной работой. Чтобы процесс лепки был легким и приятным, подготовьтесь заранее: хорошо разомните пластилин, чтобы он стал мягким и послушным даже для детских пальчиков. Расстелите на столе бумагу или клеенку, чтобы было удобно раскатывать пластилиновые детали. Начните с простых форм: шарик, колбаска, лепешка. Это та основа, на которой держатся все секреты и хитрости лепки.

Очень часто во время лепки художники начинают мельчить – все детали делают очень маленькими или очень тонкими. Это само по себе неплохо, но может создать дополнительные трудности – маленькие детали сложнее соединить друг с другом, труднее исправить, тяжело применить стеки или зубочистки. Это очень кропотливая, почти ювелирная работа, с которой может справиться только человек с прекрасно развитой моторикой. Мне кажется, лучше будет лепить животных средней величины, чтобы с пластилиновыми деталями работать было просто.

Когда я провожу мастер-классы по лепке, то часто замечаю, что детки не знают, с чего начать лепить то или иное животное. Начинать нужно с основного, с так называемой базы – это шарик для головы или овал для туловища. Это тот каркас, к которому будут крепиться более мелкие детали вроде ног, ушек, гривы и т. д. От общего к частному, от основного к дополнительному – это простое правило позволит вам не растеряться и

разгадать секрет создания любого пластилинового шедевра.

И не огорчайтесь, если ваши зверики не получатся точь-в-точь такими же, как на картинке, – главное, чтобы лепить из пластилина было весело и интересно. Секрет успеха в практике. Чем чаще вы будете лепить, тем скорее сможете слепить настоящий шедевр!

– Твое умение лепить помогает в повседневной жизни? Нам кажется, что тебе ничего не стоит налепить двести пельменей или украсить пироги какими-нибудь кружевными завитушками. Или ты как мастер стека пельмени не лепишь? Мы знаем, что у тебя был опыт по работе со съедобными материалами для лепки. Расскажи, понравилась лепить и потом съедать?

– Очень люблю лепить пельмени и вареники, красивые они у меня получаются! Я пробовала работать с зефиром, даже вышла книжка об этом – «Сладкие фигурки» – в издательском доме «Карапуз». Лепить и есть было не просто, потому что хотелось не лепить, а только съедать сладкую мастичку.

– В твоей биографии есть немало интересных фактов. Например, то, что ты в детстве хотела бросить художественную школу. Что тебя остановило от этого шага? Как ты думаешь, если бы ты бросила художку, чем бы сейчас занималась?

– Я бы поступила в медицинский университет! С детства мечтала быть врачом. Хотя я и в армии мечтала служить. И продавать мороженое. И быть стюардессой. Все-таки хорошо, что я окончила художку. Бросить ее не разрешила мама, сказала: «В жизни пригодится».

– И еще один суперфакт: ты умеешь водить трактор. Расскажи, где ты этому научилась? Может быть, у тебя еще есть какие-нибудь умения и навыки, которые, скажем так, не очень сочетаются с образом хрупкой девушки-художницы?

– Водить трактор я научилась, когда работала в компании, которая занимается продажей сельскохозяйственной техники. Это была часть моих должностных обязанностей: знать о технике все и уметь рассказать об этом клиентам. Еще я умею доить корову, копать картошку и топить печь.

– Твой любимый писатель – Чехов, и это далеко не «Каштанка». Когда ты полюбила творчество Антона Павловича и за что именно?

– Антона Павловича я нежно полюбила не так давно, три года назад. От нечего делать открыла томик с его рассказами и

пропала. Прочитала все собрание сочинений, включая письма, залпом, взхлеб, потом перечитала и еще раз перечитала. Я люблю тот период, дореволюционный, и в любви к Чехову моя тоска по той ушедшей России. Через его рассказы я возвращаюсь туда. Мне еще очень нравится удивительный русский фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский, автор фотографий из серии «Российская империя в натуральных цветах», тот самый, кто первым сделал цветные фотографии нашей страны по заказу Николая Второго. Тот самый, кто сделал единственную цветную фотографию Льва Толстого. Мне кажется, что его фотографии идеально иллюстрируют то, о чем пишет Чехов. Тишину. Внутреннюю жизнь.

– К каким детским книгам ты хотела бы сделать иллюстрации?

– Очень хочу слепить иллюстрации к сказкам Пушкина.

Добавим, что Ольга Московка может сделать из пластилина иллюстрации и на вполне серьезные темы – например, для рассказа Антона Чехова «Дама с собачкой», портрет дальневосточного леопарда для календаря WWF и даже портрет главного героя сериала «Доктор Хаус». А еще работу Ольги можно увидеть в Краевой детской библиотеке имени Н. Крупской – там она расписала фойе (на его стенах вырос волшебный город), наполняет интересной информацией сайт библиотеки и проводит забавные детские мероприятия вроде постройки пиратского корабля или кукольного дома.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СЛАВА – ВЕЩЬ ПРЕХОДЯЩАЯ. СЕГОДНЯ ТВОИ КНИГИ ВО ВСЕХ БИБЛИОТЕКАХ, А ЗАВТРА, УВЫ, О ТЕБЕ ЗАБЫЛИ. ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ. СКОРЕЕ – НАОБОРОТ. МЫ ХОТИМ НАПОМНИТЬ О ТРЕХ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦАХ, СВЯЗАННЫХ С АЛТАЕМ И НЕКОГДА ШИРОКО ИЗВЕСТНЫХ. ОНИ ЭТОГО НАПОМИНАНИЯ ЗАСЛУЖИВАЮТ!

Три забытые детские писательницы

Евгений Платунов

Педагогика через альтернативную реальность

Нинель Вениаминовна Бейлина – автор издававшей в Москве книги для детей «Калитка, отворись!» («Детгиз», 1962). Несколько лет она вела на радио в Барнауле радиогазету для пионеров «Юный ленинец».

Наставником Нинель Бейлиной в литературе стал тоже не чужой Алтаю Всеволод Иванов, который в детстве жил в селе Волчиха. Нинель Вениаминовна так вспоминала Иванова: «...Редактором моим он стал, когда я еще и не догадывалась, что буду писать. Мне было десять лет, отец принес из библиотеки «Тайное тайных», я тут же принялась читать – и как обухом по голове. Читала я тогда много и... у меня отбило вкус к печатной мякине, хотелось опять такой книжки, чтобы – как удар. И потом каждый раз, читая Иванова (и встретившись с ним!), я уже знала: со мной говорит человек, который первым объяснил мне, каково это – литература» (Евсей Львович Цейтлин. «Беседы в дороге: Всеволод Иванов – литературный наставник, критик, редактор». Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1977. Стр. 141).

Первой книгой Бейлиной была повесть о молодых учителях-новаторах «Четыре четверти года» («Советский писатель», 1961). Тема воспитания и ответственности педагога была постоянной у Нинель Вениаминовны. В 1968 году в Новосибирске издавалась «Книга встреч» Бейлиной, в художественном тексте которой был фактически представлен коллективный способ обучения по методу Александра Ревина. Рецензии Бейлиной на новые издания для детей печатались в журнале «Детская литература». Но только в рукописях остались ее собственные многие книги, среди которых роман «Три погибели, или Новый Обломов» и повесть «Сколько весит Аннелиза Шперлинг?». Повесть о суде над ведьмой в Германии XVII века возникла из первоначальных планов сделать для издательства «Мир» или «Прогресс» перевод книги Курта Башвица «Ведьмы и ведов-

ские судилища» (Hexen und Hexenprozesse: Die Geschichte eines Massenwahns und seiner Bekämpfung, München 1963). Перевод научно-популярного издания редакции отвергли, но была написана повесть, рассчитанная на детского читателя. Но она так и не дошла до читателей. Нинель Вениаминовна трагически погибла под колесами подмосковной электрички в 1984 году.

Учительница, драматург, депутат

В Барнауле жила писательница и драматург, чью детскую книгу тепло вспоминают в Интернете и сейчас: «2011.04.19 17.00. Книга А. Киселевой «Алтайские робинзоны» мне вспоминается со школьных лет. Найти пока не удастся ни в одной известной мне электронной библиотеке. А ведь эта книга незаслуженно забыта, в ней показаны и характеры ребят, природа Алтай, и способы выживания в суровых горах. Если сможете найти эту книгу, буду очень благодарен!».

Книга Анны Киселевой «Алтайские робинзоны»

О ЧЕМ КНИГА «КАЛИТКА, ОТВОРИСЬ!»

«Действие повести происходит на Алтае. Нюрка, обидевшись на лицемерную Зинину маму, уходит бродить, и Зина идет с нею. Они думают, работают, ссорятся, мирятся. Вот они в школьной производственной бригаде. А вот – в пионерском лагере помощниками вожатых. А потом получается так, что девочки потерялись и ищут друг друга» (из современного интернет-описания). Почему-то мало кто заметил, что, несмотря на детский жанр, в этой давней книге (1962 года) уже есть популярный сейчас в кино и литературе прием альтернативной реальности.

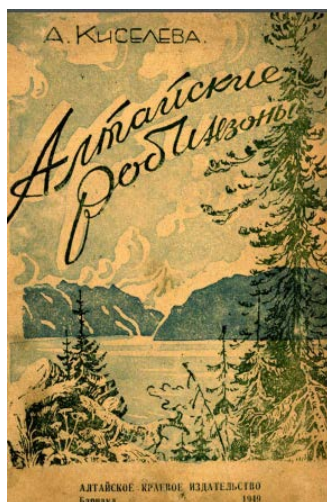
впервые была издана в Новосибирске в 1939 году. Через десять лет, в 1949 году, повесть тиражом в 10 тысяч экземпляров напечатали в Барнауле в Алтайском книжном издательстве. Этот текст доступен сейчас для прочтения на сайте Краевой библиотеки им. Вячеслава Шишкова.

В старом номере альманаха «Современная драматургия» (№ 6, 1958) можно прочесть подробную биографию Киселевой вместе с ее пьесой:

«АННА НИКОЛАЕВНА КИСЕЛЕВА родилась в 1906 году, в селе Нижняя Ведуга Воронежской губернии, в семье крестьянина-бедняка. Когда ей было три года, родители переселились в село Краюшкино Алтайского края – на «вольные земли». Но в Сибири семья жила тяжело, земли они не получили, и отец был вынужден идти в Барнаул на заработки. Восемилетней Анне Киселевой пришлось пойти в няньки. После Великой Октябрьской социалистической революции родители А.Н. Киселевой вступили в коммуну «Муравейник», сама она окончила сельскую школу и в 1922 году по путевке комсомола поступила на курсы учителей. Затем была направлена учительницей в село Старо-Крайчиково. В 1924 году уездный комитет комсомола послал ее учиться в Барнаульский педагогический техникум, который она окончила в 1928 году. С 1929 по 1954 год работала преподавателем в школе-десятилетке села Краюшкино. Одновременно с педагогической работой училась сама и в 1939 году окончила заочно Барнаульский педагогический институт. В 1947 году ей было присвоено звание заслуженной учительницы РСФСР.

Первое литературное произведение – повесть для детей «Алтайские робинзоны» – вышло в Новосибирском издательстве в 1939 году. Ряд рассказов для детей был опубликован в разное время на страницах альманаха «Алтай», в газете «Алтайская правда» и в Новосибирском детском альманахе «Золотые искорки». В 1955 году в Новосибирске вышла вторая повесть для детей – «За честь класса». Драма «Из тьмы» написана в 1957 году и получила поощрительную премию на Всероссийском конкурсе в честь сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции».

Действие повести «Алтайские робинзоны» происходит в 1937 году. Два увлеченных геологией школьника отправляются

в самостоятельную «экспедицию» в горы. Их ждет много приключений.

Из секретарей – в детские писатели

В 1949 году в центральном издательстве «Детгиз» вышла книга Аделаиды Александровны Котовщиковой «В большой семье». Автор в годы войны была эвакуирована в Барнаул.

Аделаида Александровна родилась 29 апреля 1909 года в селе Троицком Московской губернии. Родители ее были врачами. В 1927 году переехала в Ленинград, поступила на факультет графики Академии художеств. С 1931 по 1932 год работала художником в мастерской наглядных пособий Военно-медицинской академии. Окончила вечерний Рабочий литературный институт им. Горького. С 1936 года работала секретарем редактора журнала «Резец». К этому времени относится начало литературной деятельности Аделаиды Александровны: в 1935 году ее два рассказа напечатаны в журнале. В 1940 году в журнале «Звезда» была опубликована ее повесть «Отец», в 1942 году в том же журнале – повесть «Горный лес».

Летом 1942 года она с двумя детьми и сестрой эвакуировалась из Ленинграда в Алтайский край. Работала на льнозаводе и в эвакогоспитале в Бийске, год была корреспондентом «Алтайской правды» в Барнауле. В 1944 году Котовщикова вернулась в Ленинград.

Впечатления об алтайской деревне послужили основой очень известного в свое время рассказа «Сто процентов»: «...в сельской школе молодая учительница ведет сразу два класса – третий и первый. И если в третьем классе все благополучно, то в первом – стопроцентная неуспеваемость, потому что учится в нем всего один ученик».

«Малокомплектных» школ все больше и в наше время, поэтому и представляет определенный интерес то, как искали пути друг к другу учитель и ученик.

В литературе Котовщикова выступила преимущественно как детская писательница. Первоначально ее повести и рассказы были рассчитаны на читателей – школьников и пионеров, в последний период ее герои – преимущественно дети дошкольного и младшего школьного возраста.

Умерла Аделаида Александровна 24 февраля 1985 года в Ленинграде.

НА ПОПОЛНЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ФОНДА ВСЕГДА ОКАЗЫВАЮТ ВЛИЯНИЕ ДВА ФАКТОРА: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ И ВЫБОР БИБЛИОТЕЧНЫХ РАБОТНИКОВ И ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ. КАК ЖЕ ОБСТОИТ ДЕЛО ПРИ ПОПОЛНЕНИИ ФОНДА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ?

Как комплектуются библиотеки Барнаула?

Светлана Носырь, заведующая
отделом комплектования ЦБС г. Барнаула

Детское ретро

Книги для детей сегодня как никогда разнообразны, качественно выпущены и красочно оформлены. Об основных трендах в этой области хочется поговорить подробнее.

Первое, что бросается в глаза – ретротренд в детской литературе. Книжные магазины заполнены знакомыми взрослой аудитории стихами и сказками советской эпохи. Детская книга консервативна, она поддерживает связи между поколениями. Познакомить ребенка с важной для себя книгой хочется каждому родителю. Еще шесть – семь лет назад достать для ребенка книгу, которой мама или папа зачитывались в детстве, было довольно сложно. Не все сохраняют свои детские библиотеки, а тонкие книжки вдобавок быстро приходят в негодность. Сейчас эти издания выходят в новом качестве, на новом уровне полиграфии, не доступном для недавнего прошлого. Наиболее удачно, на наш взгляд, это получается у издательства «Речь». Наши читатели с удовольствием читают книги этого издательства, например, в серии «Ребята с нашего двора» переизданы авторы: Е.В. Ракитина, Ф.Ф. Кнорре, М.А. Баранова, А.А. Иванов, Ю.Ф. Третьяков и многие другие. Из серии «Любимая мама» закуплены известные авторы: М. Старосте, П. Бажов, Р. Зернова, русские народные сказки и другое.

Когда библиотеки выезжают с выставками на городские мероприятия, горожане всегда обращают внимание на эти книги и готовы купить, а мы приглашаем барнаульцев в библиотеки.

Появление множества зарубежных детских новинок обусловлено как стремлением влиться в мировое книжное пространство, найти новых героев и темы, так и экономическими причинами: ведь издание новой книги «с нуля» требует куда больших финансовых вложений. К тому же западные издательства активно продвигают национальную литературу, нередко спонсируя переводы своих книг в других странах.

Издателям интересно показать новое, современное, неизвестное пока читателю. Возможно, что со временем герои этих книг станут новыми карлсонами и винни-пухами. Однако успех переводной книги во многом зависит от мастерства переводчика, в его власти сделать текст естественным и легким. Перевод – всегда большой труд, и не важно, одна строчка текста на странице или десять. Как ни странно, чем меньше текста, тем сложнее и ответственнее работа: ведь если слов всего десять, то каждое из них должно быть абсолютным попаданием. К сожалению, переводы не всегда бывают успешными. Мы, например, не посчитали удачным перевод книг о Гарри Поттере Марией Спивак,

органичнее переводы М.Д. Литвиновой и И.В. Оранского Детскую переводную книгу новых для нас авторов мы приобретаем достаточно осторожно. Хотя, безусловно, есть яркие примеры – вспоминается уже многим известная серия книг о семейке из Шербура в переводе Марии Бунос.

Детское – недетское

Сложные вопросы «с боем» проникают в детскую литературу. Издатели часто настаивают на том, что многие родители и педагоги не хотят знакомить детей с трудностями взрослой жизни, вызывать болезненные переживания. Идут разговоры, что мы сильно отстаем от мировых тенденций, что на Западе даже книжка-картинка не всегда и не только книга для самых маленьких. Она может быть рассчитана на младший школьный возраст и затрагивать сложные и болезненные темы: война, смерть, развод родителей и так далее. На самом деле вопрос не в том, чтобы не затрагивать взрослые темы, а в том, как это преподносится. Справедливости ради нужно вспомнить, что почти все сказки, мировая классика и литература советского периода не избегали драматичных сюжетов (М. Шолохов, М. Твен, Л. Толстой, И. Тургенев и многие другие), все это уже было в литературе. Язык взрослых и детей – это разные языки. Мы уже неоднократно убеждались в том, что нельзя безоглядно перенимать зарубежный опыт, это не всегда положительный опыт.

А высказывания о том, что ребенок должен понимать, что жизнь может быть трудна и несправедлива и это знание в будущем подготовит его с большим мужеством и пониманием справиться с неприятностями, возможно, справедливо. Вопрос опять же в подаче материала. В современных изданиях можно встретить, как под видом знакомства со сложным миром взрослых протаскиваются идеи толерантного отношения к разводам, гомосексуализму и другим порокам. Мы, например, списали из фонда все экземпляры книги Веры Тименчик «Семья у нас и у них», выпущенной в рамках детского проекта Людмилы Улицкой. У некоторых книг этого проекта изменили возрастную маркировку. К сожалению, в части произведений любимой подростками Тамары Крюковой образ родителей представлен как мешающий рудимент и атавизм, а для подростков самое лучшее – не вводить их в курс своих дел, чтобы не мешали. И такие отношения расцениваются автором как нормальные и естественные.

Среди зарубежной литературы для детей обращают на себя внимание книги, которые условно можно отнести к «детской прикладной психологии» или психологическим сказкам. Нередко они написаны практикующими детскими психологами и призваны обучить малышей конкретным образцам поведения, решить возрастные проблемы. Наши авторы тоже подхватили этот тренд. Среди

Централизованная библиотечная система г. Барнаула по состоянию на 1 января 2016 г. включает в себя 18 библиотек; обслуживает 118 621 человека, среди которых 61 585 детей; осуществляет книговыдачу в объеме 2 245 734 экземпляра, в том числе 967 715 экземпляров выдано детям.

переводных изданий запомнилась серия книг Оскара Бренифье, выпущенная издательством «Клевер-Медиа-Групп»: «Что такое чувства», «Это хорошо, а это плохо», «Почему я не делаю то, что хочу?», «Что такое счастье», «Трудные вопросы детей о людях и отношениях» и другие. Удачный отечественный опыт последнего времени – выпуск серий «Учим добрые слова», «Радостные сказки» московского издательства «Символик».

Техника в помощь

Современные книги притягивают взгляд и их попросту приятно держать в руках. Ребенок воспринимает книгу через иллюстрацию. Ему нужна осязаемая книга, где можно перелистывать страницы, рассматривать картинки, водить пальчиком. В качестве примеров с удовольствием скажу о сказках с иллюстрациями Геннадия Павлишина, («Таежные сказки», «Амурские сказки», издательство «Речь»), в этом же издательстве вышли сказки Павла Бажова с рисунками Марины Успенской. В серии «Наследие Кочергина» издательство «НИГМА» выпустило книги с иллюстрациями Николая Кочергина («Лев и мышь: курдские сказки», «Свадьба дракона: китайские сказки») и многие-многие другие. Книга становится арт-объектом, и это одна из самых приятных тенденций. Авторы ищут новые пути разговора с читателем на привычные темы через оригинальные иллюстрации, истории. Стали выше требования к качеству книг – полиграфии, оформлению, появилась более интересная подача старых изданий.

Нельзя не сказать и про книжки – игрушки. Эти издания давно на рынке, но столь разнообразными и яркими стали, пожалуй, впервые. Мы стараемся регулярно

пополнять фонд такими изданиями. Для малышей и младших школьников – это в большей мере музыкальные книги и книжки-панорамки (произведения классиков и русские народные сказки). Школьникам интереснее познавательные книги по истории, географии, культуре; например, постоянно востребованы «Римские гладиаторы», «Книга игр. Загадки географии», «Великие путешествия. Поезда», «Правдивая история Деда Мороза» и многие другие, в которых кроме игровых элементов и фигур содержатся исторические справки по теме, старинные фотографии и художественные тексты.

Автор едет в гости

Рынок заставляет издателей и авторов искать новые формы продвижения товара. Одна из них – промоутеры, в рамках которых писатель путешествует по городам, встречается с читателями и продает подписанные им издания. В 2015 году на базе двух библиотек системы и магазина «Книжный мир» прошли встречи с известным писателем-фантастом Дмитрием Емцом. Встречу организовало издательство «Эксмо» при посредничестве книготорговой фирмы «Библионик». Аудитории при встречах были заполнены полностью, было много вопросов к Дмитрию Александровичу как к автору конкретных произведений, так и к человеку с активной жизненной позицией. После отъезда

Среднестатистические ежегодные финансовые затраты на приобретение новых поступлений в денежном выражении составили 3902,6 тыс. руб., в том числе субсидии из федерального бюджета равны 4,6%, средства краевого бюджета – 8,1%, муниципальный бюджет выделяет 87,3% от общей суммы финансирования комплектования библиотечного фонда.

Совокупный фонд ЦБС г. Барнаула на начало текущего года составил 945 119 экземпляров, в том числе 5193 экземпляра – электронные издания, 23 554 экземпляра – издания на других (не бумажных) носителях, около 4,5 тыс. экземпляров – издания на иностранных языках. Литература для детей составила 222 424 экземпляра (23,53%), краеведческих изданий в фонде 24 572 экземпляра (2,6%).

гостя остались добрые воспоминания и у читателей города, и у Дмитрия Александровича. Еще одна запоминающаяся встреча была у библиотекарей и читателей с православным автором Ю.Ю. Воробьевским. Более экономный для издательства, но тоже полезный и интересный формат сотрудничества с библиотекарями освоили в издательстве «РОСМЭН». Сотрудники издательства организуют онлайн-встречи своих авторов в закрытом формате, только для библиотек. Такие встречи были с Антоном Соей, Аей ЭН, Анной Никольской-Эксели и многими другими.

Безусловно, любые встречи, тем более живую, позволяют лучше узнать личность автора и повышают интерес к его произведениям. По итогам мероприятий в библиотечную систему закуплены дополнительные экземпляры книг Д. Емца о Тане Гроттер, сборник «Заступники земли русской» и книги других авторов, участвующих во встречах с библиотекарями.

Если говорить о предпочтениях читателей детской литературы, то среди классиков лидируют С. Маршак, А. Пушкин, В. Драгунский, Н. Носов, А. Чехов, среди современных авторов – Н. Щерба, Т. Крюкова, Д. Емец, Э. Веркин и Э. Успенский.

В заключение хочется привести слова Даниила Гранина о необходимости и важности книжного дела, ценности самой книги, сказанные на 15-летнем юбилее Книжного союза: «Для меня как для писателя книжное дело кажется сегодня одним из самых насущных занятий нашей общественности. Почему? Прежде всего, в силу тяжелого нравственного состояния общества, затем – потому что книга, может быть, наиболее энергичное средство поднять духовный уровень, духовную чистоту нашей жизни. Ни телевидение, ни Интернет не занимаются духовной жизнью нынешнего человека. И только литература в виде поэзии, прозы остается территорией человечности, высоких и необходимых нам чувств, территорией добра и любви».

Продолжим и мы совместными усилиями расширять эту территорию добра и любви.

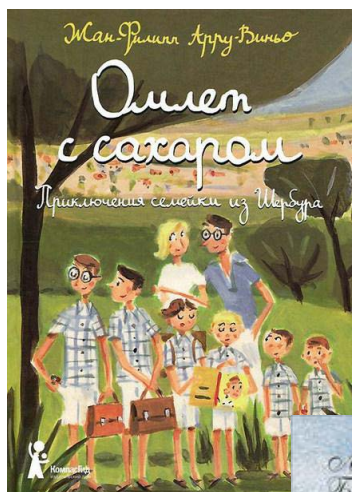

10 книг для детей

Арру-Виньо, Ж.-Ф. Омлет с сахаром: приключения семейки из Шербура / Жан - Филипп Арру-Виньо ; [пер. с фр. М. Бунос] ; ил. Д. Корбасон. - [3-е изд.]. - Москва : КомпасГид, 2014. - 107 с. : ил. - (Приключения семейки из Шербура 1). 12+

Автор книги, француз Жан-Филипп Арру-Виньо, – один из тех самых шести братьев Жанов, о которых пойдет речь. А еще точнее: Жан Б. – второй по старшинству. С самого детства Арру-Виньо обожал читать. В 1984 году он опубликовал свой первый взрослый роман, за который получил премию «Лучший дебют», а через несколько лет выпустил вторую книгу – детскую. Сегодня Арру-Виньо автор около тридцати книг, заведует отделом детской литературы в крупнейшем независимом французском издательстве «Галлимар». Свою серию «Приключения семейки из Шербура», столь любимую детьми и родителями во Франции, он создал совместно с известным иллюстратором Доминик Корбасон, чьи работы можно увидеть на страницах таких журналов, как *Cosmopolitan*, *Madame Figaro* и *Vanity Fair*. По духу «Приключения семейки из Шербура» напоминают знаменитого «Мальша Николая» Рене Госинни и Жан-Жака Сампэ: герои «Семейки» – те же веселые, неутомимые мальчишки, которые так и норовят что-нибудь натворить. Серию открывает книга «Омлет с сахаром» (1999).

Вы когда-нибудь ели омлет с сахаром? Его очень легко приготовить! Рецепт: возьмите семью с пятью сыновьями, добавьте еще одного младенца, черепаху, морскую свинку и горстку белых мышей. Хорошенько перемешайте. Не забудьте еще о строгой маме и папе, который на все руки мастер, ну и, конечно, о школьных друзьях с богатым воображением. Щепотка вредности – и готово, можно подавать на стол!

Будогоская, Л. А. Повесть о рыжей девочке / Лидия Будогоская; худож. Г. Фитингоф. – Санкт-Петербург; Москва: Речь, 2015. - 159 с.: ил. - (Вот как это было). 6+

Эта повесть делает равнодушным читателя любого возраста, заставляет остро переживать радости и беды героини – девочки Евы с непослушными рыжими волосами и живым, удивительно независимым характером. Трудно оторваться от книги, пока не перевернешь последнюю страницу. События повести, описанные живым и ярким языком,

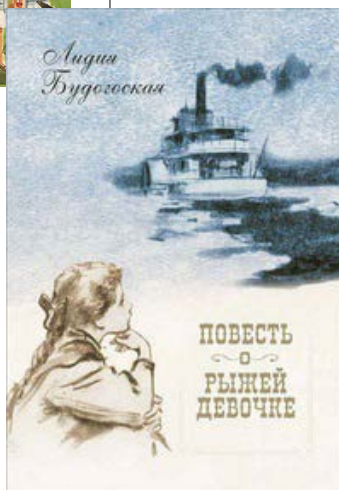
встают перед глазами: провинциальный городок на реке Каме с его тихими улицами и заснеженными площадями, мальчишки-реалисты и девочки-гимназистки, первый бал, первая любовь, подружки и недоброжелательницы, мать и мачеха, дом, «в котором никто не хочет жить»...

Особую прелесть повести придают удивительно выразительные, пластичные иллюстрации замечательного художника Георгия Петровича Фитингофа. Несколькими штрихами этому мастеру

книжной иллюстрации удается передать характер и настроение героя: хрупкую прелесть девочки, величавое достоинство бабушки, жесткий характер отца, робкое обаяние хромой собачки Кривульки.

Верейская, Е. Н. Три девочки: история одной квартиры / Е. Верейская; рис. Н. Носкович. – Санкт-Петербург; Москва : Речь, 2015. - 223 с.: ил. - (Вот как это было). 12+

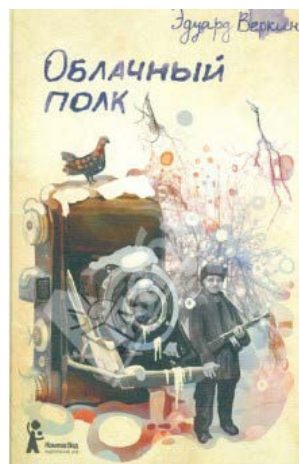
Трогательная история трех девочек, переживших блокаду Ленинграда и вынужденных столкнуться с недетскими трудностями, правдиво поведает о настоящей дружбе, мужестве и искренней преданности, о неожиданных потерях и приобретениях. А графиче-

ские и необыкновенно эмоциональные рисунки Нины Носкович, дополняя повествование, проведут читателей рядом с главными героями от первой и до последней страниц книги.

Веркин, Э. Н. Облачный полк : повесть / Эдуард Веркин. - 2-е изд., стер. - Москва : КомпасГид, 2014. - 293 с. 12+

Сегодня писать о войне – о той самой, Великой Отечественной, – сложно. Потому что много уже написано и рассказано, потому что сейчас уже почти не осталось тех, кто ее помнит. Писать для подростков сложно вдвойне. Современное молодое поколение, кажется, интересуют совсем другие вещи... Оказывается, нет! Именно подростки отдали этой книге первое место на Всероссийском конкурсе на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру». Именно у них эта пронзительная повесть нашла самый живой отклик. Сложная, неоднозначная, она порой выворачивает душу наизнанку, но и заставляет лучше почувствовать и понять то, что было. Перед глазами предстанут они: по пояс в грязи и снегу, партизаны конвоируют перепуганных полицаяв, выменивают у немцев гранаты за знаменитую лендлизовскую тушенку, отчаянно хотят отогреться и наесться. Вот Димка, потерявший семью в первые дни войны, взявший в руки оружие и мечтающий открыть, наконец, счет убитым фрицам. Вот и дерзкий Саныч, заговоренный цыганкой от пули и фотокадра, болтун и боец от бога, боящийся всего трех вещей: предательства, топтуна из бабкиных сказок и строгой девушки Алевтины. А тут Ковалец, заботливо приглаживающий

волосы франтовской расческой, но смелый и отважный воин. Или Шурик по кличке Щурый, мечтающий получить свой первый пистолет...

Двадцатый век закрыл свои двери, забрав с собой миллионы жизней, которые унесли миллионы

воин. Но сквозь пороховой дым смотрят на нас и Саныч, и Ковалец, и Алька, и многие другие. Кто они? Сложно сказать. Ясно одно: все они – облачный полк. «Облачный полк» – современная книга о войне и ее героях, книга о судьбах, о долге и, конечно, о мужестве жить. Книга, написанная в канонах отечественной юношеской прозы, но смело через эти каноны переступающая. Отсутствие «геройства», простота, недосказанность, обыденность войны ставят эту книгу в один ряд с лучшими произведениями XX века.

Литвина, А. Л. Метро на земле и под землей. История железной дороги в картинках : [для ср. возраста] / придумала А. Литвина и написала А. Десницкая. - Москва : Пешком в историю, 2015. - 48 с. : цв. ил. 12+

Эта не просто книга об истории транспорта, это совершенно уникальная по содержанию и форме книжка-картинка для читателей самого разного возраста и характера. Малоизвестные страницы истории транспорта и научных открытий, комиксы, игры и викторина – все это собрано в одной книге!

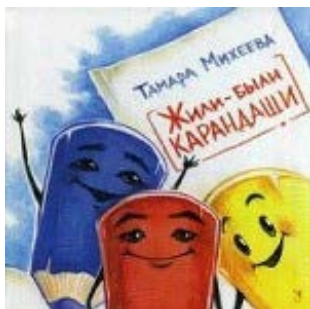
Читатели перенесутся в прошлое, одновременно побываюи и на лондонской улице XIX столетия, и в Москве 1920-х годов, прокатятся в первом пассажирском вагоне и санитарном поезде, совершат путешествия через Альпы и под Ла-Маншем, спустятся на станции лондонского, московского и петербургского метро.

Масло, Е. С. Рождество у крестной : правдивые истории и немножко волшебства / Е. Масло ; худож. В. Довгяло. - Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2014. - 62 с. : цв. ил. 0+

Удивительные дела творятся под Рождество в квартире на самом последнем этаже самого высокого дома в городе! Маленькая Вика и ее любимая крестная – выдумщицы и добрые души – то фабрику по производству снежинок устраивают, то приглашают всех желающих скатиться на горных лыжах прямо из окна своей квартиры, то вместе со всей окрестной ребятней лепят снежного коня, который,

надев волшебный шарф, превращается в настоящего Пегаса. Новогодние подарки для детей и взрослых так и сыплются с неба, сбываются все-все-все мечты – даже самые заветные и невысказанные, а волшебства и доброты в мире становится больше!

Михеева, Т. В. Жили-были карандаши / Тамара Михеева ; худож. О. Брезинская. – Санкт-Петербург : Речь, 2015. - 47 с. : цв. ил. 0+

Знаете ли вы, что у каждого карандаша есть свой характер? И что вся радужная гамма цветов состоит из трех основных – красного, желтого и синего?

Веселая история Тамары Михеевой с яркими иллюстрациями Ольги Брезинской познакомит вас с семилетним Волшебником и его чудесными друзьями-карандашами, расскажет, что такое цветовой круг, как получается тот или иной оттенок и как все они сочетаются друг с другом.

Книга «Жили-были карандаши» понравится читателям всех возрастов, ведь она призывает творчески мыслить, фантазировать и находить решения самых сложных задач с помощью воображения!

Муравьев, В. Б. Приключения Кольки Кочерыжкина / Вл. Муравьев ; рис. Л. Владимирского. – Санкт-Петербург : Москва : Речь, 2015. - 142 с. : ил. - (Дар Речи). 6+

Жил-был младшеклассник Колька Кочерыжкин. Жил по принципу: «Уроки небось уже начались, значит, спешить не спешить – все равно опоздал». В кармане Колька носил перочинный ножик, которым легко и тоненькую березку срезать, и кору с осины ободрать, и обломать цветущую черемуху... Деревья не стали терпеть обиду и объявили Кочерыжкину бойкот. Но Колька угрозу не испугался и сам объявил деревьям войну. В союзники

он взял жуков-вредителей. Колька показал жукам дорогу в молодую рощу, за что был удостоен звания короледа. Еще Кольке очень хотелось, чтобы жуки съели его пятую партию в третьем

ряду... Но вдруг Колька понял, что вместе с партией жуки съедят и класс, и школу, и поселок, – все-все превратится в тухлу!..

Рисунки к приключениям Кольки Кочерыжкина создал любимый многими детьми художник Леонид Владимирский.

Ольшанский, И. Г. Невезучка : [несколько смешных историй из жизни семилетнего человека, которому не везет] / Иосиф Ольшанский ; [ил. И. Репкина]. - Москва : НИГМА, 2014. - 63 с. : цв. ил. 6+

Перед вами трогательное и смешное повествование от имени семилетнего мальчика, которому не везет практически с рождения, ведь у него день рождения 29 февраля и празднует он его раз в четыре года. Костя Пробочкин всегда хочет сделать что-нибудь хорошее, а что из этого получается, вы узнаете из этой замечательной книги с забавными иллюстрациями Петра Репкина.

Книга не издавалась с 1966 года.

Ракитина, Е. В. Приключения новогодних игрушек / Елена Ракитина ; ил. Л. Пипченко. – Санкт-Петербург : Москва : Речь, 2014. - 95 с. : цв. ил. 0+

В Новый год волшебство таится везде. Его можно увидеть в морозном узоре на окне. Или на серебристой поверхности елочной игрушки. Волшебство чувствуешь, когда осторожно достаешь стеклянную игрушку из коробки, разворачиваешь,

едва дыша, распутываешь ниточку и выбираешь подходящую елочную лапу.

В Новый год елочные игрушки оживают, и начинаются их веселые приключения. Где путешествовал Пластилиновый Ослик? Как щенок Тявка перестал быть трусом? Почему так важно, чтобы на серебряной Фее не было ни пылинки? И когда случается Бал, на котором сбываются мечты?

Скорее откройте эту книгу, и тогда волшебная сказка, сотканная из детских воспоминаний, пушистого снега, ароматов хвои, цитрусов и торжества, не закончится, а будет согревать вас весь год своим теплом!

Все книги поступили в МБУ «ЦБС г. Барнаула» в 2014–2016 гг. Спрашивайте в библиотеках города!

Владимир Токмаков

ОХОТНИК И ВОЛКИ

РОМАНС

*Вот так однажды без причины
Я утром серым не проснусь
И по веревке очень длинной
На небо павших заберусь.*

*Что будет сном моим последним?
Надеюсь, тот волшебный час,
Когда под ливнем мощным летним
Судьба испытывала нас.*

*Мы ссорились. Но дождь, летящий
С небес стеною водяной,
Загнал нас под карниз, гремящий
Своей надеждой жестяной.*

*Я осторожно сжал в объятьях,
Забыв про ссору и скандал,
Дрожащую, в промокнутом платье
Ту, что Господь навеки дал...*

МЕМОРИАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ

*Слишком много боли, слишком много.
Умер одинокий инвалид.
Богу не до нас, а нам до Бога –
Космонавт, и тот не долетит.*

*Пять контузий, две сквозные раны,
Три развода, алкогольный чад...
Здесь, в земле, Иваны да Степаны –
Часовые Родины лежат.*

ДВОРОВАЯ ИСТОРИЯ. 1949-й

*Жили впроголодь, ругались,
Били морды, жгли мосты,
Ссорились, с ножом кидались,
Разнимали их менты.*

*А когда дядь Ваня помер,
Ставшая вдовой, она
Не могла ложиться в доме
Ни с подругой, ни одна.*

*Пожила еще немножко,
Но замучила тоска –
Убежала по дорожке
К мужу, вверх, на облака.*

* * *

*Вчера позвонил Господь
Я так обрадовался
Хотел о многом спросить
Многое рассказать
А Он
Просто ошибся номером*

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

*М.
Предчувствуя с тобой разлуку,
Во сне к тебе – бегу, бегу...
Ты мне протягиваешь руку –
Я дотянуться не могу.*

В МУЗЕЕ ПОТЕРЯННОГО ВРЕМЕНИ

*Меня окружают волки,
Волки все ближе и ближе,
Волки совсем уже рядом,
Первый волк – это я.*

*А там, на пути их, – охотник,
Стоит одинокий охотник
И метится из ружья.*

*Я думаю, этот охотник,
Который метится в волка –
Надеюсь попасть прямо в череп –
Охотник, он – тоже я.*

*Слышали выстрел? Не знаю.
Успел ли стрелок? Неизвестно.
И как я живу – непонятно,
В мире, мне незнакомом,*

*Как на картине в музее,
Там, где охотник и волки, –
Охотник с последним патроном
И волк, что нацелился в горло...*

* * *

*В парке на лавочке
В очках, с вечной толстой книжкой в руках,
В теплой кофте,
Каждый день жаркого лета –
Никого и ничего не видит вокруг.*

А когда-то был еще шанс...
Старая дева с невинной душой –
Полвека
На страже отечественной литературы.

Засохший цветок
Между страницами Ивана Сергеевича
Тургенева.

* * *

Полночь
Лето
Мне восемнадцать
Конец восьмидесятых

На последнем автобусе
Возвращаюсь из клуба
Рядом молодой рабочий с завода
Едет со смены
Уснул в духоте
Испарина на лбу
Худое лицо
Под ногтями траурная кайма
Свои чистые ухоженные ногти
Я почему-то прячу в карманах джинсов
Неужели мне стыдно

Через неделю ушёл в армию

* * *

Она гуляет с тучкой на ниточке.
(Или это воздушный шарик?)
Где засуха и страшная пустыня –
Ее тучка прольется дождем,
Где жара и пекло –
Тучка даст тень.
Где серая слякоть –
Тучка станет ярким воздушным шариком.

С каждым годом
Ее тучка все меньше –
А девочка все старше.
Когда тучка исчезнет –
Девочка станет взрослой.

И перестанет верить во всякие там
Тучки на ниточке.

ЭПИТАФИЯ ГЕРОЮ

И один в поле воин –
Если он воин.
И он сможет поле перейти –
Если не стоять, а идти...

* * *

Плывает в моей памяти
Ярко-оранжевое пламя
Твоего летнего платья

Вечный огонь
На могиле
Нашей любви

* * *

Лето стремительно
Беги не оглядываясь
Не останавливайся

Даже если камешек
Попал тебе в ботинок

* * *

Садись ко мне на спину, дорогая,
И поскакали, я – хорошая лошадка!
Пусть у нас не всегда с тобой всё гладко...
Но мне нравится, когда ты смотришь так –
не мигая!

Я думаю о тебе каждый миг,
и каждый миг трещит по швам моя нервная
система,
и если женщины от этого переходят на крик,
то у мужчин – совсем другая тема.

Некоторые люди живут одним днем,
А я с тобой живу одной только ночью,
Ибо лишь во тьме ты становишься огнем,
Который виден, даже если, так сказать,
закрывать очи...

Ты всегда была ночной красавицей и моим
персональным кошмаром!
Ты внушала не только желание, но и
священный ужас и страх, –
После таких ночей я становился большим и
старым,
А ты! – ты буквально расцвела на моих
костях...

Я – очарованный странник, ты на всю жизнь
меня очаровала!
Хотя, казалось бы, чем еще можно удивить
такого нахала?
Вот и сейчас моя белая рубашка вдруг алой
стала...
Это – настоящий пистолет? А где ты его,
детка, достала?..

* * *

О. М.
Снега – по пояс.
Дальше не пройти.
Как же заблудились
мы с тобой в пути?!
Вот шагает браваый
по дороге строй,
Раз! – и провалились
в омут с головой;
Раз! – по горло в снеге –
был же ровный путь?!
Как бы бездорожьем
старое вернуть?..

Ирина Боброва

Аделька

Григорий Тимофеевич стоял на крыльце, впитывая в себя покой и тепло летнего дня. Гудели деловитые пчелы, подбитым «мессершмитом» спикировал в траву шмель, где-то тягуче замычала корова и, будто в ответ, переливчато, на разные голоса залаяли собаки. Гусыня, важно переваливаясь с боку на бок, с ответственностью опытной мамы вела к пруду выводок. Один за другим принялись кукарекать петухи, передавая эстафетную палочку с подворья на подворье.

Дед Григорий жил в маленькой деревеньке, которая называлась Васильевкой и когда-то была большим благополучным селом, но теперь здесь проживало всего несколько семей – в основном старики. Морозов занимал крайний дом и, несмотря на возраст, содержал его в полном порядке. Ему нравилось жить в деревне. Сын постоянно звал старика в город, но Григорий Тимофеевич отказывался.

– Ну и что я там делать буду? – говорил он, отклоняя очередное приглашение. – Здесь я и с соседями поговорю, посижу на крыльце, поворчу по-стариковски. И без земли я не могу. Ну что эти ваши шесть соток на даче? То ли дело у меня – простор! Не нужен мне этот город, я, Петенька, городов нанюхался еще при Сталине, не хочу больше.

Но сын каждый свой приезд поднимал тему переезда снова и снова. Григорий Тимофеевич хмыкнул: упрямый Петруша, весь в него. Если что решит, то хоть кол на голове теши, а от своего все одно не откажется! Вот и сейчас...

Он вздохнул, вспоминая последний приезд сына. Крепко они тогда с Петрушей повздорили, старик даже слег от переживаний, неделю сердце давило.

Григорий Тимофеевич нахмурился, все еще сердясь на сына. Это надо ж было такое удумать? В Германию собрался уезжать, да не просто в гости, а на постоянное место жительства оформился! Старик брезгливо скривился и сказал, будто плюнул:

– ПМЖ.

А все Аделька. Ох, сразу не приглянулась ему невестка, как только увидел ее впервые, так и не приглянулась. Сын ее с собой после армии привез, жена, сказал. Вот как так? Ни благословения не спросил, ни совета родительского? Григорий Тимофеевич, когда сын с женой в дом вошли, аж лицом почернел, но жена – царствие ей небесное! – тогда еще жива была. Она подошла к мужу, по руке погладила да прошептала:

– Пусть, Гриша, время сейчас другое, да и любят они...

Супруга его, Анастасия Фёдоровна, болела сильно, врачи помочь не могли, только руками разводили, вот старик ей и старался угодить да

не перечил ни в чем, дабы лишний раз не расстраивать.

– Может, успею внуков перед смертью на руках подержать, – добавила Анастасия Фёдоровна и утерла слезу.

Вздыхнул тогда Григорий Тимофеевич, но отношение и к невестке, и к самому факту сыновей женитьбы где-то на чужбине изменил полностью. Спросил только, почему он к такому вот сюрпризу их с матерью не подготовил? Почему не написал? Петька тогда совсем молодой был, двадцать годов, а уже характером крут да упрям. Набычился он, на отца дерзко, с вызовом глянул и сказал:

– Немка она. Аделей зовут.

Тут Григорий Тимофеевич взъярился было, да жена к нему подошла, взглянула строго и сказала:

– Полно вам, вон Адель уж из бани сейчас придет, чего свару затеяли? Да и Петруше с ней жить, не тебе.

Крякнул с досады Морозов, да тут Адель в избу впорхнула – свеженькая, молодая, волосенки мокрые, а глазички зеленые счастьем светятся. Увидела Григория Тимофеевича, смутилась. Показалось тогда старику, будто кто погасил это счастье. Нехорошо ему стало, виноватым себя почувствовал. Ну и вправду, чего это он на девчонку взъялся? Она, что ли, в сорок втором всю его родню расстреляла да его самого в концлагере держала? Только тут и почувствовал, что война была давно и что кончилась она тоже давно. В этот момент и понял.

– Ну, иди сюда, Аделька, – сказал он, смахивая слезу, – дай обниму тебя по-отцовски, дочка!

А эта дурочка разревелась. Нет, ну надо ж так было переживать? Жена потом рассказала Морозову, что сноха всю дорогу до дома места себе не находила, боялась, как ее примут Петины родители.

– Да что ж мы не люди, что ли? – проворчал тогда Морозов.

На том дело и кончилось.

Разное в жизни случалось и ссоры, и радости, но всей душой Григорий Тимофеевич был благодарен Адельке, когда та внука им подарила, Серёжу. И жена его Анастасия Фёдоровна все же успела помянуть, пусть немного. Спустя год после Серёжкиного рождения отдала Богу душу. А для самого старика Серёжа стал и утешением, и радостью на старости лет. Теперь-то уж парню четырнадцать годов стукнуло, взрослый совсем.

Дед Григорий помрачнел, подумав о том, что внук будет жить за сто верст от него, в Германии. Не бывать этому!

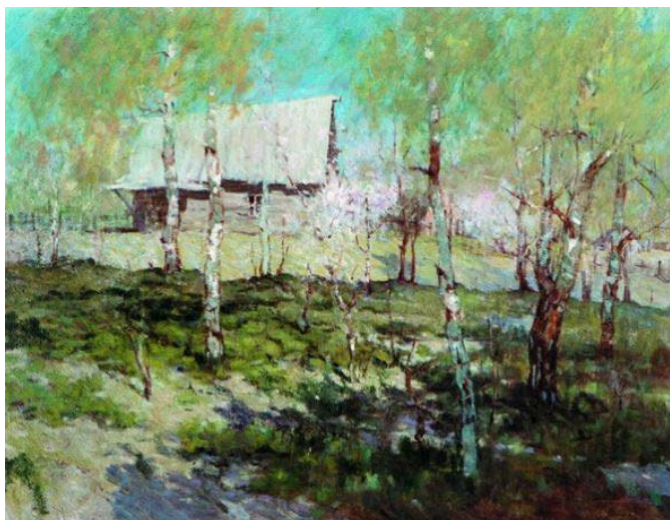
Старик спустился с крыльца, высокого – в пять ступеней, бесцельно походил по двору, наконец открыл калитку в огород.

Огород у Морозова большой, соток сорок. Дед Григорий посмотрел на ровные грядки, нагнулся, отщипнул веточку укропа, подобрал комочек земли, растер меж пальцами.

– Земля... – задумчиво протянул он.

Вот тут с сыном и говорили, на этом самом месте. Пётр стоял рядом, раздувал в ярости ноздри и впервые отцу так перечил – безудержно, зло. Доказывал все, что тут он Серёже даже образование дать не сможет, что зарплату уже семь месяцев не получал, что Адель без работы. А то дед Григорий этого не знал! Сам вон уж не помнил, когда пенсию приносили, и то обстоятельство, что сын ему, старику, деньгами помогать умудряется при такой-то жизни, сильно Морозова утнетало. Привык он сам быть опорой и Петруше, и семье его.

Знал он все. Понимал, какие тревоги сына гложут, но не бежать же из-за этого туда, где сытнее?

Художник
Александр
Шишкин

Так ни до чего не договорились. Пётр настаивал, чтобы отец подписал разрешение на переезд в Германию, а Григорий Тимофеевич тогда не сдержался, закричал в ответ:

– Только через мой труп!

– А хоть и так, – проговорил сын, зло глянув на отца. – Все равно уеду, вечно ты жить-то не будешь!

Развернулся и ушел, не попрощался даже. Переживает, поди, там у себя, в городе, а на мировую не идет, подумал старик. Гордый, весь в него.

И будто продолжая разговор с сыном, сказал вслух:

– Знаешь, сынок, ничего нет лучше земли этой. Лучше родной земли и быть ничего не может. Я, помню, совсем постреленком был, от отца это слышал. Земли у нас много было, семья крепкая, большая. И эту деревеньку дед мой Василий ставил. Так мы на этой земле – от зари и до зари. И любили ее похлеще, чем женщину. И она нас за это любила. И родила хорошо в ответ на заботу-то.

Когда революция случилась, батя мой с братьями долго спорили. Он младший был, но умный мужик, к слову его прислушивались. Не стали сразу из России уезжать, на Бога понадеялись. Мол, скоро народ уймется, царь-батюшка опять престол займет... А оно вон как вышло...

Уже перед самой коллективизацией собрали обоз, и все шесть братьев с семьями поехали через Горный Алтай, к монгольской границе, а дальше – в Китай сначала, а там либо в Австралию, либо в Америку. Отец мой в пути от обоза-то отстал. Стоим, помню, у колодца – батя на лес смотрит, мать плачет, а мы в телеге сидим: я старший, сестры мал мала меньше. Мать причитает, мол, от обоза отстали, что делать будем. Отец долго молчал, потом повернул коня и говорит: «Никуда не поедем, домой вертаемся! Русский я! И земля наша русская. И нечего мне на свете без этой земли делать! На лих, на беду ли, но здесь наша Родина!». Мамка плачет, говорит, окстись, Тимофей, ты о детях-то подумай! А он подозвал меня, махнул рукой в ту сторону, откуда ехали, и говорит: «Родина, Гришка, она одна... И со своей землей, Гриха, как с женой венчанной – и в горе, и в радости. И пока Бог не разлучит... Потому что мы русские! Запомни – русские! И нечего нам по всяким китаям да америкам шастать, горя мыкать». Мать заверещала, что он детей-то на какие беды обрекает, а отец посмотрел на нее, сплюнул. Говорит: «Дура баба, если земля беды дает, то она же и силы даст, чтобы вынести все, что Бог посылает!».

Я, Петруша, те батины слова накрепко запомнил...

Через все пронес, через всю жизнь: и через раскулачивание; и в войну за нее шел – за землю родимую; и когда с фашистского концлагеря в советский попал, тоже батины слова помнил – крепко помнил... Держали они меня, силу давали! И теперь вот стою здесь, на своей земле, и думаю, что отец мой прав был. Негоже нам, русским людям, от бед бегать, землю свою бросать! Беды-то все больше надуманные, а счастье – вот оно... – дед Тимофей раскинул руки так, словно хотел охватить все вокруг – и огороды, и поле за околицей, и лес, и синее-синее июльское небо.

– А что дальше было, ты знаешь, – проговорил Григорий Тимофеевич, будто и не видел, что рядом с ним никого нет. – Батю на следующий день после того разговора убили. Бандиты. Лошадей увели, добро забрали. Умер он, но перед смертью мне наказал, чтоб я помнил, какая земля меня взрастила, и берег ее.

Седой морщинистый старик стоял, расправив широкие плечи и высоко подняв голову. Взгляд его был спокойным, благостным, и его глаза что-то перевернули бы в душе сына, будь тот сейчас рядом. Но Петра рядом не было. Старик вздохнул и, ругая себя за то, что поддался гневу, что не смог найти нужных слов тогда, неделю назад, понурил голову и поплелся из огорода. Ноги будто налились свинцом, ступни стали тяжелыми, шаркающими.

Старик зашел в избу, прошел к печке, снял кипящий котелок и, понюхав варево, добавил ложку меда. Размешал, немного отлил в кружку, отнес ее к столу.

– Травы да мед – они мертвого поднимают, – сказал он себе и отпил глоток.

Потом взгляд упал на бумаги, оставленные сыном. Те самые, на которых он подпись свою поставить должен был, что-де не возражает против факта эмиграции. Григорий Тимофеевич подтянул к себе папку, несколько минут

смотрел на нее. Потом встал и пошатываясь прошел в комнату. На большом комод аккyратно лежали авторyчки, карандаши, стопочка писем, ножницы и другая мелочь, которая обычно имела свойство теряться. Старик надел очки, взял авторyчку и, достав из папки бумаги, поставил подпись. Потом из пожелтевшей тетради вырвал лист и быстро, словно боялся передумать, написал: «Петруша, подписал-таки разрешение. Приезжай, забери. Даю вам с Аделькой и Серёженьке свое родительское благословение. Храни вас Господь». Порывшись в стопке тетрадей, Григорий Тимофеевич выудил почтовый конверт, аккyратно свернув письмо, положил его внутрь, запечатал. Написал адрес. Постоял, посмотрел на конверт и сказал вслух:

– Эх, Настасья свет Фёдоровна, даст Бог, скоро свидимся. Как ты мне нужна... А Петруша – что ж... Я разве могу на его дороге камнем встать? Пусть едет... У него Родина, так ведь и у Адельки тоже. Немка она, ей нужно в своей стране пожить, на своем языке поразговаривать. А у Серёжи две Родины будет... Россия и Германия. Так вот оно...

Во дворе залаяла собака, тут же хлопнула входная дверь. В избу зашел сосед Иваныч. Правда, чаще этого маленького верткого старика звали Метр с Кепкой. Росту в соседе было от силы метра полтора, а старая клетчатая кепка, нелепо смотревшаяся на лопоухой лысой голове Иваныча, была его любимым головным убором.

– Что, очухался ужo? – спросил сосед, присаживаясь на табурет у дверей.

– Да жив пока, – ответил Григорий Тимофеевич и спросил: – Чай пить будешь?

– Не, – отказался гость. – Тимофеич, смотрю, ты совсем здоровый наконец, а что нес? Помру, помру... Тоже мне, покойничек!

– Тьфу, Иваныч, что орешь как оглашенный! – дед Григорий посмотрел на друга, перекрестился и спокойно сказал: – Конечно, очухался, это ты все говорил – помрешь, помрешь...

– Да я, это, твою стойкость проверял, – протараторил Иваныч, взмахнув руками. – Волю, так сказать, к победе!

– Вот я сейчас тебе дам волю к победе! – дед Григорий замахнулся.

Иваныч вскочил, всплеснул руками и протараторил:

– А че махаешься-то, че махаешься? Если б не я, то кого бы ты убеждал, что выживешь? Себя? То-то и оно! Ты ж у нас поперёшный, ты ж все по-своему делаешь.

– Ладно, не трону, – смиловился Григорий Тимофеевич, понимая, что сосед полностью прав.

Иваныч присел на прежнее место и обиженно произнес:

– И спасибо от тебя не дождешься...

– За что это? – хозяин даже всплеснул руками, услышав такой упрек.

– За мое горячее сердце, холодный ум... – начал было Иваныч, но не договорил, вскочил – дед Григорий опять замахнулся на него кулаком. Метр в Кепке знал, что сосед не ударит, но даже так, шутя, не хотелось попасть под его огромный кулак.

– Тоже мне, Железный Феликс в драной кепке! – воскликнул дед Григорий смеясь. – Давай присаживайся к столу. Кормить тебя, не обессуди, не буду – слаб еще готовить, а вот молочка налью.

– Да не суетись, давай покурим, что ли?

– Не хочу, только что курил. А ты что такой смурной, Иваныч?

– Проблема у меня, – ответил тот, отводя глаза в сторону.

– Да говори уже, – приказал Григорий Тимофеевич и тоже сел на табурет.

– У Семёна жена загуляла, – ответил старик.

– Так ты-то что маешься? – поинтересовался хозяин. – Пускай у Семёна голова и болит.

Иваныч поджал губы, пошамкал ими, потом, скосив глаза и глядя куда-то в пол, гнусаво, будто жалуясь, произнес:

– Так ведь она со мной загуляла.

– Что? – дед Григорий рассмеялся и хрипло, по-стариковски зашелся кашлем. – Ну, ты влип! Жди, Семён с берданкой прибежит!

– Вот я и говорю, что у меня проблема, у меня, – Иваныч тяжело вздохнул.

– И че те неймется? – удивился Морозов. – Сколько тебя знаю – все по бабам шастаешь. И ведь годов уже сколько.

– Ну, сколько? Сколько уже годов? – обиделся престарелый ловелас.
– Да уж скоро шестьдесят восемь, поди, будет.
– И что? Меня отец в семьдесят пять родил! – Иваныч вскочил и взмахнул руками, уронив кепку в кошачью миску с молоком. – Ешкин кот! – выругался он.

Сосед нагнулся, поднял кепку, стряхнул с нее молочные капли.

– Не всем так везет, – резонно заметил дед Григорий, посмеиваясь.

– Так и женился бы, глядишь, тоже под старость лет себе сына родишь. А что, молодой отец, так сказать! – не удержался от подначки Григорий Тимофеевич.

Иваныч насупился и стал похож на маленького взъерошенного воробья. Он так же вскидывал голову, склонял ее набок, к плечу, был таким же шумным, как эта маленькая серенькая птичка, и таким же задиристым.

– Ну, скажи вот мне, Иваныч, сколько можно по чужим бабам бегать, аки Казанова недоделанный?

– Я не Казанова недоделанный, – важно ответил Иваныч, – я холостяк, и холостяк полностью законченный!

– Дурень ты, тоже полностью законченный, – проворчал Григорий Тимофеевич. – Знаешь же, что Семя бешеный, особливо, когда дело его жены касается. А так женился бы и по бабам, глядишь, бегать перестал.

– Чужая жена слаще, – Иваныч хитро блеснул глазами и добавил: – Да и кому я такой старый нужен?

– Слушай, Иваныч, дело у меня к тебе. Я вот письмо написал, если по пути, занеси на почту.

– Эт че, Петьке? – сосед взял конверт, глянул адрес. – Отпускаешь, что ли? В неметчину?

– Пусть, – ответил дед Григорий, понутив голову. – Взрослый он. Сам решает, как семья его жить будет. А мое дело отцовское – благословить.

– Да ладно, сброшу, – пообещал Иваныч и важно произнес: – Ну, не провожай, пошел я!

– Вот сколько я тебя знаю, сосед, столько дивлюсь на тебя. Росту в тебе метр с кепкой будет, а гонору – на три таких Васильевки хватит, – Григорий Тимофеевич все-таки вышел за ним на крыльцо и, посмотрев на небо, сказал:

– Погода, смотрю, разгулялась малость!

– Эт точно, – согласился с ним Иваныч и, уже дойдя до калитки, вдруг остановился: – А насчет гонору ты не прав!

– Эт почему?

– Потому что его на цельный Барнаул хватит и еще для какой-нибудь Чикаги останется!

– Письмо-то не потеряй.

– Не учи, сами учены! – Иваныч поднял руку, потряс белым конвертом, зажатым в кулаке, и вышел за ограду.

До станции Налобиха, где находилось почтовое отделение, было километров семь. До деревни Полковниково, в которой тоже была почта, идти два километра. Иваныч задумался. В Полковниково можно нарваться на Семёна. Погода стояла хорошая, и он решил пройти пешком до станции.

Насвистывая, он шел по дороге и был уже на мосту через речку Бобровку, когда услышал топот. Оглянулся и увидел такую картину: к мосту бежал здоровый мужик лет пятидесяти в распахнутой фуфайке. Глаза его горели, седые волосы развевались на ветру, лицо перекосила гримаса злости.

– Ой, мамочка! Ешкин кот, Семё-ё-он... – пискнул Иваныч и, попятившись, кинулся бежать. Нога соскользнула с обгорелой доски старого настила. Престарелый герой-любовник, потеряв равновесие, рухнул с моста.

– Семя, спасай! – почему-то басом крикнул Иваныч, камнем опускаясь на дно речушки.

Письмо покачалось на воде, течение закружило его, потом понесло к берегу в заросли ивы.

– Иваныч, ты што по мосту бегать удумал? – воскликнул Семён, помогая соседу вылезти на берег. – Ишь прыгун на длинные дистанции образовался! Ты што, здесь же метров пять высоты – шею сломать захотел? И мелко, воды по поясу!

– По пояс... – передразнил спасителя Иваныч. – Тебе, может, и по пояс, а я по самую кепку вымок!

– Иваныч, я за тобой от самого дома бегу – займи червонец, на самогонку не хватает!

– И все? – Иваныч склонил голову набок и недоверчиво посмотрел на соседа.

– И все, вот те крест! – Семён перекрестился. – С полочки отдам, боюсь!

– Ладно, займу, – пообещал Иваныч, от облегчения даже не вспомнив, что, когда эта полочка будет, одному Богу известно.

– Пошли быстрее, простынешь, – Семён дернул соседа за рукав, – не стой столбом! У меня тут кума рядом живет, зайдем! Выпивку у нее купим, заодно и обсушишься.

Иваныч засеменил через мост, совершенно забыв о поручении соседа.

Григорий Тимофеевич после ухода друга долго стоял на крыльце задумавшись. Потом встряхнулся и с удивлением посмотрел на папироску. Он не помнил, как взял ее в руки. Как открыл пачку, тоже не помнил. Заболела рука, снова появилась тяжесть в груди, стало трудно дышать. Старик несколько раз глубоко вздохнул, но воздух будто не доходил до легких, тут же вырывался назад – со звуками, похожими одновременно и на хрип, и на всхрап.

Он схватился за перила, думая только о том, как добраться до кровати. Взгляд уперся в рядок обуви на ступеньке: несколько пар калош, Серёжины кроссовки, старые кирзовые сапоги. Ему показалось, что крыльцо, увитое вьюном, качается. Пошатнувшись, дед Григорий отлепился от перил и толкнул дверь в избу. Перед глазами появилось лицо жены.

– Настенька... – прошептал Григорий Тимофеевич. – Анастасия Фёдоровна... Даст Бог, скоро свидимся. Задержался я здесь, ты уж прости меня, родная. Все с внуком расстаться не мог. Да за Петрушу переживал. Только нынче вот понял – сами они проживут. Без меня. Сильные они... Наши дети... – Григорий Тимофеевич прошел в избу, присел на кровать. В глазах потемнело. – Настенька... – прошептал старик и повалился на подушки. – Анастасия Фёдоровна...

Он вдруг ощутил невероятную легкость, будто парил в воздухе. Медленно, словно перышко, поднимался над телом. Он видел его – свое тело – откуда-то сверху. Слышал хриплое дыхание, чувствовал нежелание умирать. Его сильное, крепкое старое тело хорошо служило и готово было еще несколько лет прожить, но душа рвалась туда, в небо. И старик не стал противиться этому...

Хоронили Григория Тимофеевича Морозова на следующий день. После похорон, как водится, помянули.

Сын Григория Тимофеевича, крепкий, тридцати пяти лет мужчина, сидел под черемухой за столиком. Тут же на скамье примостился вертлявый Иваныч, напротив на стареньком расшатанном стуле сидел еще один сосед – Виктор Сергеевич Кузовлев.

Пётр утер слезу, успокоился и глубоко вдохнул, стараясь запомнить этот пьянящий аромат летних трав, меда и свежей сдобы – запах родительского дома. Он только сейчас по-настоящему почувствовал, что отца рядом с ним больше не будет, что умер он.

– Хорошо! – Иваныч тоже глубоко вдохнул, угадывая настроение Петруши. – Июль месяц! В разнотравье воздух такой, что пить можно!

– Ты Адельку, Петруш, позови. Она за хлопотами и не поела ничего, с ног уже падает. Да и сам, пожалуй, булочку-то съешь, – предложил Кузовлев, но тут же погрозил длинным узловатым пальцем, – только не всю, чтобы живот не заболел. Бабка Акулина пирогов да плюшек напекла, а у нее сдоба

Художник
Алексей
Иванов

знатная.

– Ой, Сергееч, смотри, прикормит она тебя! – Иваныч хитренько рассмеялся, намекая на долгие вечерние посиделки соседа, которые проходили на крылечке дома местной травницы – шестидесятилетней вдовы. – Акулина-то ведьма известная! Она как своим черным глазом взглянет, так всю душу вывернет.

– О, понесся! Я свое отгулял, – Виктор Сергеевич хохотнул, закурил сигаретку. – Меня больше волнует то, как крыс извести, – сказал он. – Крыс последнее время завелось, шалят в курятнике. Яйца не успею собрать, считай, пропали!

– О, я видел как-то, как крысы яйца воровали!

– Врешь ведь, Иваныч. Для тебя, что ли, специально праздничный показ устраивали? – недоверчиво произнес Кузовлев и подмигнул Петру. Тот улыбнулся в ответ и вдруг, глядя на этих стариков, понял, что быть счастливым, оказывается, так просто. И не зависит это счастье от количества денег, потому что автономно оно. Просто оно есть. Странно было ему от таких вот мыслей в день похорон отца. Метр в Кешке похлопал Петра по плечу, привлекая его внимание.

– И видел! – закричал он, махая руками.

Потом вскочил со скамьи и быстро, будто боялся, что его недослушают, протараторил:

– Крыса, когда яйца ворует, она завсегда с собой напарницу берет!

– От загнул! Эт зачем же помощница нужна?

– А затем, Витя, что одна лапками яйцо возьмет, вот так, – Иваныч поднял руки, будто крест-накрест обхватил круглый предмет, – и на спинку ложится. А напарница, значит, берет ее за хвост и тащит в нору.

– Ох, – Кузовлев всплеснул руками, стукнул ладонями по столешнице и расхохотался. Пётр тоже улыбнулся, представив эту картину.

– Вот ржете, как жеребцы, а сами-то не видали! – крикнул Иваныч, еще больше распаляясь.

– Зачем же за хвост, Иваныч? – уточнил Пётр.

– Так, это, чтоб яйцо, значит, не разбить! Вот Грише бы рассказал, он бы понял! – Иваныч сморщился и заплакал, по-стариковски, не стесняясь слез. – И как же я жить-то без тебя буду! Гришенька, на кого ты нас оставил! Вот с кем теперь по вечерам курить будем?

– Ну, полно... – Пётр помрачнел.

– Нет теперь Григория Тимофеича, – вздохнул Иваныч. – Умер Гриша. А ты в Германию когда переезжать собираешься?

– Не поеду я никуда.

– Ты б поплакал, Петруш, – проговорил Кузовлев, – легче будет.

– Да простил тебя отец, не переживай так. Он, отец-то, тебе письмо написал, благословил, – снова вскочил с места Иваныч. – А я, ешкин кот, в реку его обронил, когда на станцию шел.

Пётр закрыл глаза, чтобы скрыть наворачившиеся слезы. Потом сказал:

– Спасибо, Иваныч, груз с души снял. Больно было, что отец в гневе на меня умер. А я и прощения не попросил. А Германия... Тут мы жить будем, – проговорил Пётр, не зная, что в точности повторяет слова отца, – потому что русские мы.

Он встал, зашел в избу.

Перекрестился, прошел в горницу.

Печка с лежанкой. Диван.

Старенький телевизор.

Кухонный стол. Стол обеденный.

Рукомойник в углу.

За окном – бескрайний огород, за ним – лесок...

– Русские мы, – проговорил Пётр Григорьевич Морозов и наконец заплакал. – Русские...

Художник
Сергей
Погодаев

Когда прилетают скворцы

Записки старого барнаульца

Вячеслав Чиликин¹

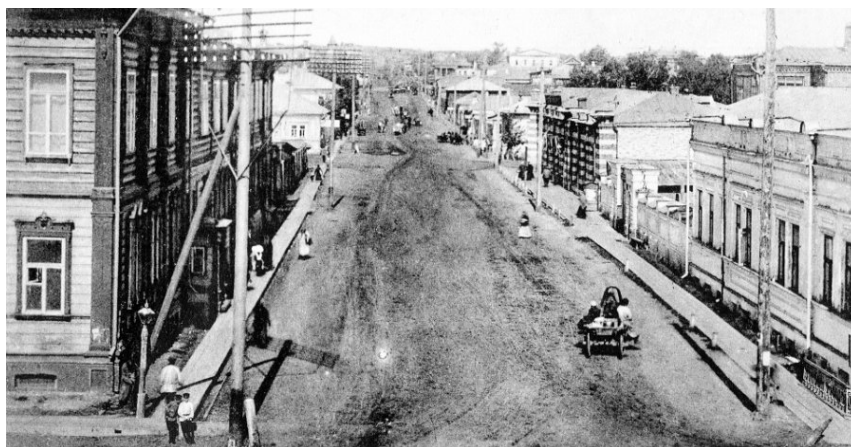
Этот разговор случился вскоре после войны. Прессе понадобилась семья исполинских размеров, чтобы показать, какая уйма избирателей от одного родительского корня пойдет голосовать за кого-то.

Такою семью я отыскал где-то возле Прудских. Дома оказались только дедка и бабка. У деда обширная лысина за макушку, розовая, как темечко у младенца, был он хмуроват и молчун. А бабка – низенькая, сухонькая и очень говорливая, как заведет – успевай слушать.

– Наша-то Третья Алтайская, когда мы здесь строились, самая окраинная была, а дальше, вон там – березняк, сплошь березняк, кустиками до самой степи.

Опираясь на клюшку, она обвела рукой полукружье – ей виделось то, что не виделось мне.

– Бывало, кликнешь – айдате, девки, по веники, – а веники – вот они, за огородом, дотянись и ломай.

¹ Осенью благодаря усилиям целого ряда людей (среди которых отметим члена редакционного совета «Барнаула литературного», главного редактора газеты «Вечерний Барнаул» Михаила Зимогора), вышел в свет 700-страничный том Вячеслава Чиликина. Он называется «Глагол времен», по названию романа, занявшего большую часть книги. Но не менее интересны и рассказы – три из них предлагаем вашему вниманию.

– А там, – машу в сторону Барнаулки, – до того, как застроились улицы, что было? Тоже, небось, березняк?

– А кто его знает, может, и березняк, а может, сосна. Мой дед – не этот, а который по бате, век углежогом прожил, тут, видно, и рыл свои ямы.

Теперь очень жалею, что не расспросил бабушку о деде, жившем ближе к демидовским временам. Упустил такой случай и вот строю догадки: может, Дунькина роща осталась, как оазис, частицей того бора, что рос на месте нашего города, широкой лентой уходя за долгие сотни верст. Который пустили на уголь для завода тогдашние лесорубы и углежогги.

И на моей улице остался оазис – несколько рослых берез. Они сгрудились друг против дружки, как постаревшие странницы, забредшие откуда-то издалека в наш беспокойный век. А одна, широко топыря свои полуголые ветки, подпирала забор возле нашего дома. На ней, вне кошачьего досягания, был прилажен аккуратно сбитый соседским Алёхой-цуканом птичий домишко, одноглазо глядевший на юг. В свой срок к нему спускалась и с лету открывала трескучий галдеж, как мне думалось, одна и та же пара черных, с лиловым отливом скворцов.

С их прилетом и трескотней, казалось, весь мир с какой-то веселой свирепостью, будто боясь опоздать, хватался за привычное суматошное дело: синели и тяжело оседали сугробы, с хрустом дробились, срываясь с карнизов крыши, сизые, в бугристых натеках сосульки. Сапоги с бульканьем проваливались в глубокую воду снежниц, а мы, вполсемьи, знай таскали на широких деревянных лопатах глыбки тяжелого волглого снега и набивали им черное нутро погребя, задышавшее душной гнилью и плесенью.

Остановишься перевести дух, глянешь, как шумной парой, взлетая и снова садясь, колготятся скворцы,хватишь взахлеб глоток влажного холода и вдруг с пронизывающей восторженностью почувствуешь зовущую открытость мира, где сбудется все, о чем бы ты ни мечтал.

Тогда я переживал время встречи детства и ранней юности, жизнь впереди виделась изумительно яркой и бесконечной. Видно, в природе человеческой это: даже повзрослев, в каком-то уголке души таишь частицу того восторженного ребячьего ожидания: вот с весной прилетят скворцы и настанет пора хороших и радостных перемен.

А годы тогда, после долгой братоубийственной свары, были для всех годами успокоения. Люди приходили в себя, и такой желанной казалась хлопотливая домашняя повседневность! Взбадривали подпорками похилившиеся заборы, латали прохудившиеся крыши, строились...

Тепло вспоминаю эти годы (двадцать пятый – двадцать шестой) уже потому, что не висел тогда над головами ни страх голода, ни тот окаянный страх тридцатых годов. Делали свое дело прилежно, сноровисто, несуматошно. Это позднее, в ипподромской гонке за нормами, порастеряли и прилежание, и неизвестно чего.

Обфыркали, как мещанскую моду, интеллигентские галстуки, и их боязливо попрятали по комодам и сундукам. Мещанством и обывательщиной обозвали тягу к домашнему ласковому уюту, вальсирование под гитару, а уж накрашенные ногти и подавно.

Последний раз издали Есенина, а вскоре все есенинское назвали лирикой взбесившихся кобелей. Запретили петь трогательное «Письмо к матери», зато хоть затыкай уши от немзыкального, опять же какого-то ипподромского:

*Эй, все вперед, все вперед, все вперед,
Все мы повторяем без конца сегодня...*

Мещанство, обывательщина... А ведь до чего по-человечески хорошо в заветный часок, отгородившись от всего и от всех, бездельно растянуться на травке, помурлыкать для себя какие-нибудь «Хризантемы», полюбоваться своим домишком, своим двором, своим огородом и растроганно почувствовать, что это твой маленький скромный мирок, твой милый уголок жизни.

А в субботу сходить по стародавнему обычаю в баньку. Лучше в свою, а не в торговую,

которую еще в начале века построил предприимчивый Наум Григорьевич Пильч. Это та, что на Никитинской, возле Оби. Вроде бы все в ней к услугам для банной утехы – и парная, и номера, и всякие разные причиндалы, да куда ей до собственной баньки, по-белому ли, по-черному ли, неказистой, чумазой, поставленной где-нибудь на задворках, на огороде... Нет того райского ада, когда измаянный до обалдения обволакивающей тебя влажной жарой, исхлестанный, как грешник, жгучим березовым веником, растянешься на теплом и скользком полке и будто в зыбком полусне почувствуешь, как играют от банной радости каждая твоя жилка, каждый суставчик. И одна у тебя только думка – о полном ковше прохладного, кислого, кипящего мелкими быстрыми пузырьками своедельского кваса.

В бане выпаривали и выхлестывали простудные хвори, вправляли грыжу, разминали «хрущи», чтобы не разламывало поясницу...

С бани начиналась семья.

В ближайшем округе давным-давно знали, что соседскую Настю чуть ли не в три шеи вытупивает за горбатенького сапожника ее отец Сазон Лаврентьич, строгий, тяжелый на руку, рыжебородый кержак. Охочее до событий бабье, вразвалку расположившись на травке и ищась в головах, только о том и судачило. Мол, и приданое в длинном конопляном мешке скарედный Сазон проверил в который уж раз, не стянула ли под шумок вороватая Настя лишнюю ложку; и пиво уже заварил в глиняной двухведерной корчаге.

Заварить-то он заварил, да, видно, перестарался, и поздней ночью как пушка бабахнула, и дико взвыл четырехлетний Терёшка, мотая темно-красной, словно облитой суриком головой.

Я и сейчас диву даюсь, каким чудом сумела заговорить кровь мудрая старая колдунья Анисьюшка. А для соседских баб это не в диво: первый раз, што ль, Анисьюшке заговаривать кровь – руду, на глазах запекается под ее колдовской шепоток. У нее, лысой шептуньи, и домовой, и леший в дружках.

А вот когда затопили баню на невестином огороде и празднично шумно стало на дворе хмурого кержака, тут-то и заездили соседки, и припали к ветловым плетням, опутанным длинными змейками дикорастущего хмеля.

– Счас, бабоньки, Настю-невесту в баню провожать будут!

Надолго потом хватит судов-пересудов, все приметят, каждый невестин шаг, да и напридумывают с три короба всякой всячины.

Настя шла с кучкой подружек, долговязая, мужиковатая, в сарафане с цветочками, и помахивала узелком с исподним, как базарной кошелкой. А подружки, радостно возбужденные, видно, малость хлебнувшие, приплясывая, задавали такого развеселого песняка!

Смущенно хихикающую Настю, нарочно упирающуюся, под хохоток пихнули в черный лаз бани, наполовину вкопанной в землю, и сами за ней девчонками-баловницами – прыг-скок! Было их пять или шесть, и как только уместились в такой теснотище! Уже не дым, а густой пар тучей валит из черного лаза, и одна за другой голышами выныривали разморенные жаром подружки хватить огородной прохлады. Отдышитесь, оклемаются – и шесть в парную подземную духоту.

Венчали молодых в кержацкой церкви, которую еле-еле сломали, когда

вели трамвайный путь в нагорную часть. Староверы знать тогда не хотели электричества. Служба шла при свечах, в полумраке, переходящем в сплошной мрак. Под молитвенные распевы таинственно двигались тени из приалтарных углов. Можно вообразить, что это божьи угодники сошли со старинных икон и бесслотно явились, чтобы благословить крепких в праведной вере или призвать к покаянию перед Страшным судом.

Но венчали при свете, при солнце, и был яростный столб незаметных пылинок перед ликом Христа. Горбатенький жених, ростом в пол-Насти, стоял полоротый от растерянности, и невеста охально пихала его в бок кулаком, чтобы запахнул рот. Уже было ясно, кому над кем суждено верховодить.

Баня крепко держала тепло в своих прокопченных стенах, и утром лишь с малой подтопкой выгонял Сазон Лаврентьевич муторный хмель из чугунной головы.

И еще одному нужному делу служила баня – в ней катали пимы. Это в столицах в крещенские холода ботиночками да штиблетиками поскрипывали, а Сибирь есть Сибирь. С первым снежком, схваченным первым морозцем, весь наш город обряжался в пимы, от школяра до важной чиновной персоны.

Пимокаты были всегда в чести и уважении. А если холостые ребята, то завиднее и желаннее женихов не сыскать. Вот дружной стайкой прогуливаются девчонки, гармонист, потряхивая удалым чубом, во всю ширь мехов наяривает развеселую, и под лихой перебор взвизывает девичий намекающий голосок:

*Кто-то рядышком гуляет,
А со мной знаетса,
Кто-то пимики катает,
Кто-то наживаетса.*

А парень с жилистыми руками, черненными въедливой кислотой, шагает себе вразвалочку и довольно ухмыляется – знаем, мол, в чей огород камушки.

Когда-то в городе добром поминали солидные пимокатные заведения Бухалова и Полякова, и все же считалось, что банный заказной пим – всем пимам пим. У банного пимоката совесть не глиняная:

– Разве ж я намешаю в овечью шерсть коровятины, как тогда погляжу в глаза знамому человеку?

И соткровенничает:

– Разве что на базар...

Случалось, делали расписные пимы – белые, с красными затейливыми узорами. Молодым они не поглянулись, зато щеголей-стариков доводилось встречать. Можно подумать: стар-стар, а тщеславия сколько-то есть, на самого не посмотрят, так хоть на пимы. Вот ты и личность!

Редкий пим держался до весенних сапог, пронашивался и шел на подшивку. А подшитые носили по несколько зим.

Большим искусником-подшивальщиком толстенных пудовых подошв был тот самый Алёха-цукан, мужичок тихий и трезвый. Он и драгву сучит со свиной щетинкой, и варом ее надраит, не жалея ни вару, ни пальцев, а их всего три на руке: пострадал на Японской. Кивая на недочет пальцев, нигде не работал, а пробавлялся вот такой мелочишкой: кому пимы подошьет, кому еще что-то. И то сперва застенчиво покобенится – мол, не разорваться же мне, зато уж сделает так сделает, только языком прищелкнешь.

А жил со своей женой Василисой, ужасной заикой, в баньке у наших соседей (и такому доброму делу на крайний случай служила русская баня!), считал ее за избу и был ею совершенно доволен.

– Поди, в крещенские холодно в баньке-то, а, сосед?

– Ницего, парцу поддадим (парку поддадим) – хоц рубаху скидай. – А на тощий животик добавит:

– Лутце голодом, да в цепле (тепле).

Так мало-помалу и напарил со своей Василисой кучу ребятя.

Беспечный, занятный ты чудачина, Алёха, если бы ты знал, как позавидовали бы тебе наши нынешние бомжи! В те давние времена тоже всякого жита было по лопате: бродяг, бездомных воришек, бесприютных уличных потаскух. Но чтобы в ледяную зимнюю ночь кто-то оставался без крова – до такого не доходило. Были ночлежки и в начале века – на улице Льва

Толстого, и в двадцатые годы – на Подгорной (Мамонтова). Заходи, занимай свободный топчан, бедолага, и коротай ночь в тепле. А нынче вытурят в шею с вокзала – отвали, где хошь, там и ночуй, твои проблемы, шпана! Что ж теперь делать людям горькой судьбы, где приклонить голову, не важно, путевую или непутевую. Человеческую, вот, что важно, прежде всего!

«Возлюби ближнего своего, как самого себя» – эти слова были сказаны две тысячи лет назад.

Возлюбили...

...Береза, что приветливо встречала скворцов возле моего дома, была, наверное, очень старой. Она сникла и обезлиствела как-то разом. И штриховые черные прочерки, которые раньше не замечались, зримо проступили, как гангренозные пятна, на безжизненной белизне.

И скворцы не вернулись в свой годами обжитый домик. Может, погибли в дальней дороге, а может, была у них своя птичья примета, что селиться рядом со смертью не к добру, и присмотрели себе где-то другое местечко.

Когда-то и я с молодой бесшабашностью помахал рукой тем местам, где под мартовский хруст сосуллек и скворчиную трескотню повстречались, чтобы расстаться, мое детство и ранняя юность. Мой нынешний двор никакой он не мой, ничей он. Его обступили мрачные каменные громадины, прокоптели бензиновой гарью стада рычащих машин, и нечего здесь делать весенним скворцам. Иной раз представишь, будто кто-то, черкнув ногтем по толстой колоде календаря, в момент пролистал его весь. И второй, и третий, и восьмидесятый...

Я уже подошел к той неизбежной черте, когда нельзя поручиться за свой завтрашний день.

И Россия подошла – не знаю, к какой черте, только больно ей, горько и тошно от бестолочи реформ и какого-то дубового бездушия мельтешащих в верхах реформаторов.

А тут еще эта осенняя нудная морось и беспросветность. Обиженно, ржавым горловым криком кричит ворона возле помойки, раньше ее обобранной человеком.

Говорят, вороны накаркивают беду.

И все же, наперекор всему, не веря собственному навязчивому неверию, я жду, когда прилетят скворцы.

Соборная площадь

Новый день начинался с креста на высокой маковке собора святых апостолов Петра и Павла. Он долго чернел среди звезд над сумрачным городом, будто сторожа спокойные сны барнаульцев. Но бледнели звезды, и крест светлел, золотился. Свежая зорька, набирая силу, малиновыми ручьями сбегала по ярусам колокольни, а навстречу ей медленно двигалась серая тень, это звонарь в долгополой рясе карабкался по крутым лесенкам в свои поднебесные владения.

Он шугал из-под колоколов полчища голубей, и они с гульканьем выпархивали в зорьку, кружились, трепыхались, ало вспыхивая.

Все ярче, пунцовее разгорался крест и вдруг слепяще, солнечно золотел.

– Бом-м! – густо, медным рокочущим басом оповещал самый большой колокол о том, что ночь не вечна, что ушли ее тени и начинается новый день.

Собор святых апостолов Петра и Павла был самым старым храмом города, древними были его иконы и настенные росписи. Они запомнились мне потемневшими от времени ликами – проникновенно и милосердно заглядывали в душу.

Храм был обнесен белокаменной мощной стеной, а со стороны алтаря высились чугунные пики решетчатой изгороди. Сквозь них виднелось несколько старых могил, заросших бурьяном. Земля просела, ржавчина изъела кресты, опутанные многолетней паутиной. Здесь нашли покой светила духовенства, но, кажется, и кто-то из светской знати. Говорили, что тут был захоронен и Ползунов, только едва ли. Слава пришла к Ползунову много позднее.

С трех сторон к собору прилежала раздольная площадь, не мощеная, но утоптанная до травинки. Она как бы сливалась с ним, с его широкозубыми стенами и с колокольней. Величие чувствовалось в самом названии – Соборная площадь. А ведь слово это, «соборная», вбирает в себя глубокий смысл: собор – храм, собор – собрание.

С первым ударом колокола площадь оживала. Появлялись первые прохожие, мужички на подводах, выбравшись из-под дерюг, широко крестились на церковь, умывались в сторонке, поливая на руки из кувшинчика и плеская с ладони в заспанное лицо. Утершись подолом рубахи, усаживались завтракать печеными яйцами, побуревшим за зиму салом.

Это приезжие, ближние и дальние торговые гости масляного базара, которым негде было приткнуться на ночь, вот они тут и заночевали, напротив караульной избы.

Базар облюбовал себе место там, где сейчас сквер. Споры нет, он хорош своей кустистой зеленью и радужным переливом фонтана, но мне почему-то больше по душе та давняя веселая ярмарочная сутолока. Здесь торговали маслом. Каким угодно и сколько угодно: коровьим, подсолнечным, конопляным, рыжиковым, льняным... Было даже маковое, и тут же – маковый жмых, та самая, некрасовская «сбоина макова больно лакома». Продавали со столов, с возов, с рогожек, расстеленных по земле.

Бабы с корзинками и кошелками неспешно, будто делать им нечего, ходят между возами и столами, от масла к маслу, пробуют на вкус щепочками, нюхиваются. Конопляное масло в самый раз к разварной горячей картошечке: усеешь ее колечками лука, притрусишь мелкой солью да щедро позеленишь из бутылочки – знатное блюдо!

А вот подсолнечное в широкогорлых жбанчиках и бутылках. Мужик поднимает бутылку, целя в воронку, и оно тяжело и упруго колыхнется. Тут уж чувствуешь хруст жареной картошки, а то почудятся караси, подрумяненные на чугунной сковородке.

А вот и льняное. К нему надо иметь вкус, но кто его распробует, не пройдет равнодушно мимо, хоть немножечко, да возьмет.

Маковое – для кондитеров и пекарей. Теперь мы и понятия о нем не имеем. А в то время маковые посевы можно было видеть там и тут на огородах. Ни у кого и в мыслях не было накачаться маковой дурью, разве что какая-нибудь молодая мамаша слупа подсунет колготному младенчику отвар маковых головок, чтобы крепче и дольше поспал.

Видно, далеко разносился запах вкуснейшего алтайского масла, если даже в Европе его унюхали. Зачастили к нам тамошние купцы с тугими кошелями. Датское экспортное общество ради нашего маслица даже контору открыло на углу Третьей Луговой.

Масляный базар начал быстро скудеть в войну, в четырнадцатом году, а потом и вовсе все пошло вверх тормашками.

Много всякого перевидала Соборная площадь на своем долгом веку.

В декабрьский морозный день девятнадцатого года на нее выкатили трехдюймовые орудия и навели их поверх города в сторону лесного монастыря. В городе знали, что будут учебные стрельбы, в ближних домах заклеили окна бумажными полосами, мальчишки веселились, глядя на солдат в потрепанных шинелях, на голубых улан, гарцующих с напуском щегольством.

И только когда со стороны леса затараторили пулеметы и одна за другой

ухнули трехдюймовки, голубые уланы, пришпорив коней, кинулись разгонять базар и барахолку.

Вовсе не учебной была эта стрельба, город оказался в осаде. С высокой колокольни в сильный бинокль было видно, как со стороны Власихи по Булыгиной заимке, по льду Барнаулки двигалась серая масса. Она то густилась, то растекалась, и, когда снаряд попадал в гущину, разом редела.

Это был партизанский полк «Красные орлы», наступавший на Барнаул. Брели приступом монастырь, за крутыми стенами которого укрывались солдаты, оборонявшие город. Подсаживая друг друга, цепляясь негнушными на стуже пальцами за морозные кирпичи, перемахивали стену, со штыками и вилинами набрасывались на солдат, а те отбивались отчаянно и безнадежно. У гражданской войны нет законов, поднимай не поднимай руки – один конец.

Свирепо, нещадно русские мужики убивали русских же мужиков.

К вечеру пальба улеглась. Солдаты оставляли город. Казался бесконечным скрип полозьев по Бийской, теперь Никитинской, улице, через снежную Обь.

А утром со стороны Горы с гиканьем и свистом ввалилась на площадь лавина бекеш, полушубков, фуфаяк...

Партизаны митинговали. А городских собралось немного. Запуганные передрыгами со стрельбой и кровью, люди отсиживались по домам...

Я достоверно знаю случай, о котором ни в чьих воспоминаниях не говорится. Неподалеку от площади, на Пушкинской улице, жил смахивающий одеждой и волосами не то на псаломщика, не то на дьячка полуэсер-полутолстовец, вылетела из памяти его фамилия. Он был не в меру словоохотлив и при первой возможности встревал в разговор со своими идеями. Вот и теперь нелегкая вынесла его на трибуну. Перед запрудившей полплощади толпой, распаленной азартом убийства, его дернуло держать речь о братстве и милосердии, за что он тут же и получил пулю в затылок.

В город входила новая жизнь.

Был день, когда город ринулся на площадь, никем не званный. Шли, бежали, неслись вприпрыжку, трюхали немощной стариковской походкой. Спешили жены, невесты, детишки, с нетерпением ждущие с войны своих солдат, вдовы, старики, которым некого уже было ждать.

Этот день – девятое мая сорок пятого года. Раннее солнце играло пасхальной игрой, остро и терпко пахло зазеленевшими тополями.

Площадь, набитая битком, неистово бурлила и колыхалась. Без привычных знамен и плакатов – к чему они настужеж распахнутым душам? Все смотрели на пустую трибуну, ждали, чтобы кто-нибудь что-то сказал – хорошее, радостное, в лад огромному празднику.

Мне, тогда редактору Барнаульского радио, довелось в то утро на одном дыхании писать речь первому секретарю горкома Сосницкому. И вот он, крупный, осанистый, в строгой военной форме, уже на трибуне. А возле трибуны кое-как, наспех одетые, пожарно свезенные с квартир трубачи.

Все было бы ладно, но Сосницкий дал маху. Не делать бы ему паузу в том месте, где упоминалось о павших в боях, не давать знак музыкантам, чтобы зазвучал траурный марш.

С первыми скорбными звуками площадь заплакала. Площадь могла забиться в истерику. И оркестр оборвал музыку на полуноте.

А потом, уже в своем кабинете, Сосницкий дал волю воображению. Он ходил и вдохновенно жестикулировал:

– Выкатить на площадь и улицы бочки с вином и пивом! По старому русскому обычаю. Пусть народ пьет и радуется. День-то какой!

Но его в момент остудил директор торго Дранишников сухим деловым вопросом:

– А где взять лимиты?

Но и без вина город весело бушевал. Это было особенное веселье, особенное чувство. И вздох облегчения, словно свалили с плеч невероятную тяжесть: наконец-то! Теперь отдохнем, теперь заживем!

...Не знаю, может, это только для меня так, но сегодня Соборная площадь кажется скучной при всем многоцветии вечно спешащих машин. Но остановлюсь, уйду в воспоминания и вижу, как солнечно золотится крест на соборе, слышу, как мощно гудит самый большой колокол:

– Бом-м! С добрым утром, с новым хорошим днем!

Боже мой, как мы все стосковались по хорошему дню...

Порт-Артур над Обью

Запомнились берущие за душу строки прочитанного когда-то стихотворения:

*По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.*

*Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне...*

Не найти... Но почему с такой колдовской силой тянут к себе эти вдоль и поперек исхоженные места, улицы давнего детства? Не побываешь – во сне приснятся. И со смешанным чувством какой-то радостной грусти идешь на встречу со своим прошлым, с тем Барнаулом, который уже ушел и который уходит обреченно, неотвратимо.

Улица Старо-Береговая очертила город по-над Обью, отступив на квартал от прибрежного крутояра. Была она когда-то светлая и зеленая от берез и сплошь покрывшей ее муравы, в накрапах веселого клеверка, а теперь пасмурнела, будто чем-то обиженная. Время сгладило овражки и буторки. Уже нет тех берез – одни отжили свое время, другим помогли отжить, свалив на дрова. А муравчатые поляны еще в войну перекопали под картошку, с тех пор и лезет из плешивой земли что-то невзрачное, мусорное.

Черные решетки железных мачт с толстыми проводами, шагнувших прямо по огородам, жестко перечеркнули небо, где вольготно было взвиваться моим воздушным змейкам. Знакомые с детства домишки совсем обветшали, кажутся меньше, приземистей и глядят угрюмо, по-стариковски из-под низко надвинутых крыш. Словно видят тот день, когда раскатают их по бревнышкам под чьи-то форсисые особняки. Вон их сколько уже позатесалось в кварталы!

Каменные многоэтажные громадины, как бы ни изощрялись их создатели, безлики, невыразительны, а эти – глядят. Они удивительно схожи с людьми, и простенький переплет оконных рам похож на православный крест.

Мир вам, крещеные русские избы!

Как перед святыней, остановишься перед каким-нибудь ветхим домишкой и стоишь как

вкопанный, вспоминая давние милые мелочи. В эти особенные минуты душой прикасаешься к прошлому, видишь и чувствуешь даже то, чего уже нет.

Квартал, поворот к Оби, и вот я над крутояром, почти отвесным. Сухая жесткая глина закаменела, но местами ветвятся по ней сизые тоненькие вьюнки. Надо же быть настолько жизнелюбивыми, что и мертвая глина им нипочем! Живут ведь и цветут нежными зоревыми цветочками.

Вьюнки живут, а от поселка на широком и длинном уступе над Обью и следа уже не осталось. Многие о нем и слыхом не слыхивали, а ведь такой известный был поселок, и назывался он знаменито – Порт-Артур. Был и другой, немного южнее, очень похожий и тоже с претензией названный Сахалином.

Точно не знаю, но говорили, будто застраиваться эти поселки начали в Русско-японскую войну, с легкой руки какого-то солдата, прошагавшего долгие горькие версты по сопкам Маньчжурии. В ту пору слова «Порт-Артур» и «Сахалин» были у многих на языке, вот и прикипели к этим селеньям.

Однако ж, думается, все дело тут в географии: восточная грань города, а Обь в половодье раскинется – что твое море.

Селились тут, скорее всего, потому, что место в городе просто так не дадут, – ходи, хлопочи, плати за то, за другое, за третье... А здешняя земля у городского начальника в планах не обозначена, ничья она, Божья земля. Выбирай, где приткнуться, и стройся, как вздумалось. И никакой тебе платы.

Хотя наша квартальная старостиха, финотдельская верноподданная, серьезная дама с усиками и брезентовым портфелем под мышкой, не раз останавливалась над Порт-Артуром, недобро жмурилась на далекие горбки крыш, но глянет на кручу – и только рукой отмахнется: а ну их!

В Сахалине я был всего один раз, зимой, дрожа поджилками, спускался по обледенелым, ленивой рукой выдолбленным ступеням и диву давался, как сюда сахалинцы спускаются в осенних мокрых потьмах, по осклизлой глине, плывущей под башмаками.

Порт-Артур был мне ближе, знакомей. На широком уступе, косо спускавшемся к берегу, пестрой стайкой гнездились дворов двадцать-тридцать, и во всем виделось что-то цыганское, таборное. Рубленых, ладных домов – раз-два и обчелся, все больше дощатые насыпнушки, иные сколочены бог весть из чего: деревянная тара с уцелевшим на ней дегтярным полусловом, кусок паровой обшивы, какая-то ржавая железяка – все пошло в дело.

У редкого двора не сушились развешанные по кольям невода, а на длинных

шпагагинах под застрехами вялилась, белея мелкой сольцой, разная рыба мелюзга – чебачки, окуньки... Проходишь мимо – слюнки глотаешь.

Здесь раньше, чем где-либо, вечерело. Еще горят закатным слепающим светом и река за песчаной косой, и заобье, а под горой уже сумеречно и сонно, и, злая к ночи, занудно зююкают комары.

Зато утро разгоралось в две зари и в два солнца, сверху и снизу, река будто поживалась от рассветного холодка, ходила мелкой лучистой рябью. И, поживаясь, позевывая, в одних подштаниках, спускались к берегу порт-артурские мужички – ополоснуться, согнать сон, пока бабы раскочегаривали самовары и что-то готовили на костерках.

Рано просыпался Порт-Артур – когда, прочищая спросонья голоса, хрипло переключались утки в заречных луговых заводях и, выныривая из глубины, тяжело бултыхались рыбы.

Жили тут рыбаки, грузчики с пристанских складов, люди вольного промысла. Жил и один интеллигент, так, по крайней мере, его называли, часовой мастер Ванечка Долженков. Парень он был видный, девичья присуха, за то и доставалось ему от обойденных вниманием свиристелок под уличную гармошку:

*Видать Ванечку Долженкова,
Что он не ротозей,
Променял он Таньку Тюркину
На пару голубей.*

А Ванечка от этих ехидин ни жарко ни холодно. Вскарabкается на крышу, шуганет своих мохноногих да красношальных – и доволен: ишь как выплывают круг за кругом – и в небе, и, размыто, чуть вздрагивая, в воде.

Впрочем, я мало его знал.

И пролубдика, забыл уж, как его звали-величали, тоже знал так себе. Это был крепкий поджарый дедок с тонкой жилистой шеей и сивой шапкой молодецких волос. И бабенка у него вся в муженька – жилистая, задубелая, ходила в широкой замызганной юбке и вечно квохтала как кура-наседка. Кажется, она поторговывала на базаре семечками, мельничным бусом, а чем занимался дедок – не понятно, скорее всего, ничем. Просто так коротал летние ласковые деньки. Как ни посмотришь – сидит возле своей глиняной мазанки, дымит козью ножку с махрой, а то бродит туда-сюда, босой, без рубахи, и вроде доволен судьбой: жив-здоров, ну и слава те, осподи.

Это – летом. А зимой его не узнать: верткий, торопкий и при деле – мороз ли, пурга ли, а он в драном, залатанном кожухе и собачьем треухе, с длинной тяжелой пешней вслепую нашаривает в черных потемках тропку к реке. Еще издали, втянув носом каленый воздух, угадывает, что его проруби за ночь крепко взялись льдом. А люди вот-вот потянутся с ведрами. «Бац-дринь!» – обкальвает он бугристую круговину и, ловко поддев пешней, выпихивает на закраину льдину за льдиной.

Две проруби содержит дедок, одна, вверх по течению, для питья, а та, что пониже вытянулась длинным корытом, – для постирушек. Возле нее, на скользком сизоватом льду, целыми днями лепятся бабы, все толсто укутаны, у всех плетеные корзины с бельишком и просто тряпьем. Присядут

на корточки, чем-то напоминая больших нахохлившихся птиц, и – бултых то-другое в черную зимнюю воду.

Над прорубью ходит клубами сырой и колючий туман, красные руки дымятся, кажется, очень им больно, но вон как крепко скручивают они, пока не схватило морозом, тугие жгуты. Больно будет им после, когда уродливо скрючит ревматизмом, а пока об этом и заботушки нет.

Последний раз я видел пролубщика летним вечером, на закате. Он стоял, сутулясь, на отмели с двумя удочками в руках, по пояс в солнце, а ниже – в тени, и знай потягивал рыбку за рыбкой. А бабка в вечерних сумерках уже налаживала костерок: кучкой сгребла сушнячок, воткнула по бокам две рогульки, ждет старика. Вот прилепает он с живым трепещущим ожерельем, длинной петлей перекинутым через шею, и не успеет выдымить козью ножку махры на комаров, как забулькает уха в котелке. Умнет он с ней добрых полковриги и завалится на боковую непробудно до утренней зорьки.

Беда накатила неожиданно в тридцатые годы. Ожил, угрожая обвалом, веками незбылемо громоздившийся крутояр. В момент Порт-Артур мог стать большой братской могилой. Власти потребовали быстро всем переселиться, сказали – куда. Но как примагнитила к себе Обь здешний народец. И перебрались – кто в копай-город у пристани, кто под Турину гору – опять же возле реки.

Не знаю, как Ванечка-интеллигент, а пролубщик окончил свои дни в копай-городе, не пожилось ему, сердяге, на новом месте.

Не стало Порт-Артура, не стало и Сахалина. Скажешь кому – удивятся, что были такие.

Человек опешил и отступил перед своеволием каких-то неразгаданных сил. Раз за разом рушилось под обрыв старое кладбище вместе с теми, кто нашел здесь покой и два века назад, и при мне. И уже не было церкви Иоанна Предтечи, чтобы еще раз проводить их в неведомый путь зауспокойным перезвоном колоколов.

Время удивляло внезапностью перемен. Откуда ни возьмись, появился остров неподалеку от пристани, и деревья на нем вымахали капитально. А ведь где-то здесь, на вольном и свежем плесе, в двадцать третьем году случилось такое, о чем и теперь нелегко вспоминать.

По случаю первомайского праздника кому-то вздумалось покатать ребятшек на пароходе. Набилось их видимо-невидимо на верхнюю палубу, шумно барахтались, наваливались на перила, и перила не выдержали.

Вместе со мной в первом классе (тогда классы назывались группами) учился Серёжа Нешатаев, смуглый коротышка. После той ледяной купели он говорил хриплым сорванным голосом. Наша учительница Валентина Ивановна зачем-то попросила его рассказать классу, как он тонул. Теперь понимаю – не надо было этого делать. Мальчонка, стоя за партой, через каждое слово всхлипывал, размазывал слезы ладошкой, его трясло.

Об этой беде и напомнил мне невесть откуда взявшийся остров. Объясняли, будто его намыла Барнаулка после того, как спустили Демидовский пруд. Но Барнаулка текла здесь тысячи лет и ничего не намывала, а тут вдруг взяла и намыла – это как понимать?

А остров был бы хорош, если бы не натащили сюда всякой дряни разгульные весельчаки.

До чего же не умеем мы беречь красоту! Где заобские тальниковые дебри с черемухой, черной смородиной, дикой малиной и ежевикой, с хмельными запахами всей этой роскоши, от которых тепло и терпко становилось во рту, с гудом пчел и шмелей, поблескивающих золотинками на солнцепеке. А Обь! Та же она – и не та же. В ту окунешь с лодки ржаной кусок и упишываешь за обе щеки. А в эту – попробуй окуни, съешь...

И все же...

Как когда-то, в две зари и в два солнца разгорается утро над Обью, хриплыми голосами спросонья перекликаются утки в стоячих луговых заводях. И какой-то белоголовый дедок, похожий на пролубщика, выбравшись из потной избяной духоты, поживаясь и позевывая, как те порт-артурские мужички, хлипкой стариковской походкой спускается на песчаную отмель – хватить рассветного холодка. Словно слабое эхо отозвалось из далекого прошлого.

Мне почему-то жаль укромного, немного безалаберного Порт-Артура, ушедшего в небытие.

Поэзия Надежды Гикал: безупречный порядок слов и звуков

Сергей Мансков

Сегодня Россия переживает период активного увлечения восточным литературным лаконизмом. Многочисленные версификаторы пытаются писать в жанре хокку, хайфу, танку, бусоку-секи-таи, рубаи, стремясь соблюдать формальные признаки (количество строк, слогов). Некоторые дорастают до протестичного параллелизма природы и мира человека. Очень немногим удается сформировать вертикаль, характерную для иероглифического письма Японии и Китая.

Поэтессе из Сергиева Посада, генетически связанной корнями с Алтаем, Надежде Гикал удается все вышесказанное. Она – автор пяти сборников хайку и танка. В ее очень небольших по объему текстах (их уже написано несколько тысяч!), как распрямленная пружина, запускается механизм диалога культур. Восточные традиции не только прорастают на русской почве, но и проходят органическую трансформацию, когда мир природы и мир человека из двух часто полярных структур превращаются в один целостный:

*«Неспешно живу –
Остатки последних дней
Боюсь расплескать...».*

Традиционное для хайку многоточие выводит на уровень огромного всеобъемлющего космоса. Практически отсутствуют «национальные сигналы», но за семью словами стихотворения – ряд многочисленных культурных кодов, которые выходят далеко за национальную систему ценностей. Здесь и мифологема «чаша жизни», и «скудельный сосуд», и «моление о чаше» – те «архетипические арматуры», на которых держится культура планеты. Два эпитеты не отличаются изысканностью. При этом в них – зафиксированное вечное движение жизни.

Мир, созданный Надеждой Гикал, зрим и осязаем. Внутренне зрение не только перемещает в пространство души,

в прошлое, но и дает четкую визуальную картинку:

*«Рассыпались по траве
солнечные зайчики –
искорки погасшего детства...».*
*«Тянется к горизонту
вечерняя тень моя –
мания величия...».*

Суггестивная функция стихотворения здесь выражена в полной мере. Восточные миниатюры Надежды Гикал могут стать началом полноценной медитации. Несколько уровней смысла, зашифрованных, казалось бы, в простых коротких текстах превращаются в предмет долгого размышления.

Поэт не имеет пола – он становится космическим Демиургом, наблюдающим за Бытием с некоторого расстояния. Отсюда во многом и безупречный вкус автора. Столь опасные для этого жанра банальность и примитивность крайне редко проникают в художественную систему. Лаконизм и простота обусловлены безупречным порядком слов и звуков.

ЛЮБУЯСЬ СОВЕРШЕНСТВОМ МИРА

Слагаю хайку –
в горсточку строчек
коротких
собираю жизнь...

Неспешно живу –
Остатки последних дней
Боюсь расплескать...

Рассыпались по траве
солнечные зайчики –
искорки погасшего детства...

Тянется к горизонту
вечерняя тень моя –
мания величия...

Я затихаю
в твоих объятьях нежных,
не улетаю –
не покидаю рая,
хоть вырастают крылья...

Луна в окошке,
от сладких благовоний
дымок курится –
гармонией созвучий
строка на лист ложится...

Слежу за птицей
иль бабочки круженьем –
и в каждом миге
я совершенством мира
любуюсь с изумленьем...

В мой сад весенний,
где птицы счастья реют,
звезда спустилась –
небесный свет зажег там
любви светильник вечный...

Грусть утоляю
я музыкой Китаро –
в плену созвучий,
как в чашечке пиона,
душа остаться хочет...

Такая нежность
из глаз твоих струится –
вмиг забываю
все глупые обиды,
терзавшие мне сердце...

Украдкой, ночью,
встретились нынче в саду
лишь на мгновенье –
одной росинкой, милый,
не утолить мне жажды...

Стареет вишня,
но вешний цвет, как прежде,
очарованьем
и красотой своею
пленяет взор и сердце...

Зачем уторно
стремиться к новой встрече?
– чужими стали:
весну вернуть не может
один цветок осенний...

Иду с улыбкой
навстречу хмурым лицам –
светлеют взгляды...
Так песня робкой птички
день наполняет солнцем...

Не бойся, милый,
совсем я не исчезну:
цветком весенним
иль скромной дикой мятой
с тобою рядом буду...

Сады отцвели,
только старая вишня
вся в белом стоит –
нет, не повторить уже
мне ее совершенство...

Я вязю дивной
лист покрываю белый,
вплетаю душу.
Быть может, кто услышит
мое сердцебиенье,
когда затихнет голос...

Луна устала
одна бродить по небу –
мы сядем рядом
на краешке вселенной,
и помолчим о вечном...

В смертельной схватке
сцепились лев и буйвол –
седые грифы
спокойно и надменно
своей добычи ждали...

Владимир Коровников
Художник Лариса Пастушкова

Берегитесь странных личностей

Между прочим, если человек однажды войдет во вкус этого своеобразного развлечения, он уже не отвыкнет от него до конца своих дней. Это самое увлекательное в мире занятие, не исключая любви.

Р. Киплинг. «Саис мисс Йол»

– Почему вы уезжаете отсюда ночью, сэр? Разве здесь было плохо?

– Здесь было замечательно. Возможно, это был лучший день во всей моей жизни. Но, видите ли, сэр, у меня очень мало времени. Мне придется покинуть Тай совсем скоро. Все было прекрасно, тем более я впервые в жизни оказался на море. Смотреть на волны с борта корабля. Нет ничего лучше, чем острова в море. Сидеть на пирсе и смотреть на закат. Но мне необходимо побывать в храмах. Я могу не успеть. И тогда, возможно, моя жизнь потеряет смысл.

– О, это очень важно, – так ответил таксист. – Если вы говорите о храме Изумрудного Будды, рекомендую приехать туда как можно раньше утром – иначе будет слишком много народа. А как давно вы в Тае? Откуда вы приехали? Наверное, у нас очень жарко? Не слишком ли острая наша кухня? Обычные вопросы, да? Понимаете, мне нужно разговаривать – иначе я могу уснуть за рулем, а мы все еще очень далеко от Бангкока.

«Еще один странный фаранг, и вроде даже и не пьян. Или пьян? Впрочем, какая разница? Надеюсь, его отель найдется быстро и не придется петлять по всему Бэнг Кхун Тюан», – так думал таксист. Впрочем, что на самом деле думал водитель, отключивший счетчик сразу после заката, а теперь гнавший свою машину из Паттайя в Бангкок по пустынной ночной магистрали, неизвестно никому.

* * *

На следующий день тот же фаранг брел вдоль проспекта на Раттанакоин. Послеполуденное солнце жгло нещадно, и люди на остановке автобуса выстроились в линию в узкой тени ближайшего дерева. Тень перемещалась вместе с солнцем, а люди незаметно переступали вместе с тенью, постоянно оставаясь в ее узкой полоске. Чужестранец забыл, что нужно всегда прятаться от солнца – он был оглушен пережитым и шагал куда глядели глаза, пытаясь осмыслить все, что он увидел сегодня. Он провел всю первую половину дня в двух больших храмовых комплексах. Отдельные фрагменты вспыхивали и угасали, оставляя яркие картины, которые тут же сменялись другими. Мысль цеплялась за мелкие детали, старательно обходя важные. Множество загадок и ответов оставались для неизвестного будущего. Фаранг не решался думать о важных вещах на ходу.

В храме было прохладно и очень тихо. Посетители сидели на полу, а совсем небольшой Изумрудный Будда замер в медитации высоко над всем окружающим, в полной отрешенности над торжественной роскошью его храма. Все глаза, как и каждый день в течение многих сотен лет до этого дня, остановились на нем. Тишина поражала – не слышно было даже пения монахов в соседнем здании.

На входе в Королевский дворец были предупреждения – «Ваша одежда должна соответствовать месту», «Осторожно, действуют не-тайские (non-Thai) карманники» и главное: «Берегитесь странных личностей и не говорите с ними». Последняя надпись, прочитанная вскользь утром, теперь особенно захватила сокрушенный разум фаранга. Что это за личности, общения с которыми Управление королевского двора рекомендует избегать? Распространяется ли действие этой надписи только на территорию Дворца? Со всей уверенностью – нет. Ни в коем случае. Значит, этому совету стоит следовать всю оставшуюся жизнь? Скорее всего, так оно и есть. Но как их распознать, этих личностей? И что считать странным? Как понять, с кем следует говорить, а с кем – ни в коем случае? Может быть, Управление действительно знает ответы на все эти вопросы?

Утром прямо под табличкой откуда-то возник тип в черном костюме с галстуком (что может быть более странным в БКК)? «Сэр, специальный гид, только для вас, сэр, особая программа»... Обычного «спасибо, нет» ему было недостаточно, он лез снова и снова, впрочем, скоро исчез. Был ли странной личностью этот назойливый «гид» со своей никому не нужной «особой программой», думал фаранг, стоя среди ликующих китайцев в очереди в кассу, и тут его дернули за одежду: «Сэр, очень важно для вас, нужно поговорить, сэр», – вот этот некто явно был очень странной личностью. Наверное, нищий или существо из другого мира: он был неопределенного пола и возраста и вообще мало похож на человека, запомнились лишь воспаленные глаза, к счастью, нескольких монет оказалось достаточно...

Тут вспомнился другой нищий – на мосту в Бэнг Кхун Тюан, на другом конце города. Лицо старика было страшно изъедено какой-то жуткой болезнью. Он виртуозно играл на многострунном инструменте вроде лютни, отбивая ритм привязанным к остатку ноги бубном. Был ли он странной личностью? Кто знает. В его глазах светились ум, ирония и любопытство,

старик успевал поклониться каждому, кто бросал монеты, и ему явно был любопытен новый зритель, которому понравилась музыка.

«Этот фаранг, он иногда стоял вот здесь на мосту и слушал, наверное, ему действительно нравилось, как я играю. Здесь не бывает фарангов, я был рад его видеть. Наверное, он действительно любит музыку, или он сумасшедший – как все фаранги, так говорят. Он не фотографировал меня никогда, хотя камера висит на его шее. Это хорошо. Вообще-то мне плевать, но я не обезьяна на дереве. Это ведь просто болезнь, да и... другим не повезло по-другому».

Зачем-то понадобилось перейти проспект, туда, где развевался национальный флаг над Министерством обороны. Ровно через неделю здесь поставят оцепление, демонстранты в красных футболках будут совать цветы в аксельбанты полицейских и обниматься с солдатами, а всем туристам власти настоятельно порекомендуют не соваться на Раттанакосин. Через несколько месяцев все закончится странным грустным образом, но все это никак не касается иностранцев, и не их ума это дело.

Ни одного светофора поблизости не было. Нечего было и мечтать, чтобы дожидаться просвета в потоке машин, такси, мотоциклов, сонгтэо, разнокалиберных автобусов, тук-туков, пикапов и просто автомобилей всех разновидностей. Оставалось лишь идти вдоль бордюра в надежде увидеть ближайший перекресток со светофором. Фаранг все еще думал о странных личностях, которых он видел с самого утра, и о тех, которых ему еще предстояло увидеть в этот удивительный день.

Был ли странной личностью угрюмый коренастый мужик в красно-синей футболке ФК «Барселона», с непривычно тяжелым взглядом и загадочными татуированными знаками на руках? Наверное, да. Он возник откуда-то сзади, молча схватил фаранга за плечо и потащил прямо под колеса. Поток мотоциклов и машин сносил с ног, как горная река. – Что ты делаешь, мужик? Нас сейчас собьют с тобой вместе, – опешив, сказал фаранг на своем родном языке, а потом, просто для очистки совести, повторил то же самое по-английски, даже не пытаясь покрыть визг тормозов одной из главных магистралей центральной части Города ангелов. Страху не было, лишь легкое любопытство, беспокоиться о чем-то было уже поздно.

Мужик остановился лицом к приближающейся лавине, заслонив своим телом фаранга, и выбросил вперед раскрытую ладонь.

– Стоп! Вы слышали – стоп! Вот так, мистер. Видал? Пошли.

Из тук-тука, промчавшегося мимо по сложной кривой, прозвучало какое-то веселое оскорбление. Мужик ответил чем-то подобным.

– Идем дальше.

Процедура повторилась, коренастый таец тем же способом парализовал движение и на встречной полосе.

Они – двое – вышли на тротуар.

– Вот это да. Спасибо, сэр. Я и не знал, что так можно переходить дорогу.

– Не стоит благодарности. Откуда ты и как тебе нравится Бангкок? Ты идешь из Grand Palace, верно? – речь болельщика «Барселоны» была отрывистой и хриплой, он словно лял отдельные английские фразы.

– Спасибо за помощь, сэр. Да, я был во Дворце с самого утра, но потом еще много часов провел в Храме Лежащего Будды.

Фаранг обошел вокруг огромной статуи Будды, переходящего в нирвану, медные котелки по периметру ритмично звенели от монет, которые бросали посетители – паломники со всей Азии и из вовсе не известных нам мест. Бесконечные галереи с сонмами Будд разных канонических разновидностей перемежались павильонами и скамьями у фонтанов. Все вокруг изумляло. Веселые монахи в оранжевом что-то рассказывали послушным детям в школьной форме, пели с ними монотонные или веселые песни, прогуливались в глубокой задумчивости, все это сочеталось удивительно органично. Каждая тень развесистого дерева или тень древней статуи над ручьем притягивала – вот именно здесь нужно никуда не торопиться, а застыть и размышлять.

Фаранг отряхивался от наваждения и шел дальше и дальше – ведь времени мало, а так много всего еще необходимо узнать. Бутылка холодной воды, прилажившаяся к входному билету в Храм, давно закончилась. Фаранг начал искать выход в город и услышал ритмичный шум большой толпы – как на рок-концерте. Выйдя на шум через несколько галерей, он замер в изумлении.

Множество людей столпилось под невысоким балконом храмового строения. Священнослужитель (в белом, а не в обычном оранжевом), бросал горстями с балкона в народ нечто похожее на розовые лепестки. Народ шумно радовался и старался ловить эти лепестки. Фаранг стоял далеко в стороне, впитывая и запоминая происходящее, стараясь быть незаметным, и вдруг это нечто прилетело прямо к нему, отскочило от стены и ударилось в ногу, так, что просто нельзя было не поднять. Оказалось – искусно упакованная в розовую ленту монета. Рядом улыбался военный с крылатой эмблемой и орденами планками. Фаранг спросил его, что все это означает. Офицер замаялся: «Я не говорю по-английски», и оглянулся по сторонам. Из тени под балконом вдруг бесшумно возник широкоплечий тип с безучастным лицом в темных очках, полностью лишенный каких-либо примет, в наглухо застегнутой черной куртке. Он просто отделился от стены. Его английский был превосходен. – Могу чем-то помочь, мистер? – Я лишь хотел спросить про ритуал. Что означает эта штука, которую я поймал? – О, сберегите это. Это обязательно приносит счастье и удачу. Ваша жизнь изменится к лучшему.

– Спасибо, сэ, неплохо бы, – ответил фаранг уже в пустоту – странный тип без лица уже исчез, он просто слился со стеной, как будто его никогда не существовало – ни его, ни его неуместной в жару черной куртки.

(– Мисс Ван, что означает этот ритуал? И что мне делать со своей находкой? – так спросил фаранг у тайской знакомой много времени спустя.

– О, вам очень повезло. Берегите это. Это приносит большое счастье.

– Да, очень хорошо, но что все это значит?

– Это просто обычай. Вам повезло. Просто берегите это. Я не знаю, что еще сказать, – так ответила мисс Ван и улыбнулась.)

Фаранг побрел дальше, среди сонмов статуй и фресок. Мотивы картин были непостижимы. Особенно запомнился один сюжет: огромное длиннохвостое существо, похожее одновременно на льва и дракона, с странным оружием в лапах, с застывшей улыбкой расположилось у белоснежных стен города невиданной красоты, с разноцветными башнями немислимой архитектуры среди пышной зелени под прозрачным акварельным небом. Наверное, фаранг когда-то видел этот город в своих снах. Или же – просто тем же утром из окна такси.

В этих же стенах, среди стражей, демонов и людей-птиц, расположились нелепые фигуры с огромными носами и выпученными наглыми глазами. Они выглядели глупо-изумленными в своих странных шляпах. Эти скульптуры изображали фарангов: именно такими их впервые увидел безвестный скульптор несколько веков назад.

* * *

– О, там прекрасно. Это самые важные храмы. Главные. Тебе понравилось? Мне приятно это слышать. Ты ходил там и размышлял, верно? Это здорово. И очень важно. В храмах очень хорошо. Я тоже хожу в храмы, без этого нельзя. Но не сегодня. Так уж вышло (здесь что-то по-тайски). Но куда ты идешь сейчас? Ничего интересного здесь нет. Просто гулять здесь? Зачем? Что здесь интересного? К Министерству обороны? Здесь нет ничего интересного. Старые пушки? Это просто старые пушки. Кому они интересны?

– Я придумал! Срочно иди вот туда, на тот перекресток. Ты видишь? Вон там стоят мототакси и тук-туки. Тебе нужно на реку. Ты должен еще успеть доехать, а лодка отчалит через – сколько это (переславая тайскими междометиями) – тридцать, сорок, – через сорок минут, ты можешь не успеть на причал. Ты должен прокатиться по реке на лодке. Сейчас скажу куда. У тебя есть, чем рисовать?

Мужик достал из кармана блокнот, вырвал листок и, пристроив его на колене, начал подробно рассказывать, попутно набрасывая маршрут.

– Вот причал. Дальше – вот так. Ты увидишь Рынок цветов. Самый главный. Много цветов. Очень много. Хотя с утра было больше. Вот здесь. Очень красиво. Это у тебя фотокамера, так? Ты сделаешь хорошие снимки, прекрасные снимки. Тебе все будут завидовать.

Он нарисовал цветок с пятью лепестками.

– Дальше будет рыбный рынок. Самый большой, самый главный рынок рыбы в стране Тай. Там интересно. Что ты можешь знать о рыбе?

Нарисованная рыбка выглядела точь-в-точь как эмблема первых христиан.

– И Ват Арун. Этот храм нельзя пропустить. Вот он. Это важный, очень

важный храм. Ты неспроста пошел по храмам. Если уже пошел – ты должен посетить Ват Арун.

Много позже, вспоминая этот великий день, фаранг был поражен, насколько точно неровная многоугольная фигура, начерченная одним движением руки, передала силуэт Храма Зари. Именно его вид с реки.

– Но только не давай этому жулику на тук-туке больше двадцати. Они сейчас запросят с тебя 80 бат или даже больше. О, я знаю этих людей. Поездка к пристани стоит двадцать.

Он написал «80 В», перечеркнул и написал рядом «20 В». И рядом что-то по-тайски.

– Вот, покажешь им. Они поймут. Нет, не так. Я придумал лучше! Сделаем по-другому. Я пойду с тобой и сам поговорю с ними. Мне все равно пока нечего делать. Меня подождут (что-то по-тайски). Эти водители – они все мошенники, поголовно, мистер. Они все – разбойники и бандиты. У них – как это... сообщество. Банда? Да, наверное. Вы понятия не имеете об этом. Но сейчас такое не пройдет, потому что я сам поговорю с ними. Я с ними поговорю, ты увидишь. Двадцать бат. И не вздумай потом давать чаевые, когда довезут. Я им сейчас устрою. Пошли.

Стоило огромного труда объяснить странному мужику, что хотелось бы еще прогуляться по окрестностям, и только потом, возможно, выйти к реке.

Мужик был явно разочарован. А фаранг был просто глуп и оглушен – как и все, впервые попавшие в Город Ангелов. Иногда все же надо слушать чужие советы – возможно, даже советы странных личностей, раз уже ты с ними заговорил.

– Конечно, дело твое. Но я не понимаю, что здесь интересного. Улицы и каналы? Не понимаю. Но счастливого пути тебе. Да! Если все же поедешь – двадцать бат. Не больше!

После теплого искреннего прощания фаранг направился в сторону Министерства. Через пару минут послышался крик от автобусной остановки:

– Двадцать бат, мужик! Только двадцать бат! Не больше!

– Спасибо, мужик! Большое спасибо. Только двадцать бат! – так крикнул странник в ответ, обернувшись. Люди на остановке переглянулись. Полицейский на перекрестке улыбнулся.

За зданием Министерства обороны проходит канал с мостиками и парапетами. Местами торговцы уже подняли ставни первых этажей зданий за каналом. Здесь торговали военным снаряжением – огромными гроздьями висели рюкзаки, разгрузки, униформа, амуниция, знаки различия всех родов войск, кобуры, ремни... Ошалевший от солнца фаранг заходил во все лавки – из любопытства и чтобы спрятаться от жары. Сам не зная зачем, купил футболку с эмблемой Королевского МВД. Нет ничего нового под солнцем: щит и меч. Но это был круглый щит со сложным узором и кривой меч в ихмерском стиле.

На одном из мостов устроились рыбаки – как ни странно, в мутной воде что-то плескалось. Мужики закрепили удилица и сидели в тени парапета, ведя неторопливую беседу. На глазах у фаранга один из рыбаков встал, покрутил рукоять катушки и сбросил на асфальт дикого вида крупную рыбину, одновременно похожую на карася и на лосося, на килограмм весом. Убрал рыбу в контейнер и наживил неожиданно большой крючок чем-то вроде подозрительного крылатого червя.

Очень хотелось подойти и завести разговор о рыбе, наживках и способах ловли. Но, помня о том, как неприятны эти глупые вопросы из-за спины, когда ловишь сам, фаранг отошел на приличное случаю расстояние и уселся на ступени у моста, наблюдая за ловлей издали. Скоро клев прекратился: рыбаки погрузились на велосипеды и уехали.

На площади стояло множество тележек с товаром. В узкой тени парапетов на разложенных картонных коробках спали десятки людей, под тележками примостились собаки. Все нормальные существа переживали самые жаркие часы во сне.

Несколько дней назад фаранг рыскал по району Бэнг Кхун Тюан и забрел на задворки торгового центра в такой же жаркий час. Здесь в тени путепровода рубили рыбу, резали манго и готовили еду, возили на тележках огромные глыбы льда и сетки кокосовых орехов, а несколько крестьян, приехавших на рынок, спали на картонках. Их ржавые велосипеды стояли рядом, и

бойцовые петухи мирно свернулись в высоких плетеных клетках. Несколько ребят с ближайшей стройки пили кокосовую брагу из жестяных кружек и курили сигареты, сидя на скамейках с ногами и разувшись. Они болтали за жизнь и хохотали, сняв свои белые каски. Фаранг купил что-то удивительно вкусное с лотка у улыбочливой бабули и обедал стоя, прислонившись к опоре путепровода. Рядом на табуретке сидел раздетый по пояс молодой таец. Ему набивали татуировку – готового к атаке крылатого дракона во всю спину. Явно любитель модных фильмов про якудзу, ведь исконная тайская татуировка выглядит совсем по-другому. Жужжала машинка, парень стойко переносил мучительную процедуру. Глядя на него, фаранг, всегда относившийся брезгливо к любой татуировке, вдруг почувствовал острую зависть. Он не хотел бы всю жизнь носить такое на своей спине, нет. Но как он был бы счастлив сейчас сидеть на этой табуретке и быть своим среди этих непостижимых веселых и угрюмых людей, среди всех этих запахов, и чтобы также жужжала машинка, наращивая многоцветную драконью чешую. Кто-то потерся о ногу фаранга. Рыжая короткошерстная кошка, как и все уличные кошки Бангкока, нисколько не похожая на знаменитую сиамскую породу, вопросительно и глубоко заглянула в глаза. Он отломил половину своего обеда и почесал кошку за ухом. Та вежливо съела предложенное, церемонно поблагодарила и величественно удалилась по своим кошачьим делам.

* * *

Через полчаса вся площадь проснется одновременно и за какие-то минуты превратится в большой базар, где торгуют всем подряд, вплоть до самых диких вещей, вроде старинных грампластинок и чьих-то черно-белых выцветших фотографий; рядом лежали россыпи панелей для телефонов и ТВ-пульта. Торговцев было намного больше, чем покупателей. Фаранг покрутил в руках жуткого вида кривой малайский крис без ножен, с сожалением отложил его назад. Грубо сделанная копия – не более чем сувенир, но и такой кинжал обязательно отберут на таможне. Пройдя дальше, иностранец купил у равнодушного старого китайца небольшую статуэтку Будды, того же канона, что Изумрудный утроб в Grand Palace. Старики-торговцы играли в маджонг, их не особо интересовали покупатели. Путь лежал дальше по теневой стороне улицы, в направлении грохочущей Као Сан Роуд.

Тут, наконец, пришло осознание того, что пройдено уже не менее двадцати километров по раскаленному городу; ноги подгибались сами собой. Фаранг уселся за первый попавшийся столик и раскрыл карту бара. Через минуту перед ним стоял обычный стакан воды со льдом, а еще через минуту – дайкири «Хемингуэй». Группа под навесом выводила Honky Tonk Women, с прочувствованным хрипловатым женским вокалом. Закончив песню, маленькая женщина у микрофона поблагодарила публику на семи языках с трогательным акцентом и сказала, что она вовсе не Honky Tonk Woman, но любит The Rolling Stones, и поэтому сейчас поет про Jumping Jack Flash. Фаранг подумал, что уже поздно чему-либо удивляться, да и, в сущности, ничего странного здесь нет. Он огляделся по сторонам, понял, что бежать больше некуда, попросил второй дайкири и решил, что на следующие несколько тысяч лет он остается здесь – именно за этим столиком. И еще успел подумать – как все-таки жаль, что все чудеса всегда происходят не вовремя.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ СИТУАЦИИ В КРАСНОЯРСКЕ РАССКАЗЫВАЕТ ПОЭТ ИВАН КЛИНОВОЙ. ЕМУ 36 ЛЕТ, ОН ЧЛЕН СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И РУССКОГО ПЕН-ЦЕНТРА, АВТОР КНИГ СТИХОВ «ШАПИТО», «АНТИЧНОСТЬ», «ОСЯЗАНИЕ», «ЛАТТЕ-АРТ», «ВАРКАЛОСЬ». ИВАН ВЕДЕТ АКТИВНУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ЖИЗНЬ, АКТИВНО УЧАСТВУЕТ В ФЕСТИВАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ. ОН ЛАУРЕАТ НЕСКОЛЬКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ – И ПОДДЕРЖИВАЕТ ОТНОШЕНИЯ С БАРНАУЛЬСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ.

Красноярск: фестивали и стипендии

С литературой в Красноярске в последние годы все достаточно хорошо. Журналы, книги издаются, мероприятия проходят. Так что в двух словах: жизнь бурлит. А ежели чуть подробнее...

По-прежнему на плаву журнал «День и ночь», который после смерти Романа Харисовича Солнцева подхватила Марина Олеговна Саввиных. Под руководством Михаила Александровича Тарковского издается возрожденный альманах «Енисей». Который год работает грантовая программа «Книжное Красноярье», имеющая несколько номинаций, в том числе «Детская литература» и «Сборники красноярских авторов». Налажена связь с библиотечной системой края: с этого года книги наших авторов закупаются централизованно, а не от случая к случаю, как это было раньше. Не знаю, как обстоят дела в Союзе писателей РФ, а тяготеющая к Союзу российских писателей молодежь получает стипендии на издание книжек.

Каждый год проходят два крупных и ярких события: осенью – Красноярская ярмарка книжной культуры, проводимая Фондом Прохорова, а весной – литературный фестиваль «Куб», главным организатором которого является Дом искусств. В этом году «Куб» прошел уже в четвертый раз: из небольшой научно-практической конференции он в короткие сроки вырос до полноформатного фестиваля. Сейчас это целая неделя всевозможных мероприятий, которая собирает несколько десятков авторов из Сибири, обеих столиц и других регионов России. Встречи и выступления проходят в библиотеках, школах, колледжах, университетах не только Красноярска, но и окрестностей. Один день выделяется на поездки по близлежащим регионам. Еще один день отводится на посещение заповедника «Столбы».

Благодаря этому у гостей фестиваля есть возможность поближе познакомиться с нашим краем. Для начинающих авторов проводятся семинары и мастер-классы, результатами которых могут становиться публикации в различных журналах и газетах, как региональных, так и федеральных. Проходят презентации книг, «соревнования» поэтов и музыкантов, слэмы (и поэтические, и прозаические). Финалом же недели является торжественное вручение премии имени Игнатия Рождественского. В общем, в этом году за неделю прошло чуть меньше сотни мероприятий.

Конечно же, фестивалем и книжной ярмаркой литературная жизнь не ограничивается. Все тот же Дом искусств во главе с Татьяной Николаевной Шнар каждый год проводит множество мероприятий как в самом Красноярске, так и по всему краю. Например, есть постоянный проект «Один день на искусство»: на один день в тот или иной населенный пункт забрасывается культурный «десант». Состав «десанта» варьируется, но обычно это писатель, композитор, художник и кинематографист. Примерно такие же группы Дом искусств вывозит и в пенитенциарные учреждения края. Результатами этих поездок становятся не только выступления, выставки и кинопоказы, но и знакомство представителей разных творческих союзов между собой, иногда перерастающее в совместные проекты.

Но и помимо Дома искусств от случая к случаю проходят различные мероприятия, проводимые инициативной молодежью. Так что возвращаясь к двум словам: жизнь бурлит. Ну и напоследок хотелось бы порекомендовать барнаульским читателям красноярских авторов: поэтов Сергея Цветкова и Ольгу Гуляеву, прозаиков Михаила Стрельцова и Александра Григоренко.

ОЗОН И ОЗВЕРИН

* * *

Мысли о море лучше живого моря –
Первый закон любого хикикомори.
Нет ничего хорошего в том просторе,
Что за окном и порогом расставил сеть.
Выйди вовне и станешь одним из многих,
Скользок и круглорот на манер миноги,
Будешь кричать о Гоэе и перемоге,
Встав на котурны, чего-то желать, борзеть...

Все, чего ты касаешься, есть в квартире;
Все, чего не касаешься, – в палантире;
Все ведь в итоге окажемся там, в надире,
Так что иных направлений, по сути, нет.
Вера в себя не требует веры в прочих.
Весь этот мир – скопление одиночек.
Можно в графе «контакты» поставить
прочерк,
Выключить музыку и отложить планшет.

* * *

Который год не покладая волн,
Завод по производству афродит
Невнятно демосфенствует, шумит
И на-гора выносит произвол.

Он заодно с вольфрамовой дугой.
Она, вся излучая гордый вид,
Мне говорит: «А ты-то кто такой,
Что требуешь от звезд эфемерид?!»

А я никто, я мальчик с коробком,
В котором спичек хватит, чтобы речь
Стояла в горле острым кадыком
И было трудно ею пренебречь.

Я каждый день хожу на волнолом
И беспросветно порожаю тьму,
Не потому, что мне светиться влом,
А потому что сам себе самум.

И если вам дается свет с трудом
И в горле тоже полный буерак,
Несите спички – будем вместе мрак
Переживать, ходя на волнолом.

* * *

Этот черный воздух не отравлен,
В этом белом снеге яда нет.
Просто ночь, набухшая над кровлей,
Больно много помнит сигарет.

Я стою, замерзший, невредимый,
И курю, и мой невидим дым,
А со всех сторон большого дома
Снег скрипит на разные лады.

Это жизнь тихонько окружает,
Вздумав напугать. Я не боюсь.
Шарфик растрепался, ветер – в шею.
Ночь болит, набухшая, как флюс.

* * *

**Эпоха? Я не знал ее. Погугли.
Александр Костарев**

Помним ли мы эпоху?
С легким акцентом Пъеху?
Не подводя к подвоху:
Все превратились в йеху, –

Жить с ощущеньем страха
Да в ожиданьи лиха,
Рвать на груди рубаху
Или молиться тихо, –

Лишь на границе слуха
Чуткое ловит ухо
Песенку, что мы знаем,
О голубом Дунае.

* * *

I'm a product of my anger...

Seether

Из просроченной нежности сделав

отличный гнев,

Он уходит туда, где случится хоть

в чем-то прав,

Где немирные атомы пустит на обогрев,

В свой лечебный плейлист поверив и проиграв.

Вот же странные люди: хотят от него тепла.

Только это урановый стержень внутри

фонит.

Если кто-то когда-нибудь «я для него была»,

Скажет, «муза», – не верьте!

Не муза была – форнит.

И от точки кипения к точке росы продев

Через множество яростных песен плейлист-

маршрут,

Он становится прав, наконец-то смиряет гнев

И опять возвращается в дом, где его не ждут.

* * *

Кто тебя научил ненавидеть, уже неважно.

Все уже сделано, пробки повывлетали.

Мальчик, что был отважно таким бумажным,

Нынче взрывоопасен – пропан-бутан.

Вера в любовь заменяется верой в ярость.

Бог из машины – на месте того, в деталях.

Белый ли, алый – пофиг! – порвали парус.

Каяться не в чем. И молча глядишь в стакан.

Вьжить (не подвиг) – всегда в списке

дел на завтра,

Впрочем, оно давно не в приоритете.

Мальчик, светло мечтавший стать

космонавтом,

Нынче мечтает уехать, куда глаза...

Чистить бассейны, а может быть, стричь газоны,

Лайкать и постить что-нибудь в Интернете,

Всем говорить, что прекраснее Аризоны

Нет ничего, и в серье ее – бирюза.

* * *

На два размера больше тишина

Висит на мне, как тряпочка на швабре.

Мир замер, откружившись в данс макабре,

Но на подходе новая волна

Музы́ки, разнимаемой, как труп,

Для пересадки о́рганов орга́ну.

И я мешать прозектору не стану,

Не подержу ни зеркальце у губ,

Ни банку с формалином, постою

В повисшей тишине, в безмолвном крике,

Надеясь, что для этой-то музы́ки

Местечко все же сыщется в раю.

После нас – хоть потом

Часы у берендеев были под запретом –

все, кроме солнечных.

Евгений Луккин

...ты замечаешь:

вместо «моя страна»

говоришь «эта страна»,

ловишь себя на том,

что уже третий час

рассматриваешь гуглокарты,

сравнивая штаты «солнечного пояса»:

на востоке – много черных,

на западе – мексиканцев,

в Канзасе – ковбоев,

во Флориде есть свой Санкт-Петербург

и зовущий целоваться Киссимми,

в Джорджии – свои Афины,

в Техасе – Париж и Одесса,

в Колорадо легализована марихуана

и там Денвер – город высотой в милю,

зато в Аризоне – Большой каньон,

а живя в Финиксе,

становишься финикийцем,

как бы далеким-далеким потомком

создателей того алфавита,

далеким-далеким потомком которого

является латиница, –

обо всем этом

пишешь кириллицей,

которую надеешься

забыть...

Всегда был

У меня отобрали веру в будущее продолженное.

Оно больше не набухает в моих снах,

не когтит меня по утрам

и не просит добавки.

Сказали: гангрена, – и ампутировали.

Сказали: физиотерапия.

Сказали: скажи спасибо.

А за что благодарить,

если я мучаюсь фантомными болями?

За что благодарить,

если протез нужно кормить

запрещенными заморскими препаратами,

а каждый пандус ведет в тупик?

За что говорить спасибо,

если все возможные завтра стали сегодня,

а сегодня превратились во вчера?

Теперь я никогда не буду,

теперь я всегда есть

или был.

* * *

Кто тебе нужен? Ты сам себе агрегатор
Мыслей, эмоций, всяческих новостей.
Сердце твое двулико, башка рогата,
В теле полно торчащих вовсю костей.

Можно в Кот-д'Ивуаре купить недвигу,
Там дофига матерьяла, всегда тепло...
Только б собой не двигать, а в книгу фигу
Медленно вписывать, коли уже свезло.

Можно хемингуэем прослыть, но это
Слишком чревато славой. Оно зачем?
Ты ведь поэт, что само по себе примета,
Круче любого тату на любом плече.

Завтра обычный день. Проведешь в кофейне.
Может быть, даже выключишь телефон.
Вот бы закрыть глаза и проснуться в Вене.
Вот бы открыть глаза, а в ногах – Гудзон.

* * *

Пахнет грозой: озоном и озверином.
Розочкой брюхо вспарывают ветрам:
«Кто говорил, что жизнь оказалась длинной?
Рок-н-ролл мертв, да и вам бы уже пора!».

Мы научились не слушать ни тех, ни этих:
«Эй, ты туда не ходи, ты сюда ходи!».
Скоро нам не о чем будет молчать при детях,
Только лежать под забором с винцом в груди,

С вилкою Лазаря фотаться в загранпаспорт,
Мол, нам религия не позволяет – без,
Или цитаты Ницше репостить на спор,
Храбро смотря в объективы раскрытых бездн.

Котики котикам рознь, и какого Крыма!
Будь ты Иван, Микола, Жан-Поль, Фатих –
Встать в полный рост бывает необходимо,
Так же как умереть за этих и за других.

* * *

Уже джихад объявлен ойкумене
И упарсин не лечит упарсин.
Не в ножички на школьной перемене
Играем мы, а в бомбы и зарин.

И пайцзами в лицо друг другу тычем,
И символ веры держим наголо,
Грозь, что сей момент любого вычтем
Не вышедшего ростом и челом.

Над нами флаги разовые вьются,
Под нами танки розовые ржут,
И яблочки катаются по блюдам,
Рассказывая что и где кашрут.

И сколько ни кричи «воды слонам!»
С далекого пролива Лаперуза,
Старания новейших урфинджусов
Не оставляют места жевунам.

* * *

Марии Марковой
Умирать – это внутрь, вымирать – наружу.
Я нарушу любые запреты, чтоб
Оказаться в сети вологодских кружев,
Подменить майонезною склянкой штоф,

Ощутить эту прелесть чужих владений,
Проживания медленный вкус и вес,
Трудный почерк весла, поворот лодейный
В направлении новых нездешних мест,

Ведь любое движение – жизнь, и даже
Смерть как пункт назначения всегда светла.
Астролябию только найти в продаже
И рингтон, подходящий на скрип весла.

* * *

Аппаратом искусственной жизни
Дышит площадь, безвидна, пуста.
Пахнет бронзой скульптурная брынза.
Обездвиженный навзничь фонтан –
Сколько лук ни кроши – и не брызнет,
И не крикнет никто «от винта!».

Ночь сквозь фары в ускоренной съемке,
Сглазив трафика бустрофедон,
Пробегает по тоненькой кромке
Ойкумены с обеих сторон,
Прнося на закорках потемки
Через мной сторожимый кордон.

За минутой у мая минуто
Отнимая (просроченный груз),
Я надеюсь, что все позабуду
И сюда никогда не вернусь,
И в петлице торчащей цыкуты
Не узнаю ни запах, ни вкус.

* * *

Сохрани мою речь, но еще сохрани и чужую.
Вот за то, что чужая, за то, что как раз
не моя.

Только без номеров и без рангов,
и не по фэншюю,
Всю, как есть, сохрани, чтобы было кому
«Кумбайя»

Спеть, сказать... Чтобы в памяти
не было пятен
Белых, черных, цветных, чтобы все
откликались на зов.
Ну и что, что тунгус! Ну и что,
что язык непонятен!
Ну и что, что у нас с тобой разная
форма носов!

В этом мире различий для каждого есть
примечанье:
Для забытых и вспомненных, вытверженных
наизусть...
Речь мою и чужую храни, даже если молчанье,
Чтобы все мы имели возможность сказать
«Я вернусь».

МЮЗИКЛ «ПОЛЗУНОВ», ПРЕМЬЕРА КОТОРОГО СОСТОЯЛАСЬ В НАШЕМ ТЕАТРЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ В ОКТЯБРЕ, ВОЗМОЖНО, ПОРОЖДЕН ТВОРЧЕСКОЙ ПОТРЕБНОСТЬЮ РЕЖИССЕРА ВЫСКАЗАТЬСЯ, НО ДАЛЕЕ НА ПРОЦЕСС ПОВЛИЯЛА ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ.

«Ползуновское иносказание»

Вадим Климов. Фото с сайта театра.

Фантазия на базе мифа

Мюзикл «Ползунов» – это героико-патриотическая музыкальная фантазия. Никто же не требовал исторической правды о войне 1812 года от режиссера Рязанова в музыкальном фильме «Гусарская баллада». Поэтому оставим историческую неправду в стороне. Надо понимать, что речь идет не о документальном театре, а о художественном произведении, мюзикле в Театре музыкальной комедии.

Афиши кричали: «Мировая премьера мюзикла «Ползунов». Некоторых удивила такая амбициозность, других возмутила бесцеремонность, но все понимают, что это заимствование у эстрадных артистов, и все

это – неуклюжий маркетинг. Что ж, Театр музкомедии расширяет рамки жанра, входит в новое измерение востребованности, впитывая пафос, присущий отечественной эстраде.

Нашлись средства в виде гранта Губернатора на постановку спектакля. В театре адекватно отреагировали, показали, что понимают и принимают современную идеологическую систему. Стало очевидно, что режиссер разрабатывает краеведческую тему: была «Голубая дама», теперь «Ползунов» и возможно продолжение...

История Ивана Ползунова, главного мифологического героя Барнаула, в интерпретации автора либретто Евгения Вильтовского и режиссера-постановщика Константина Яковлева необыкновенна. Хорошо, что они не стали упоминать писателя Марка Юдаlevича, чей текст планировали взять за основу. В их интерпретации жизнеописания Ползунова есть несколько сюжетных линий. Главная – императрица Екатерина – государственный. Вторая – любовные страдания. Далее – производственная тема. И, наконец, вредители. Все фантазии и художественный вымысел режиссера допустимы, потому что он встраивает новый эпизод в уже разработанный миф.

Миф об изобретателе Ползунове начали активно формировать во второй половине XX века, и теперь требуется его обновить. Режиссер Яковлев понял это одним из первых и вовремя – к 250-летию кончины механикуса.

В Барнауле возрождается интерес к истории. Правительство выделило на реализацию программы «Барнаул – горнозаводской город» почти миллиард.

Сегодня необходимо, чтобы образ рано умершего великого изобретателя паровой машины сложился и затвердел. Кто он, что делал, как жил, как выглядел в мифотворчестве не важно. Требуется узнаваемый исторический герой.

Режиссер Константин Яковлев – пример художника системы, он знает, как встроиться в актуальное мифотворчество и устроить шоу. Для реализации проекта он пригласил хорошую творческую группу, и каждый из них справился с творческой задачей. Каждый – кроме автора либретто!

Музыкальный театр «Ползунов». 2016 г.

Императрица на вышке

Художник решил сформировать пространство сцены вокруг центральной конструкции в виде башни с винтовой лестницей. Конструкция многофункциональная: одновременно паровая машина, дворцовый балкон и откровенно нефтяная вышка.

Предположим, что мюзикл «Ползунов» – сатирическая драма. Режиссер создает шарж, карикатуру современного общества на основании исторических событий. Зрителю несложно провести параллели.

Он взгромоздил императрицу на верхушку нефтяной вышки, она в окружении подхалимов, ближайший – граф Бестужев-Рюмин (*заслуженный артист России Виктор Парфёнов*). Граф – типичный опереточный персонаж со всеми ужимками и вихлянием, принятыми в комических сценах, а не властный вельможа и масштабный политический деятель. Кажется, что артист Парфёнов всегда такой и не может играть по-другому, вжился в типаж саркастического старикашки. Нет, артист умело пользуется художественными приемами, которые наработал за долгую театральную карьеру, и режиссер точно цитирует классическую оперетту с ее гротесковыми персонажами, чтобы вывести зрителя на понимание задуманного им при творства.

Рядом с Екатериной – фаворит Григорий Орлов (*артист Денис Паньков*). Фавориты – основа мифа про Екатерину. Фаворит необходим режиссеру для того, чтобы по-

казать, в каком мире живет великая и справедливая государыня. Она щедра на чины и награды для придворных, осыпает их золотом, устраивает балы: вот чудовищная изнанка власти. Богатство и разврат. При этом императрица – просвещенный монарх, она поддерживает Ломоносова, интересуется наукой, ее тревожит добыча серебра.

Трудно принять образ Ломоносова. Почему режиссер представляет великого русского ученого и поэта как какого-нибудь итальянского афериста, иллюзиониста? Ломоносов кривляется, лебезит перед царицей, показывая ей фокусы. В коллективном сознании миф про Ломоносова, сурового холмогорского мужика, идущего за рыбным обозом учиться, такой же укоренившийся, как и миф про Ползунова. Ущемляя образ великого ученого до лицемерия, режиссер на этом фоне выигршно показывает искренность, открытость, прямоту Ползунова.

Зачем такой Ломоносов? Затем, чтобы показать место ученого для развлечения государя императора, генерального секретаря, президента. Сегодня это могут быть нанотехнологи. Режиссер и художник-постановщик выделяют это. Ломоносов демонстрирует Екатерине и залу удивительную конструкцию, которая складывается и раскладывается, как модель Вселенной. Увлекательная штукавина из музея занимательной науки. Понимает публика эту метафору режиссера или нет – не важно, важнее внешние признаки художественного.

Некоторые считают, что сегодня

достаточно того, чтобы идею художника поняли специалисты и оценили «красоту игры». Обыкновенная история, когда зритель не понимает авторский замысел и художественный уровень произведения, примеров из истории искусства достаточно. Но так ли это в случае с «Ползуновым»?

Верховная власть в трактовке режиссера Константина Яковлева справедлива, заботится о будущем державы и граждан, при этом безнравственна и развратна. Завистливые чиновники на местах и их подчиненные готовы на преступление, чтобы навредить делу, которое освободит простого рабочего человека от каторжного труда. Почему они такие? Может, потому, что нерусские, иноземные враги. Как, например, начальник Барнаульского завода Христиани Иоганн Самюэль.

Разве это не миф о добром царе, плохих чиновниках и врагах. Не это ли основа российской идеологии?

Сцены с императрицей в мюзикле «Ползунов» грандиозные, в рамках возможностей Театра музыкальной комедии, наряды изысканные, солистка, заслуженная артистка России Виктория Гальцева, безупречна в этой роли.

Композиционно в явлениях Екатерины нет пустоты, картина насыщенная, яркая, красочная, художник по костюмам Мария Рябинкина создает разнообразие образов. Пышные наряды императрицы с головными уборами в виде короны, костюмы чиновников, расшитые золотом, холщовые платья деревенских девушек и рубы мужиков – все это традиционно для театрализованных представлений в современной эстрадной эстетике.

Чертежи и любовь

Во всей этой плюмажной нарядности главный герой Иван Ползунов (*актер Михаил Лямин*) фигура трагическая, он в одних и тех же стоптанных сапогах и во дворце, и на стройке. За голенищем сапога он носит свернутые чертежи, надо понимать,

режиссер так подчеркивает, что увлеченному большим делом человеку некогда думать о «красе ногтей», о чистых сапогах. Такой откровенный штамп ученого-фанатика необходим постановщику, он сложившийся и актуальный в мифотворчестве.

Костюмный образ героя прост и отвлечен, он то ли в каком-то «зипуне», что по замыслу отсылает нас к простонародному происхождению, то ли в «сюртуке» свободного фасона, что все же говорит: Ползунов на службе в чине капитан-поручика. Это костюм человека, не обращающего внимания на условности, он почти свободный художник.

В постановке режиссера Яковлева нет историчности костюма, скорее это эклектика, упрощенность и умозрительная стилизация, основанная на общем представлении истории костюма Екатерининской эпохи. Точность не важна, важна идея.

В мюзикле есть ключевая картина – ночь Ивана Купалы. Сцена яркая, много балета, хор, многозначительные арии, любовная лирика. Эпизод длинный. С этого эпизода в театрально-стилизовано-фольклорном прочтении начинается любовная линия.

Зритель узнает, что у главного героя есть не только невеста Полина (*актриса Юлия Башкатова*), но и страстная поклонница Василиса (*Юлия Пермякова*), которая помолвлена с рабочим Трифоном (*Владимир Давыдов*), но любовь к Ползунову так сильна, что она готова изменить Трифону. Не простой любовный треугольник, а многосложная мелодрама.

В сцене ночи Ивана Купалы режиссер окунает зрителя в мистические картины. Художник приготовил спецэффект с полупрозрачной подвесной конструкцией, которая с разных углов отражает происходящее на сцене, конструкция в окружении свисающих водорослей символизирует озеро.

Мы видим двух молодых женщин, мистерию купальской ночи, возникает загадка, страстная любовь, гадания, танцы, беготня, и это запутывает, уводит зрителя в сторону от сюжетной линии героико-гражданственного повествования.

Искушенному зрителю, воспитанному на современных сериалах, несложно догадаться, кто невеста Полина, кто поклонница Василиса и кто такая Ульяна. Режиссер рассчитывает на продвинутого зрителя, предлагая разобраться в сложной любовной интриге, которую он обозначил.

Актрисы Ирина Басманова (Ульяна) и Юлия Пермякова (Василиса) точно попадают в эстрадную манеру вокальной, сценической подачи. Понятно, что режиссер требует от них той открытости, навязчивости, которую эксплуатируют яркие представители современной эстрады.

К финалу первого акта заметно, что режиссер-постановщик увлекся и стал

рассказывать историю любви, кульминацией которой станет лирический хореографический номер.

Режиссер по пластике Татьяна Безменова создает танец любовных переживаний. На сцене страдания, героев поглощает любовь и разделяет непонимание. Сцена поставлена в параллельном рисунке, когда на сцене героини и их художественно-пластическое отражение в исполнении солистов балета.

Еще раз вернемся к сцене купальской ночи. Заканчивается она неожиданно, выясняется, что рабочих собираются насильно вывезти в Барнаул. Зрителю требуется вернуться в исторический контекст, понять, что рабочие, труд которых мечтает облегчить Ползунов, не хотят ехать в Барнаул и готовят побег в Беловодье. Но уважаемый рабочими Ползунов убеждает их отказаться от побега, потому что они ему необходимы для строительства паровой машины. Могут ошибаться, и рабочих собираются везти в другое место. Запутал меня режиссер ритуальными плясками в ночь Ивана Купалы.

Мы договорились, что в этом произведении не должно быть исторической достоверности, это мифотворчество.

Во втором акте появляется важнейший персонаж, канцелярист Мартын (Виталий Селюков) и надсмотрщик (Виктор Коротков). Они исполняют «комический» дуэт.

Канцелярист глубоко трагичен. Виталий Селюков, интересный острохарактерный артист, старается показать своего героя не как циничного злодея, а как орудие в руках начальника Барнаульского завода (*Михаил Басов*). Начальник завода – прекрасный образ, карикатурный персонаж, артист великолепно создает надменную глупость.

Канцелярист Мартын – одна из самых сложных ролей, на которую режиссеру стоило обратить внимание.

Режиссер ведет тонкую игру в рамках понимания патриотизма современными идеологами. Следовало серьезнее раскрыть Достоевщину в характере Мартына. Он – тот мелкий чиновник, человечиска, исполнитель поручений, который находится в тисках власти и обстоятельств. Он страдает, потому что сам из народа, понимает его и ненавидит, он переживает за свое будущее. Он вынужден предать, и это его душевный ад, и он знает – придет кара небесная. Режиссер не стал показывать эту трагедию, у него иная задача. Трагедия может быть только любовной или героической, не место в этой системе человечности.

Сложная эстрада

Музыкальный материал мюзикла «Ползунов» выдержан в той самой эстрадной стилистике, где все строится не в два аккорда – три прихлопа, а присутствует некое симфоническое звучание. Можно было предполагать, что главная патриотическая

тема или ария героини будет навязчиво запоминающейся, то, что сегодня определяется как «хит», и публика будет ее напевать, выходя из зала. Например:

*«Временами острый недостаток тепла
Сердцем ощущаю и ревную тебя!*

К ней – живущей в чертежах –

холодной, пустой

К ней – к твоей машине па–ро–вой».

Но не стал этот куплет главной цитатой. Не случилось выдающейся запоминающейся мелодии, зато есть оркестровое звучание, масштаб композиторской идеи. Мюзикл идет под оркестр (дирижер Сергей Белозуов), и это придает постановке звучание, статус.

В Санкт-Петербурге встречаются императрица и Ползунов (помним: никакой исторической правды, авторы конструируют миф). Эту удивительную мизансцену режиссер интересно музыкально иллюстрирует, звучит танго. И понимаешь, как серьезно он и композитор подошли к музыкальному решению этой сцены. Танго – это остро, смело и провокационно, танго – это сексуально. Екатерина и Ползунов не танцуют, но звучит танго. Разве это не игра со смыслами?

Кто стоял, например, перед губернатором, знают, как волнение проникает

в сознание, нужна смелость сказать правду. Вот куда старается завести зрителя режиссер, а не увлечь поверхностным пересказом истории изобретателя.

В этой постановке много лирики, любовных страданий, отвлеченной сексуальности, это помогает режиссеру раскрыть женский характер, углубиться. Предположу, что он так тонко и скромно говорит нам, что женщина всегда остается женщиной, для которой главное – любовь, внимание, подарки.

В ключевой сцене признания в любви невеста Ползунова Полина первым делом спрашивает жениха: «Что ты мне привез из столицы?». Не как здоровье, а какие подарки! Ее любимый проехал на лошадях, прошел пешком половину страны, в то время это три месяца туда, там три месяца и столько же обратно, а ее волнуют подарки.

Как точно подметил режиссер современное отношение женщин к браку, он строит параллели и не маскирует их, публика принимает его игру и понимающе аплодирует. Значит, считывает авторский замысел, наполненный гротеском.

Прямолинейно и упрощенно режиссер-постановщик показывает рабочих, указывая на то, что схематичности, основанной на социалистическом реализме и гражданском лицемерии достаточно, чтобы обозначить народную массу и лидера. Рабочий Андрон (*заслуженный артист России Дмитрий Иванов*) способен возглавить угнетенные массы, и его время придет. Дмитрий Иванов – опытный артист, он точно выполнил задачу режиссера: не углубляясь в характер, показал героя плакатно, как незначительную часть народа.

Много режиссерской иронии в этой постановке, она шипит и вырывается, как пар из паровой машины. Постановщик все время отвлекает зрителя мишурой, бутафорией, оставляя трагедию, героический пафос в стороне, развлекает публику простыми эффектами и выходит на финал открыто, сняв маску.

На высокой гражданской ноте Ползунов и хор исполняют:

*«Я обращаюсь к вам, друзья и земляки!
Услышите сквозь века благословенье!
Прошу, гоните зло подальше от дверей!
И помните одно: в единстве
есть спасение».*

Публика, опешив, слышит «Единство» и понимает, что это идеология. А что же еще?

Зал от такой откровенности на премьерном спектакле замялся, публика не поняла, что это конец, повисла неудобная короткая пауза, но зал опомнился и взорвался овациями.

Вернемся к стилистике постановки. Современная российская эстрада с концертами в Кремлевском дворце – это сложившийся жанр, который доминирует в официальной музыкальной культуре. Для примера посмотрите концерт ко Дню МВД, МЧС, ко Дню работника сельского хозяйства и т. д.

Возможность говорить правду и быть свободным в творчестве – это высокое искусство, но есть другое искусство. Неправильно обвинять режиссера мюзикла «Ползунов» в том, что под давлением обстоятельств он поставил такой спектакль. Стоит посмотреть на постановку как на сатиру, когда художник высмеивает отрицательные явления действительности, и сразу раскроется другая перспектива.

Сегодня в искусстве сформировалось четкое понимание границ правды и конформизма, и они не соприкасаются, мы живем в этих параллелях. Это трагическая для искусства условность. Надо понять условия игры, вспомнить эзопов язык.

* * *

К мюзиклу «Ползунов» стоит относиться как новому жанру, где музыкальный театр взял на вооружение эстрадную стилистику. Все честно делали свою работу: хореограф, художник-постановщик, художник по костюмам, композитор, артисты, хор и балет.

«Ползунов» – не спектакль в привычном понимании, а музыкально-театрализованная эстрадная программа. Режиссер конструирует миф в рамках музыкального театрального пространства, и в этом пространстве нет места трагедии.

В официальном искусстве, пора вспомнить эти термины, официальное и неформальное искусство, главное – создание мифа как основы идеологии.

Миф про изобретателя паровой машины – это каркас, на который навязываются различные идеологемы для управления массовым сознанием. Необходим образ прогрессивной государственной власти, справедливого, внимательного чиновника. А образ ученого – это повод, основа сюжета. «Ползунов» в Театре музыкальной комедии – это сатирический спектакль. Такая аллегория.

ВСПОМИНАЯ УШЕДШИЙ ГОД, НЕЛЬЗЯ НЕ ВСПОМНИТЬ О ДВУХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МАСТЕРАХ, ПОКИНУВШИХ НАС В 2016-М: ГЕННАДИИ БУРКОВЕ И ВЛАДИМИРЕ КАМИНСКОМ. В ПРОДОЛЖЕНИИ МЕМУАРНЫХ ОЧЕРКОВ-ЭССЕ СЕРГЕЯ БОЖЕНКО – ИМЕННО О НИХ.

Бурков и Каминский

Сергей Боженко
Фото из архива редакции

Способ оставить след

Знаменитый на Алтае художник Геннадий Бурков (не путать с киноактером Г.И. Бурковым) родился в Костроме. На свет Божий он явился в новогодний праздник, в день памяти преподобного Ильи Муромца. Учился в «городе невест» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Карьеру художника Геннадий Бурков начал в Джезказгане на студии телевидения. Вместе с супругой Галиной Удаловой.

На Алтае Геннадий с Галиной тоже работали на студии телевидения. Они делали эскизы оформления телестудии для инсценировок по повести В.М. Шукшина «Живет такой парень» и его рассказу «Шмат сала». В пору расцвета на студии Алтайского телевидения даже снимались собственные мультфильмы для детских передач. Не говоря уж о телеспектаклях.

С начала 1970-х годов Бурков трудился в Алтайском отделении Худфонда РСФСР. Работал в творческих командировках самостоятельно и в составе творческих групп. Рисовал на селе, на ударных стройках. Создал портретные серии. Его творческий метод – работа с натурой. Отсюда его любовь к деталям.

Бурков работал в сфере станковой, книжной миниатюры и прикладной графики. Он оформлял книги Виктора Астафьева, Василя Быкова, Николая Дворцова, Льва Квина и Евгения Гущина. Выражаясь пафосно, он участвовал в восстановлении духовной жизни народа.

Его талантом художественно осмыслены

сборники стихов Леонида Мерзликина и Владимира Сергеева. Ярким проявлением таланта Буркова можно считать его работу над книгой поэта Василия Нечунаева «Учили азбуке козу». Та книжка была признана одним из лучших изданий на Алтае для детей благодаря фантазии художника и виртуозному полиграфическому исполнению.

В Союз художников Геннадий Бурков был принят, когда советскими ВВС был сбит южнокорейский «Боинг», а на экранах телевизоров появилась «Пластилиновая ворона».

Как всякий талантливый художник, Геннадий Бурков участвовал в российских и международных выставках. Всенародную любовь он заслужил своими пастелями и акварелями. Его руке принадлежат роскошные портреты современников. Один из них – портрет матери В.М. Шукшина в сrostинском музее. Не говоря уж о портретах ученой элиты и местной партноменклатуры.

Однажды известный журналист и прозаик Елена Рябова спросила его:

– Геннадий Фёдорович, почему людей тянет в искусство?

– Потому, что это единственный способ оставить след на Земле.

Полтора миллиона

Всемирно известный дизайнер Владимир Каминский родился на следующий год после победы над фашистской Германией. Появление в Барнауле новорожденного Каминского совпало с созданием Организации объединенных наций по вопросам образования, науки и искусства – ЮНЕСКО. Что в какой-то степени определило судьбу будущего художника.

В детстве Каминский был хулиганом Вовочкой, ходил с пикой в кармане. В юности он играл в футбол. Откуда ему было знать, что спустя десятилетия в день его рождения появится на свет звезда мирового футбола Криштиану Роналду!

Новоалтайское художественное училище стало для Каминского его альма-матер, которое он окончил в составе первых выпускников. Художественное проектирование оказалось смыслом его жизни. Владимир – многократный участник семинаров Центральной учебно-экспериментальной студии «Сенеж» Союза художников под руководством знаменитых Марка Коника и Евгения Розенблюма.

Монументально-декоративные композиции Каминского украшали Барнаул 1970-х годов. Доска почета на площади Свободы оказалась зримым продолжением революционных традиций Родченко, Малевича и Кандинского, с одной стороны. С другой стороны – намного опережала застывшее в провинции время. Кстати, именно он разработал проект экспозиции Пятой зональной художественной выставки «Сибирь социалистическая», проведенной в Барнауле.

Каминский художник-универсал. Любые предметы в его руках превращались в средство художественной выразительности. При этом акварели он отдавал предпочтение. О своем творчестве рассказывал языком поэтов:

– Наношу краски, словно плыву по реке...

В Союз художников Каминский был принят, когда православные россияне праздновали 1000-летие Крещения Руси. Через год наш герой вступил в Союз дизайнеров. Чего мелочиться!

Каминский был всегда с тусовками художественных тусовок. На этих сборищах он вел иезуитские беседы с дамочками. Обращаясь к очередной жертве, вкрадчиво спрашивал:

– Как вы относитесь к непорочному зачатию?

– Отрицательно! – неосторожно реагировала дамочка.

На что наш герой торжествующе заключал:

– Значит к порочному положительно!

Каминский был красавцем. Он обладал черными глазами, смуглой кожей и мрачным юмором. Перестройку 1980-х годов принял с энтузиазмом. Он так и заявил: «Если мы сами не изживем свои недостатки, то другие изживут наши достоинства!».

Так и получилось. Однажды на заре коммерциализации в советском искусстве Каминский блеснул талантом. Он показал на выставке роскошный портрет собственной жены. Обделенные талантом партийные члены выставкома обвинили его в приверженности к буржуазной салонной живописи. Такая формулировка стояла рядом с обвинением в измене Родине.

Короче, творческий путь дизайнера Каминского не был усыпан розами. Особенно остро наш герой переживал самонадеянность заказчиков и несовершенство бытия.

Пришел как-то к нему новый русский и сообщил:

– Хочу заказать интерьер своей квартиры. Сколько это будет стоить?

Маэстро Каминский посмотрел в потолок и ответил:

– Миллион.

– А если я буду вам помогать? – спросил самонадеянный гость.

Маэстро Каминский не стал смотреть в потолок:

– Тогда полтора миллиона!

Однажды Каминский сделал персональную выставку акварели. На открытии этой выставки одна восторженная дама говорила:

– Глядя на необыкновенные картины автора, я внезапно почувствовала сырость, – потом спохватилась и добавила: – я почувствовала сырость и ветер...

Стоявший рядом всемирно известный дизайнер и автор акварели Каминский лукаво подсказал:

– Сударыня, вы, наверное, забыли упомянуть о сильных и ласковых руках художника...

УХОДЯЩИЙ ГОД НЕ ПРИНЕС НАМ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПЛАНЕ НИ ОСОБЫХ ДОСТИЖЕНИЙ, НИ ПРОВАЛОВ. ТАКОЙ НЕПЛОХОЙ, В ОБЩЕМ-ТО, ЭТАП, ПОСЕЯВШИЙ В ПОЧВУ СЕМЕНА, КОТОРЫЕ, ДАЙ-ТО БОГ, ВЗОЙДУТ В СВОЕ ВРЕМЯ.

Книги, премии, проекты

Иван АКАЕВ
Фото из архива редакции

НАГРАДЫ И НАГРАЖДЕННЫЕ

В региональном премиальном цикле обнаруживается некая стабильность. Сформировался «премиальный корпус», попасть в который (не каждый год, но раз в два года – некоторые премии вручаются с такой периодичностью) имеют шансы многие местные литераторы. Да и не местные тоже – их в этом году среди награжденных было, кстати, чуть ли не большинство. Скажу сразу: пока существуют литературные премии, неважно какого уровня и ранга, вопросы по поводу их присуждения будут тоже. Вон как нынешняя Нобелевка срезонировала!

Итак, вроде бы главная наша премия, шукшинская, в этом году досталась Михаилу Тарковскому – прозаику, который краю давно уже стал «как свой». И по фактам личной биографии (регулярно живет здесь какое-то время с женой), и по тому, что Тарковский участвует в наших литмеропри-

тиях, регулярно публикуется на Алтае. При этом он известен в России. Так что тут «два в одном» – и премию на всероссийский уровень выводим (уж который год), и все равно вроде как «нашему» дали.

Больше вопросов вызывает присуждение премии имени Роберта Рождественского уральскому поэту и прозаику Александру Кердану. Видимо, тут речь также шла о расширении масштаба награды – но, честно говоря, выбор именно Кердана трудно-

объясним. Отметим, правда, что лауреат – маститый литературный номенклатурщик, координатор Ассоциации писателей Урала (включает в себя аж 24 областные, краевые, республиканские организации писателей на территории Урала, Поволжья и Западной Сибири). Большой, однако, человек, как премии не дать!

С краевой премией в области литературы и искусства еще интереснее. Ее присудили Ивану Жданову, который, безусловно, заслуживает всех на свете премий – включая, говорю не шутя, и Нобелевскую. Но Жданов, конечно, давно не соотносим с краевым масштабом, и правильнее для развития литпроцесса, думаю, было дать ее кому-нибудь из местных.

Возрожденную Демидовскую премию получил Александр Пешков. Вот тут вопросов быть не может – соответствие автора и награды полное.

Отметим впервые проводившийся конкурс драматургии. Победила Настя Мордвинова, живущая в столицах, но связи с краем не теряющая, зато в призы попали наши (надолго ли?) – арт-критик и галерист Вадим Климов и Валерий Копнинов, активный участник «альтернативного литцентра» Анны Самойловой (о котором скажу ниже). Тут хорошо, что это люди все на литературной арене новые – по крайней мере, в качестве авторов-лауреатов. Одна беда, что из всех троих в Барнауле в скором времени может остаться лишь Копнинов... Но что поделаешь!

Пушкинская премия впервые была вручена повторно! Мария Криксунова уже получала эту главную городскую поэтическую награду, будучи школьницей. И вообще, заявок в этом году было как никогда мало. Думаю, организаторам надо поработать над форматом и его наполнением – и я знаю, что определенные шаги делаются.

Успехи в российских премиальных баталиях таковы: Анна Никольская (тоже «полунаша», и тоже связи с местным процессом не теряющая) удостоена престижной детской премии имени Владислава Крапивина, Александр Пешков и Дмитрий Мызников попали в лонг-лист премии «Ясная Поляна». Что приятно, Мызников номинировал «Барнаул литературный». До шорт-листа пока не добрались, но, будем надеяться, все впереди!

Отметим также Ирину Цхай, которая в этом году посетила множество литературных мероприятий по всей стране, от Байкала до Крыма, и серьезно продвинулась в литературной карьере. Что нашло подтверждение в Гран-при конкурса «Новые сказки» и мультике, снятом по ее сценарию, – это и было призом.

Вообще, приятно, что «совсем наших» и «условно наших» все чаще печатают в столицах. Отметим, например, публикации в журнале «Знамя» (куда попасть не просто)

Константина Гришина и Дмитрия Мухачёва.

Книги и люди

Литературным проектом года я бы назвал «формацию» Анны Самойловой. Трудно подобрать более точное и понятное слово, ну вот разве «альтернативный литцентр». Самойлова и соаварищи издает журнал «Фантастическая среда», выпускает книжную серию, проводит регулярные мероприятия с элементами литучебы. При этом

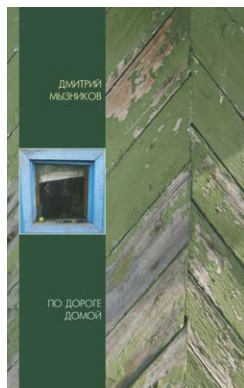
«самойловцы» широко публикуются везде, где только можно, уже начали и в конкурсах побеждать – вот как Валерий Копнинов.

Еще один примечательный проект – сбор денег на очередную книгу Владимира Токмакова. Уже во второй раз он завершился успехом – сейчас прямо-таки с ураганной быстротой.

Как некое забавное явление отмечу факт избрания известного писателя Сергея Шаргунова депутатом (хотя и по партийному списку) Госдумы от Алтая (впрочем, и еще от нескольких регионов). Шаргунов в Госдуме – единственный писатель. По поводу его выборов в Барнаул приезжал сам Захар Прилепин, которого, как я знаю, до этого не раз пытались зазвать на Шукшинские.

Кстати, на Шукшинских чтениях в этот раз побывала действительно актуальный автор – Гузель Яхина. Как ни относись к ее сочинению «Зулейха открывает глаза» (а мне оно напоминает странный симбиоз дамского романа, сериального киносценария и «Детей Арбата»), оно-таки стало бестселлером, что приятно выделяет его автора из числа обычных «шукшинских» гостей.

И еще раз «кстати» – книгой года признаю, причем без долгих раздумий, жизнеописание Шукшина, принадлежащее Алексею Варламову. Книга издана в крае в серии «Алтай. Судьба. Эпоха» (после того, как вышла и в «настоящей» ЖЗЛ). Варламов (который также в этом году приезжал на Шукшинские дни) сумел создать замечательный труд, в котором эмоциональность рассказчика удивительно сочетается с дотошностью биографа. Здесь ставятся, причем очень четко и правильно, главные для Шукшина – и для нас всех – вопросы. Среди всех трудов местных авторов, изданных в 2016-м, труд Варламова возвышается столетним дубом среди карликовых берез. Увы, наши в такой лиге пока не играют.

Кстати: практически все названные выше герои года появлялись, а многие и не раз, на страницах «Барнаула литературного». Думаю, появятся еще не раз – год кончается. Литература, будем надеяться, нет!

ЭТОЙ ОСЕНЬЮ МУЗЕЙ «ГОРОД» РАСШИРИЛ СВОИ ПЛОЩАДИ ПОЧТИ НА 600 КВ. М. НОВАЯ ПЛОЩАДКА МУЗЕЯ – ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ В ЦЕНТРЕ БАРНАУЛА – ОТКРЫЛА СВОИ ДВЕРИ НАКАНУНЕ ДНЯ ГОРОДА.

Зал неограниченных возможностей

Наталья Катренко
Фото: Андрей Чурилов

На самом деле эта выставочная площадка, расположенная по адресу: пр. Ленина, 111, действует в нашем городе на протяжении вот уже 45 лет. До января этого года здесь располагался Выставочный зал Союза художников Алтайского края. Но из-за того, что в последнее время профессиональному объединению платить за аренду стало не по силам, было принято решение передать помещение на баланс музея «Город». Но за Союзом художников сохранено право регулярно выставлять на этой площадке свои работы.

Как считает председатель городского комитета по культуре Валерий Паршков, у Выставочного зала начинается новая жизнь. Ведь в планах превратить этот зал в интересную площадку, где будут реализованы яркие выставочные и образовательные проекты.

– Прежде чем открыть новую выставочную площадку музея «Город» для посетителей, понадобилось отремонтировать само помещение, – пояснил Валерий Геннадьевич. – Были заменены окна, утеплена кровля, установлен карниз, без которого прежде протекали стены, а внутри осуществлен косметический ремонт – оштукатурены стены, установлены новые светильники.

По словам председателя городского комитета по культуре, из-за того, что Союз художников Алтай решил отказаться от аренды в феврале (в самом начале финансового года), средства на ремонтные работы администрации города пришлось привлекать из

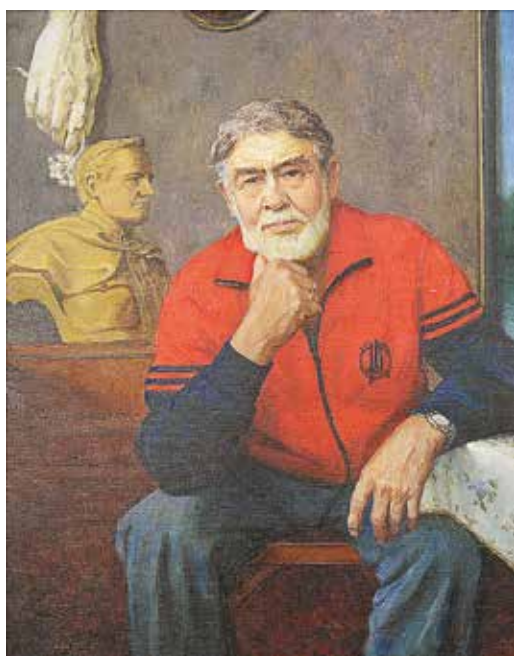
резервов. В целом на эти цели потребовалось потратить 1,8 млн руб. Однако просторный зал требует еще больших вложений. Так, уже в следующем году здесь планируется отремонтировать санузел, построить гардеробную комнату, разделить залы на зоны.

– Дело в том, что в обновленном зале будут проходить выставки не только алтайских художников, но и ведущих музеев страны, – прокомментировал Валерий Паршков. – Не исключено, что зал будет задействован и под интересные коммерческие проекты. Ясно одно: новая выставочная площадка пустовать не будет. Задача художников – наполнить зал жизнью: яркой, интересной для людей разных возрастов. Уверен, со временем Выставочный зал обрстет

Лидия Селезнёва «Ушедшая эпоха». Триптих

Ильбек Хайрулинов
«Скульптор Николай Звонков».

Ольга Мирончук
«В лучах заходящего солнца».

своими традициями, выработает собственный стиль работы с художниками, с любителями живописи, станет площадкой для проведения акций, посвященных искусству.

Как считает директор музея «Город» Наталья Вакалова, новое выставочное пространство должно работать. С этой целью сегодня активно налаживаются контакты с региональными отделениями Союза художников, обсуждается возможность принимать на этой площадке выставки из европейской части страны.

— Очень хотелось бы, чтоб новый зал стал местом встреч творческой интеллигенции Барнаула, — говорит она. — Многие опасаются, что с его открытием помещение музея, расположенное на ул. Льва Толстого, 24, станет менее востребованным. Но это не так. Во-первых, потому, что у этих зданий разные функции, а во-вторых, в будущем эти две площадки станут друг друга дополнять и тем самым играть важную роль в культурной жизни нашего города.

Что касается Союза художников Алтайского края, то с этим объединением музеев «Город» заключил соглашение о сотрудничестве, согласно которому новая выставочная площадка станет местом проведения трех краевых выставок в год, кроме того, на ее территории планируется чествовать известных художников-юбиляров.

По словам заведующей Выставочным залом, члена Союза художников Екатерины Дёмкиной, обновленное пространство уже вовсю работает. Так, в первый день сентября здесь состоялось открытие выставки «Осень 2016. Посвящение родному Барнаулу». На ней были представлены работы 90 авторов, принадлежащих, как минимум, к трем поколениям алтайских художников.

— Выставка оказалась тем и интересна, что собрала в одном зале работы опытных мастеров (Михаил Будкеев, Александр Потапов, Юрий Кабанов, Ирина Щетинина, Василий Кукса), полотна молодых художников (Иван Быков, Марат Форнель), — рассказала Екатерина Викторовна. — И, несмотря на то, что «Осень 2016» стала

своего рода отчетной выставкой художников Алтайя, их осенней премьерой, здесь были представлены не только новые работы, но и ретроспекции. К примеру, целую серию картин, объединенных названием «Малая родина», представил Михаил Будкеев, которому, кстати, в следующем году исполнится 95 лет. Кроме того, на выставке можно было увидеть немало алтайских пейзажей, полонен на исторические темы, портретов, а также нечто вроде инсталляции, отсылающей к старой лестнице на барнаульской ВДНХ (ее автор — член Союза художников, преподаватель Института архитектуры и дизайна АлтГТУ Иван Быков). В целом зал вместил около 250 работ алтайских художников.

Кстати, одним из первых посетителей выставки, посвященной Барнаулу разных лет, стал глава администрации города Сергей Дугин. По его словам, для культурной жизни нашего города открытие обновленного Выставочного зала — событие архиважное.

— Ведь это не просто очередной выставочный зал, это площадка, где будет кипеть жизнь — проходить мастер-классы, выставки, перформансы, встречи с художниками и творческими людьми, — считает Сергей Иванович. — Кроме того, новое помещение станет поводом для реализации творческих сил подрастающего поколения художников — воспитанников детских школ искусств, художественных школ, творческих вузов.

И шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в первые дни работы выставки в Выставочный зал музея «Город» были приглашены учащиеся барнаульских школ, а также школ искусств. Специально для них экскурсию провели те художники, чьи работы были представлены на выставке. А в декабре в обновленном зале отпразднует свой 50-летний юбилей знаменитая «первая художка» — Барнаульская детская школа искусств № 1.

Среди значимых мероприятий второй половины этого года — выставка известного барнаульского пейзажиста Сергея Прохорова, посвященная юбилею художника, а также выставки памяти недавно ушедших из жизни мастеров Владимира Каминского и Геннадия Буркова, пояснила Екатерина Дёмкина.

